

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

И.И.МЕЩАНИНОВ

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
УРАРТСКОГО
ЯЗЫКА

Часть первая

ИМЕННЫЕ
ЧАСТИ РЕЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · Ленинград
1 9 5 8

В книге содержится описание особенностей графики и фонетики языка древней Биайны (Урарту), а также морфологии именных частей речи этого языка. Изложение иллюстрируется большим количеством примеров из бийанских (урартских) клинописных памятников, примеры даны в транслитерации.

Книга рассчитана на специалистов по древним языкам Кавказа и Передней Азии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древнейшие письменные памятники, найденные на территории Советского Союза, относятся к IX—VI векам до н. э. и принадлежат народу, называвшему свою страну Биайной. История этой страны восстанавливается по ассирийским источникам, в которых она именуется Урарту. В научной литературе закрепилось ассирийское название этой страны. Цари ее именуются урартскими, хотя сами они называли себя царями Биайны.

Заимствуя у Ассирии ее систему письма, Биайна приспособляла ее к передаче своей несемитической речи, что привело к неизбежным отклонениям от строго выдержанного чтения ассирийской графики. Применяя ее слоговые клинописные знаки, биайнскому писцу пришлось комбинировать их и даже, местами, оставлять за ними произношение одним согласным. Традиционное чтение биайнских текстов не учитывает этих особенностей, вызванных использованием чужеземной системы письма. Это отразилось на искаженной передаче ряда слов и собственных имен, в том числе царя Менуа, имя которого (Минуа) не поддавалось точному написанию средствами наличного силлабария. Писец не имел в своем распоряжении особого знака -mi-, что вынуждало его или дать такое же чтение имевшемуся знаку -me-, или же отделить его огласовку добавлением гласного -i-, что сохраняло за самим силлабарным знаком сокращенное его произношение.

Считая необходимым проводить указанные уточнения в чтении анализируемых текстов и предлагаемом обзоре граммати-

ческих форм, я все же вынужден считаться с укоренившейся в научной литературе передачей отдельных имен, например, того же Менуа. По той же причине я сохраняю в заголовке моей работы наименование страны Урарту, хотя в самих наличных текстах Биайны такое ее ассирийское название нигде не встречается. Нарушение мною установленной традиции могло бы быть понято только весьма узким кругом специалистов.

Число обнаруженных надписей Биайны-Урарту достигает почти четырех сотен. В них содержатся сведения по топонимике нашего Закавказья первой половины I тысячелетия до н. э., говорится об обитавших в нем племенах, имеется ряд сведений об их экономике и быте. Все эти данные представляют значительный интерес для историка края. Не менее ценный материал содержится в грамматическом строе языка Биайны. В работах исследователей особое внимание обращается на его синтаксические и морфологические конструкции (эргативный строй предложения, наличие видовых аспектов и весьма сложная суффиксация показателей субъекта в глаголах). Выясняется также основной состав лексики. Уточняемая структура языка даст возможность выявить его место среди других и его возможные связи с языками Кавказа и соседящими языками Передней Азии.

Полное собрание текстов Биайны-Урарту издавалось А. Сэйсом начиная с 1882 г. в последовательной серии публикаций, помещаемых в *Journal of the Royal Asiatic Society*. Издание текстов, предваренное кратким грамматическим очерком, ограничилось здесь их передачей в транскрипциях. В том же виде опубликован свод тех же надписей Ж. Сандаджианом (1900 г.). Прекрасное издание текстов с их фототипическим воспроизведением дано М. В. Никольским в «Клинообразных надписях Закавказья» (1896 г.), но его капитальный труд ограничен надписями, найденными только в Армении.

Фундаментальное издание всех текстов в их транскрипции, сопровождаемых фототипическими воспроизведениями, начато К. Ф. Леманн-Гауптом в его «*Corpus Inscriptionum Chaldaica-*

гит». Вышли два тома (1928 и 1935 гг.) с приложением двух альбомов с ясно читаемыми фототипиями. К сожалению, за смертью автора не вышел намечаемый к изданию третий том и подготовлявшийся полный указатель используемых в надписях слов и собственных имен. Эту задачу с исчерпывающею полнотою выполнил Г. А. Меликишвили, поместивший в № 1 «Вестника древней истории» за 1954 г. указатель идеографических знаков, собственных имен и всех встречающихся в надписях слов в их различных написаниях. В том же журнале за 1953 г. дан краткий грамматический очерк и опубликованы сами тексты. Их транскрипция точно сверена с наличными оригиналами, имеющимися в фотографиях, гипсовых слепках и эстампажах. Как те, так и другие тут же воспроизводятся, но в ограниченном количестве — с использованием только имеющихся в собраниях Музея Грузии.

Привлекая богатейший материал, даваемый Г. А. Меликишвили, приходится все же ссылки на соответствующие надписи делать по альбомам корпуса К. Ф. Леманн-Гаупта и по тем отдельным изданиям надписей, в которых имеются не только транскрипции, но и воспроизведение текстов фототипиями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ** — Вестник древней истории.
- ДАН** — Доклады Академии наук СССР.
- Даш-Керпи** — Н. Я. Марр. Надпись Сардура II, сына Аргиштия, в Даш-Керпи. Записки Кавказского музея, сер. В—I, Пгр., 1919.
- Звартноц** — И. И. Мещанинов. Халдоведение, табл. XXII. Баку, 1927.
- ИАК** — М. В. Никольский. Новооткрытая в Эриванской губернии клинообразная надпись. Известия Археологической комиссии, вып. 37, М., 1910.
- Кар.-Бл.** — Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур. Ереван, т. I, 1950; т. II, 1952.
- Келишин** — билингва, ее текст см.: Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи (под № 19). ВДИ, № 1, 1953.
- Кологран** — И. И. Мещанинов. Кологранская надпись. Изв. АН СССР, 1932.
- М. Гр.** — Г. В. Церетели. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939.
- Маку** — Н. Я. Марр. Надпись Русы II из Маку. Записки Восточного отделения Русск. Археол. общества, т. XXV, Пб., 1921.
- Мелик.** — Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи ВДИ, 1953, №№.1—4.
- Ник.** — М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья. Материалы по археологии Кавказа, вып. V, М., 1896.

- Нор-Баязет — И. И. Мещанинов. Халдская надпись из Нор-Баязета. ДАН, 1928.
- Сард. лет. — Н. Я. Марр. Надписи Сардура Второго из раскопок ниши на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 года в Ван. Пб., 1922. (Заглавными буквами указываются соответствующие столбцы надписи по их нумерации, проведенной Tseretheli).
- стрк. — строка (надписи).
- Сурб-Погос — И. И. Мещанинов. Стела Сардура в Ване, Сурб-Погос. Изв. АН СССР, 1932.
- Топсау — билингва, ее текст см.: Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи (под № 264). ВДИ, № 4, 1953.
- Хорхор — летопись Аргиштия I, ее текст см.: Г. А. Меликишвили, ук. раб. (под № 127). ВДИ, № 3, 1953.
- Caucasica — I. Friedrich. Beiträge zu Grammatik und Lexikon des Chaldischen. Сб. Caucasica, вып. VII и VIII, Лейпциг, 1931.
- Corpus — C. F. Lehmann-Haupt. Corpus inscriptionum chaldicarum [альбомы надписей], I—1928: III—1953, Берлин—Лейпциг.
- Einführung — I. Friedrich. Einführung ins Urartäische. Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft, B. XXXVII, Лейпциг, 1933.
- Sayce — A. H. Sayce. The cuneiform inscriptions of Van. Journal of the Royal Asiatic Society, Лондон, 1882, 1888, 1894, 1901, 1906.
- Tseretheli — M. v. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Гейдельберг, 1928.
- ZA NF — I. Friedrich. Zur urartäischen Nominalflexion. Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge, VI, Берлин, 1931.

ГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В ПЕРЕДАЧЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ НАПИСАНИИ ИМЕН И ИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

Фонетические особенности, состав фонем и их произношение в языке биайнской клинописи, благодаря заимствованной у ассирийцев системе письма, не могут быть установлены с требуемой точностью произношения отдельных звуков. Заимствованная система графики привела к необходимости применить выявляемый по слоговым знакам алфавит к языку явно не семитическому и приспособить эти знаки к передаче имевшихся фонетических расхождений. Биайнский писец, используя ассирийскую клинопись, вносил в нее лишь частичные свои изменения, главным образом в приемах начертания отдельных знаков, избегая перекрещивания клиньев. Что же касается оттенения самих фонем, то местами наблюдается неустойчивость в их использовании, местами же, наоборот, известного рода последовательность. Так, различаемые в ассирийских текстах два написания гласного у (-u, -ú) иногда в биайнских словах смешиваются, например в написании: ḥa-u-ni и ḥa-ú-ni, иногда же явно оттеняются устойчивым использованием только одного из этих двух различных изображений названного гласного, например в собственном имени Менуа (Menua, Meīnuā), в котором, при повторении огласовки слога -nu, последовательно помещается -ú, ср.: Me-nu-ú-a-še, Me-nu-ú-a-ni, Me-nu-ú-a-ḥi-ni-e-i.

Писцу приходилось, при написании слов родного языка, использовать приемы, выработанные на сложной системе сло-

говых знаков, приспособленной к передаче семитической речи, что и вызвало ряд затруднений как в практике биайнского письма, так и в нашей дешифровке поступившего довольно обильного материала. Возможно, что темный пока вопрос о точном произношении биайнских слов делается более ясным при расширении лексических сопоставлений биайнского языка с иберийско-кавказскими и армянским, но пока такие сопоставления носят эпизодический характер. Что же касается самой системы написания, то по отношению к ней все же имеют место отдельные наблюдения, получающие существенное значение для проводимого анализа словарного состава и его грамматического оформления.

При интерпретации изучаемых надписей следует иметь в виду, что биайнская клинопись заимствовала ассирийскую силлабарную графику, в которой отдельный знак мог получать различное значение. При транслитерации наличных знаков исследователи остановились на однозначном чтении, основываясь на вариантах написания одного и того же слова, например: Ar-gi-iš-ti-e-ḫi и Ar-giš-ti-ḫi. Из выступающих в этом имени трех знаков: -gi, -iš, -giš два последних имеют в ассирийском силлабаре несколько чтений, а именно, второй из них — -iš, -mīl, а третий — -is, -iz, -giš. При ясном чтении первого знака (-gi) уточняется произношение и двух последующих, так как знак -iš только в этом его значении дает с первым (-gi) построение слога, передаваемого одним знаком — -giš, который и должен выступать в данном его чтении, так как лишь сочетание gi-iš дает заменяющий их слоговой знак -giš.

Уточняющим пособием оказывается также широко применяемое писцами повторение гласного исхода, помещаемого вслед за клинописным знаком. Например, в глаголе za-du-ni 'сделал' средний знак -du получает в ассирийском ряд значений: -du, -gub, -kub, -qur, -gin, kīn. В биайнских текстах неоднократно встречается расширенное дополнительной огласовкой написание того же слова: za-du-ú-ni. Повторный гласный свидетельствует о предшествующем открытом слоге,

каковым из перечисленных значений примененного знака выступает только -du. Чтение отдельных слов в их биайнском произношении могло бы подкрепиться наличием биайно-ассирийских билингв; однако последние вскрывают значение слов, но не их произношение, за исключением собственных имен, повторяющихся также в ассирийских летописях. Ассирийские заимствования в лексическом составе в точности не прослежены, но отдельные слова, например: *kubuše*, графически *ku-bu-še-e* 'шлем', сближаются с их ассирийским соответствием *kubšu*, *pulusi* 'каменная глыба, стела' с ассирийским *pulanī* 'известняк' и тем самым устанавливаются в произношении соответствующих слоговых знаков. Такие примеры остаются единичными. Ими устанавливаются правильное чтение данного знака в данном слове, но вовсе не подтверждается такое же его чтение в других словах. Заключительные строки с заклинаниями (формулы проклятия), с которых началось чтение биайнских надписей, аналогичны таким же ассирийским только по содержанию, но исчерпывающих данных для фонетического чтения не представляют.

При таких условиях не имеется полной уверенности в том, что принятое только однозначное чтение применимо ко всем заимствованным знакам клинописи во всех случаях их использования в различных словах. Поэтому возможно, что в предложенном чтении отдельных слов содержатся ошибки. Соответствующая проверка может быть проведена только путем привлечения к сравнению лексики родственных языков. Эти замечания относятся, главным образом, к словарному составу, что же касается грамматического строя, то он, в своей клинописной передаче, выступает более ясно, выявляя действующую систему оформления глагола и имен, хотя и здесь требуется учет наблюдаемых особенностей в использовании силлабарной графики.

Осложнением в чтении биайнских текстов является отсутствие полной уверенности в том, что слоговой знак всегда читался в целом его составе, сочетающем согласный с гласным. При действовавшей системе графики писец не всегда мог

использовать слоговой знак в полном его чтении, в особенности, когда требовалась передача двух сочетающихся согласных. Так, например, для написания глагола *partu* 'они захватили' можно было взять знаки с одним и тем же гласным в исходе и начале: *ra-ar-tu*, но таких возможностей не было для глагола *tertu* 'они установили', так как знак *-er* в биаинской клинописи отсутствует. Писцу пришлось его заменить близким по огласовке знаком *-ir*, что графически дало *te-ir-tu*, в чтении же *tertu*. При написаниях *ra-ar*, *te-ir*, передающих один слог *-rar*, *-ter*, нужно было из числа помещенных знаков читать некоторые в одном их согласном составе: *ra-(a)r-tu*, *te-(i)r-tu*. Но к подобному однофонемному чтению писец прибегал иногда и в тех случаях, когда ему вовсе не было необходимости комбинировать слоговые знаки, чтобы из их сочетания составить требуемый слог, полностью не представленный одним знаком, как это имело место при написании слогов *-rar* и *-ter*. Например, при неоднократно встречающемся начертании слова *za-du-ni* 'он сделал' тремя знаками, *za-du-ni* можно найти и такое, в котором слоговые знаки усекаются в одногласный, ср.: *za-a-du-ú-ni* (*Corpus*, 4).

Что писец нередко использовал слоговые знаки клинописи в их однозвучном согласном составе, это подтверждается повторным помещением гласного вслед за слоговым знаком, в состав которого он же входит, например: *nu-na-a-bi* (*nunabi*), *ra-ru-ú-bi* (*parubi*), *ma-a-nu* (*manu*), *ša-a-li* (*šali*), *ku-ú-li* (*kuli*), *ku-ul-me-e* (*kulme*). В последнем примере писец и не мог избежать однозвучного чтения слогового знака, так как для передачи слога *-kul* в его распоряжении не было одного клинописного знака и ему пришлось использовать два знака с одним и тем же гласным, в одном случае исходным, а в другом начальным (*ku-ul*). Возможно, что именно поэтому и последний слог *-me* писец изобразил двумя знаками, читая первый из них лишь согласным: *m(e)-e*. Явно одногласное чтение клинописного знака имеем в параллельном написании географического названия *Ка-а-та-ни-ú-и*, переданного в другом месте иным сочетанием знаков: *Ка-ат-ни-ú-и*, что дает фонетическое

чтение Kamniui, каковое, очевидно, имелось в виду и при первом из приведенных начертаний того же имени (Сард. лет. D, стк. 51; F, стк. 23). Уточнив огласовку первого знака (ka-a), писавший надпись уже лишил себя возможности передать весь слог kam иными средствами, чем те, к которым он и прибегнул, использовав знак -та в его усеченном виде: Ka-a-m(a)-ni-ú-i.

Допускавшееся местами неполное чтение слогового знака вело, в свою очередь, к осложнению письма дополнительными знаками, передававшими соответствующую огласовку и в тех случаях, когда полное чтение слогового знака уже содержало требуемый гласный звук, вновь особо повторяемый. Поэтому, например, при написании слова alsuišini 'великий' пишущий прибегал к различному его начертанию с использованием соответствующих знаков то в их одиночном виде, то в сопровождении гласного, повторяющего гласный звук данного слога, ср.: al-su-i-ši-ni и al-su-ú-i-ši-ni. Первое из них при однозвучном чтении слогового знака можно было бы произнести al-s-i-ši-ni, в связи с чем писец специально подчеркнул огласовку знака -su, помещая рядом с ним гласный повтор. Такая манера письма, получившая широкое применение, свидетельствует о желании подтвердить огласовку слогового знака, а вовсе не отенение долготы гласного. В связи с этим затрудняется вопрос о различении в биайнском языке долгих и кратких гласных. Сложность выделения отдельных фонем в системе слогового письма привела к использованию различных сочетаний имевшегося запаса клинописи, что осложнялось еще и установившимися правилами, не допускавшими переноса слов. Поэтому повторение гласного вызывалось иногда также и необходимостью заполнить строку удлинением написания соответствующих слов.

Все же в некоторых случаях писец бывал вынужден со специальной целью оттенять гласный предшествующего слогового знака, тем самым обращая его в одногласный. Это имело место тогда, когда в составе биайнской клинописи отсутствовал слоговой знак с требуемой огласовкой. В этих

случаях или брался близкий по произношению слоговой знак, который и читался с соответствующим его изменением, или же таковой дополнялся уточняющим его чтение гласным, который уже не являлся в данном его применении простым гласным повтором. Так, например, в клинописи Биайны отсутствует знак -le, поэтому показатель пермансива, выражаемый данным слогом, передавался в клинописи знаком -li, а иногда сочетанием этого же знака с гласным -e, графически — li-e, в чтении в обоих случаях -le. Равным образом, в клинописи не имеется знака -se, в связи с чем слово, обозначающее 'камень, стела, надпись', puluse писалось в форме как pulusi, так и pulusie (Corpus, 89—96). То же самое получилось с передачей слога -mi, не имеющего соответствующего клинописного знака. В связи с этим для написания данного слога пришлось взять знак с близкою огласовкою -me и, сохраняя за ним однозвучное чтение -m, рядом поместить требуемую огласовку -i. Это получилось в написании царского имени Менуа, передаваемого в письме как в форме Me-nu-a, так и Me-i-nu-a, а в отдельных случаях даже с явно однозначным чтением всех используемых знаков, ср.: Me-i-nu-ú-a (Corpus, 64, стк. 2,8).

Тем самым устанавливается чтение этого имени Minua, а не Menua, как это ошибочно оказалось общеупотребительным во всех биайноведческих работах, основывающихся на более распространенном начертании Me-nu-a и не считавшихся с особенностями клинописной графики, вынужденной прибегать к слоговым обозначениям не всегда достаточно точным. Знак -me в этом имени, очевидно, читался так же, как он же с добавлением соответствующего гласного: -me-i. Сам же слог -me, с его наличною огласовкою, мог выступать в других словах полнозначным слогом, что подтверждается повторением его же огласовки, ср.: meše 'дань', графически me-še, me-e-še (Сард. лет. А, стк. 18; F, стк. 21).

Сочетание -me-e, с повторным гласным, противопоставляется сочетанию -me-i с уточняющим гласным, ср.: -me-e (me), me i (mi). Выступающая и в том и в другом положении

огласовка может быть понята и как подкрепление чтения предшествующего слогового знака, и как чтение его с одним только согласным звуком. Поясняющим примером может служить приведенное собственное имя правителя Биайны в указанном его более сложном написании, поставленном в эргативном падеже: Me-i-ni-ú-a-še. Поскольку все предыдущие знаки читаются в данном случае однозвучно, возникает вполне оправдываемое сомнение в правильности полного чтения также и последнего знака -še, ср.: m(e)-i-n(u)-ú-a-š(e), что имеет непосредственное отношение к грамматической форме эргативного падежа биайнского языка.

Такое же сомнение возникало и при чтении имени бога Тейшеба, передаваемого в большинстве текстов ассирийской идеограммой ^dIM (Адад). В отдельных более редких случаях дается его биайнское произношение, например в надписи Sause, 20: Te-e-i-še-ba-a-še (с окончанием эргативного падежа -še). Признавая за знаком -še полное его произношение, я в свое время предлагал изменить обычное чтение данного собственного имени Теишба на, как казалось мне, более правильное Тейшеба.¹ Затем, углубляясь в изучение самой системы биайнской графики, я пришел к обратному выводу, усмотрев в написании Te-e-i-še-ba-a-še однозвучное использование всех взятых в данном примере клинописных знаков t-e-i-š-b-a-š. Последний знак, передающий падежное окончание, непосредственного отношения к основе собственного имени не имеет, остается Teišba.

К такому заключению ведут, казалось бы, и все только что приведенные мною выводы, учитывающие действовавшую систему клинописной графики. Но биайнский писец, основательно владеющий родным для него языком, не встречал затруднений в чтении помещаемых им знаков и потому мог одно и то же слово в его письменной передаче как оттенять огласовками, так и не прибегать к подобного рода детализации. Даже в одном и том же столбце Сардуровских летописей можно найти различные написания слов: ra-gu-bi, ra-gu-ú-bi

¹ См. мою работу Халдоведение (Баку, 1927), стр. 123.

‘я захватил’ (А, стк. 10, 21, 23, 27); ḥa-ši-al-me, ḥa-ši-al-me-e
 ‘они помогли мне’ (Е, стк. 7,47); e-ba-ni-ú-ki-dī, e-ba-ni-ú-ki-e-dī
 ‘в мою страну’ (Е, стк. 18, 24); e-ba-ni-e-dī, e-ba-ni-gi-dī
 ‘в страну’ (А, стк. 5; Е, стк. 49), и т. д. Пишущий мог различными приемами использовать знаки также и в границах одного и того же слова, например, читать слог -še в имени бога Тейшеба в полном виде в середине основы и в усеченном в конце слова: Т(е)-e-i-še-b(a)-a-š(e). К более уверенным выводам нужно было приходиться не по имевшемуся одиночному написанию отдельно взятого слова, а путем сопоставления ряда написаний одного и того же слова в одной и той же грамматической форме. Если в текстах написано слово, обозначающее ‘дань’, один раз двумя знаками: me-še, а другой раз тремя: me-e-še, причем полное чтение окончания имен существительных на -še устанавливается рядом других примеров, как-то: ku-bu-še-e ‘шлем’ (Кар.-Бл. II, стр. 50), al-su-i-še-e ‘величие’ (Corpus, 85, стк. 7), то отсюда можно прийти к выводу, что основой данного слова было meše. Но таких графических сопоставлений при восстановлении имени Тейшеба в моем распоряжении тогда не имелось. На чтении Teišba мне и пришлось бы остановиться, если бы в самые последние годы не были получены данные, подтверждающие правильность моих первоначальных объяснений.

В одной, хотя и весьма дефектной, надписи из Арджеша (Corpus, 148—149) все же ясно выступает начертание того же имени с повторною огласовкою слогового знака -še в основе слова Те-і-še-е-ва.¹ Оказывается, таким образом, что биайнский писец не был последователен в использовании слоговых знаков, помещаемых то в их полном, то в усеченном виде, причем даже в написании одного и того же слова. При некоторых знаках он оттенял их огласовку, при некоторых же оставлял без такого уточнения. Так и получилось в отмеченном выше Те-е-і-še-ва-а, в котором слог -še, несмотря на отсутствие гласного повтора, наличного при всех

¹ См.: I. Friedrich. Die Namen des urartäischen Sonnen- und Mondgottes. *Orientalia*, IX, fas. 3, 1940, стр. 214—215.

остальных слоговых знаках, тем не менее читался в его полном составе. В связи с этим в научной литературе последних лет оказалось принятым не старое чтение Теишба (К. Ф. Леманн-Гаупт, *Cogrus*), а уже исправленное — Тешеба (И. Фридрих, А. Гётце), что, равным образом, представляется мне необоснованным.

Бийнский писец, конечно, не преследовал цели однообразного использования употребляемых им знаков. Он иногда уточнял огласовку слогового знака, иногда оставлял его без таких уточнений, но там, где он умышленно помещал дополнительный знак (гласный), он следовал более точной фонетической передаче изображаемого в письме слова. Поэтому, если в написании *Te-e-i-še-ba-a* подчеркивается чтение первого слога *-te*, графически *-te-e*, то следующий за ним *-i* уже выступает в своем самостоятельном значении, что, при полном слоговом произношении знака *-še*, графически *-še-e* (по надписи из Арджеша), обуславливает чтение имени бога не *Tešeba*, а *Teišeba* (Тейшеба). Проведенный анализ касается основы собственного имени, но не его грамматического оформления (*Teišeba-še*), которое нуждается в таком же специальном исследовании.

Ознакомление с системой бийнской графики оставляет под сомнением полнозвучное чтение падежного окончания *-še*, оформляющего подлежащее при переходном глаголе (эргативный падеж). Грамматические формы в их графической передаче оказываются в тех же сложных условиях в особенности, когда они получают слоговое выражение. Здесь, равным образом, приходится для установления их чтения прибегать к расширенным сопоставлениям их написания в различных словах, причем и тут опорным пунктом может служить дополнительная огласовка, играющая существенную роль при транслитерации силлабарного письма.

Окончания слов в надписях нередко снабжаются уточняющей огласовкой, которая выявляет соответствующую грамматическую форму. Так, например, именительный падеж в наименовании страны Игани представлен в Сардуровских летописях специальным гласным *-i*, который уточняет основу

тем, что ее последний слог *-ni* в свою очередь оттеняется наличием в нем гласного: *I-ga-ni-i*, что образует стечение гласных *-i-i*, из которых один относится к основе, а другой выделяет ее огласовку. Получилось написание имени *Iganii*, представляющего собою основу слова, стоящего в именительном падеже (*Iga-ni-i*), ср. в фонетическом чтении: *karuni* ^mКарурини *ŠARRU MĀTU Jganii* 'покорил Капурины, царя страны Игани' (Сард. лет. F, стк. 7). Таким образом выясняется, что основой имени является *Igani*. Поэтому, когда в той же Сардуровской летописи строкою выше стоит: *uštadi MĀTU Iganiedi* 'я направился в страну Игани', можно с достаточным основанием заключить, что в получившемся здесь сочетании знаков *-ni-e* каждый из них выступает самостоятельно, давая полное чтение слогового знака *-ni* с этою его огласовкою и падежный суффикс *-edi* (направительный падеж).

Таким путем уточняется чтение как самих слов, так и их грамматических форм, ср. также название страны Кумахахали (Куммух), получившей в именительном (неоформленном) падеже написание: *Qu-ma-ḥa-ḥa-li-i*, что фонетически дает *Qumaḥaḥali* с исходною огласовкою *-i*: *karuni MĀTU Qumaḥaḥali* 'покорил страну Кумахахали' (Сард. лет. E, стк. 36—37). Такое же уточнение гласного исхода падежных окончаний можно встретить неоднократно, ср. направительный падеж во множественном числе *-ašte* (графически *-aš-te-e*) в написании названия страны Биайны: *Vi-a-i-na-aš-te-e* (там же, стк. 45), ср. также написание *giš-šu-ri-e*, *giš-šu-ri-i-e* в одном и том же контексте: *uštabi masinie giššurie* с условным переводом 'выступило воинство'. Последние два слова прослеживаются в следующих вариантах: *ma-si-i-ni-e giš-šu-ri-e* (Сард. лет. A, стк. 1), *ma-si-ni-e giš-šu-ri-i-e* (там же D, стк. 46), *ma-si-ni-i-e giš-šu-ri-e* (Corpus, 31, стк. 1—2). Конечный гласный *-e* выделяется в обоих словах путем помещения особой огласовки в слоге *-ri* (*-ri-i*) и в слоге *-ni* (*-ni-i*). То же самое можно видеть и в таких написаниях, как ^d*Hal-di-i-e e-ú-ri-i-e* (Corpus, 66, стк. 2), фонетически ^d*Haldie eurie*, с выделением окончания

дательного падежа ^dHaldi-e euri-e 'богу Халду владыке', ср. также варианты словословия 'Халдовым величием (величием бога Халда)': ^dHal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni (Сард. лет. А, стк. 6), ^dHal-di-i-ni-ni al-su-i-ši-ni (там же G, стк. 1), ^dHal-di-i-ni-i-ni al-su-ú-i-ši-ni (там же B, стк. 36—37). В последнем примере отделяется огласовкою основа имени Haldi (Hal-di-i), суффикс принадлежности -ni (-ni-i) и окончание аблатива -ni, повторяющееся в слове 'величие': alsuši-ni.

Такого же выделения огласовки в окончании эргативного падежа -še в биайнской клинописи мне встречать не приходилось.¹ Не получая нигде специально выраженной огласовки, знак -še, в его использовании в падежном назначении, имеет в то же время свои варианты с одним только написанием согласного звука. Это можно встретить не только в тех случаях, когда слово осложняется дополнительным суффиксом (энклитикою), ср.: ^dHal-di-iš-me: iu ^dHaldiš-me ŠARRU tuhi aguni 'когда бог Халд мне царство даровал' (Сард. лет G, стк. 2), но и в словах, заканчивающихся одним только указанным падежным окончанием, ср.: Iš-ru-ú-i-ni-iš (Corpus, 10, стк. 1). Преобладающим является другое написание того же собственного имени с исходным -še, где этот его последний слог никогда не получает повторения своей огласовки: Iš-ru-ú-i-ni-še (Corpus, 9 и др.). Помещение знака -še в конце слова без сопровождения отдельно стоящим -e обращает на себя внимание в особенности, когда другие слоговые знаки получают повторение гласного звука. Поэтому особый интерес возбуждает встречающееся начертание со сплошными гласными повторами: Iš-ru-ú-i-ni-i-še (Corpus, 4, 6). Если при имеющемся здесь выделении гласных звуков читать предшествующие им знаки лишь в их согласном составе и, таким образом, все слоговые знаки с конечным гласным произносить одним согласным звуком, то в итоге получится то же самое фонетически передаваемое целое, какое

¹ В надписи Corpus, 36 на строке 8 в стереотипном тексте формулы проклятия стоит (a-lu)-še-e. Текст дефектен и воспроизводится не по подлиннику, а по копии Белька.

выступает в редко встречающемся Išruiniš, ср.: Iš-p(u)-ú-i-n(i)-i-š(e).

Сомнение в чтении данного имени вызывает только то, что в биайнской клинописи слоговой знак вовсе не всегда сопровождался соответствующей отдельно стоящей огласовкой и, следовательно, читался полным слогом. Он использовался как однозвучный тогда, когда писец встречал препятствие в передаче одного согласного звука, но именно с согласным -š у него, при наличии знаков -iš, -aš, -uš, таких затруднений не было. Тем не менее все сказанное относительно падежного окончания -š(e) продолжает оставаться в силе благодаря наличию хотя и редкого, но все же встречающегося написания данного падежного окончания -š, к тому же не в одном только отмеченном выше случае.

Заслуживает также внимания встречающееся в Келишинской билингве такое же написание имени Халда, стоящего в эргативном падеже. В заключительной формуле проклятия вместо обычного Ḫaldiše в билингве стоит Ḫaldiš (Corpus, 12, стр. 40). С этого имени начинается божественная троица, представленная еще двумя идеограммами богов грозы (луны) и солнца. Все три собственных имени стоят в эргативном падеже, но с различным его написанием в отмеченных двух вариантах: ^dḪal-di-iš ADAD-še ^dŠAMAŠ-še. Хотя в распоряжении писца были требуемые слоговые знаки с согласным звуком в исходе (-aš, -iš), но он их при идеографическом изображении имен богов не использовал, ср. возможность их написания при фонетическом чтении данных идеограмм: ADAD-še (Te-i-še-ba-aš), ŠAMAŠ (Ši-ú-i-ni-iš). Все же написание Халда с конечным согласным -š (Ḫal-di-iš) дает основание предполагать, что и при перечне остальных богов добавляемый слоговой знак -še произносился одним согласным. Изложенное оправдывает чтение суффикса эргативного падежа -š, графически передаваемого в большинстве случаев слоговым знаком -š(e).

При использовании данного слогового знака для передачи окончания эргативного падежа не встречается повторного

гласного -е, но когда тот же знак оканчивает основы имен и в этом случае выступает в полном своем чтении, то повторение исходного гласного допускается, ср.: *alsuiše* 'величие', графически *al-su-i-še-e* (Corpus, 84, стк. 7); *kubuše* 'шлем', графически *ku-bu-še-e* (Кар.-Бл. II, стр. 50). Но приведенные слова стоят в именительном (неоформленном) падеже и их окончание -še не имеет никакого отношения к суффиксу эргативного падежа. Ряд имен существительных в биайнском языке оканчивается на слог -še, передаваемый как одним слоговым знаком, так и с добавлением его огласовки: *ul-gu-ú-še ri-su-ú-še al-su-i-še-e* 'жизнь, радость, величие' (Corpus, 84, 85, стк. 7). Между тем падежное окончание -š изображается в письме только с помощью слогового знака, содержащего в себе согласный -š или в конце (-iš) или в начале (-še), что и устанавливает грамматическую форму, ограниченную одним этим согласным звуком (эргативный падеж).

Повторение гласного звука оказывается для писца вовсе не обязательным, так как принятая им графическая система вовсе не сводит все знаки к передаче одного звука (ср. в древнеперсидской клинописи). Биайнский писец использует слоговые знаки в их полном чтении. Сокращение этих знаков до одного согласного звука допускается только в тех случаях, когда комбинируются слоговые знаки так, чтобы из их сочетания образовалась требуемая грамматическая форма с одним согласным, получить которую можно было только сочетанием слоговых знаков, так как отдельных знаков для передачи одного согласного не имелось. Тогда брались подходящие для этого знаки, например *-ni-iš* (ср.: *Iš-ri-ú-i-ni-iš*). Огласовка *-iš* повторяет исходную огласовку предшествующего знака *-ni* и тем самым утрачивает свое самостоятельное чтение. Но в манере биайнского писца наблюдается и другая, отмеченная выше особенность. Имея в своем запасе ограниченное число знаков, писец местами оттеняет огласовку слогового знака. Такое повторение гласного звука, несомненно, содействует более правильному чтению соответствующих слов и их грамматических форм. Там, где грамматическая форма, предполо-

ленная слоговым знаком, не повторяется в своей огласовке, полное ее чтение остается под сомнением только потому, что падежное окончание, оставаясь одним и тем же, но оформляя разные слова, нигде не сопровождается дополнительной огласовкою. Поэтому, например, окончание именительного падежа собственных имен при глаголах движения и в царской титулатуре обычно получает суффикс -ni, который, выступая в этом его значении, нигде не сопровождается гласным -i (-ni-i). Там же, где такое построение имеет место, оно дает иную грамматическую форму, а именно форму родительного падежа; ср. написание одного и того же имени с окончаниями -ni, -ni-i на щите Артиштия: ^mAr-gi-iš-ti-ni-i ú-ri-iš-ḥu-si-ni-e-i ^mMe-nu-ú-a-ḥi ŠARRU DAN.NU ŠARRU al-su-ú-i-ni ŠAR MĀTU Vi-i-a-i-na-ú-(e) a-lu-si-e Tu-uš-ra ĀLU 'Аргиштиевой крепости сына Менуи этот щит. Аргишти сын Менуи царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, властитель города Тушпы'. (Кар.-Бл. II, стр. 51). Имя царя Аргишти встречается в данном тексте два раза. В одном месте, в конце надписи, оно стоит в именительном падеже Ar-gi-iš-ti-ni и оканчивается на упомянутый суффикс -ni, в другом поставлено Ar-gi-iš-ti-ni-i, связанное с последующим словом ú-ri-iš-ḥu-si-ni-e-i. Оба слова стоят в родительном падеже: Argišṭini-i urišḥusini-ei 'Аргиштиевой крепости', чем и объясняется постановка отдельного гласного -i, заканчивающего собственное имя, стоящее в притяжательной форме: Argišṭi-ni-i. Наличие гласного -i в родительном падеже слова Argišṭini-i, ср. также: Menua-i pili 'Менуи канал', выделяет этот гласный на самостоятельное место, оставляя знак -ni (Argišṭi-ni) в том же неясном его полном или усеченном чтении. Не устраняется поэтому возможность видеть в окончании именительного падежа одно -n, что, при отмечаемой многозначности суффикса -ni, заслуживает особого внимания, исключая это падежное окончание из числа различных значений данного суффикса.

Чтение биайнских собственных имен подкрепляется их же упоминанием в ассирийских летописях, но грамматическое их оформление получает в биайнских текстах свои отличия. Так,

эргативный падеж на -š(e) в ассирийских надписях отсутствует. Равным образом нет в них и именительного падежа на -n(i). Имя Ишпуина передается в ассирийском тексте Келишинской билингвы: Iš-ru-u-i-ni apil Sar-dur 'Ишпуини сын Сардура'. Это имя выступает в биайнском тексте в именительном падеже: nu-na-be ^mIš-ru-ú-i-ni-ni 'направился Ишпунни' (Corpus, 12, стк. 17). Собственное имя заканчивается падежным суффиксом -n(i). Основую имени остается Išruini. Полное чтение последнего слога его основы -ni подтверждается написанием этого слога с его повторною огласовкою: Iš-ru-ú-i-ni-i-ni (Corpus, 15, стк. 11). Таким образом, ассирийское чтение этого имени совпадает с биайнским. Имя Сардура в том же падеже выявляет основу Sarduri, по ассирийски Sardur, ср. в биайнском: uš-ta-a-bi ^mSAR-du-ri-ni (Сард. лет. С, стк. 24); uš-ta-bi ^mSAR-du-ri-i-ni (там же А, стк. 3), в обоих случаях имеем фонетическое чтение: uštabi ^mSardurin(i). Повторение гласного при слоге -ri (-ri-i) указывает на полное чтение соответствующего слогового знака, давая тем самым основу Sarduri, ср. SAR-du-ri (Ник. XIII, стк. 2). Такое чтение подтверждается также написанием того же имени в эргативном падеже: SAR-du-ri-i-še (Кар.-Бл. II, стр. 50).

Уточнение чтения имен существительных использованием дополнительных огласовок может быть прослежено и в производных формах от тех же собственных имен. То же имя Сардура, выступая отчеством, получает дополнительное обозначение ḥine, фонетическое чтение которого, равным образом, устанавливается сличением различных вариантов его написания; ср. с частым повтором гласного: ^mIš-ru-ú-i-ni-i-še ^mSAR-du-ú-ri-e-ḥi-ni-e-še i-ni Ê-e za-a-du-ú-ni, фонетически: Išruiniš(e) Sardureḥineš(e) ini Ê zaduni 'Ишпуин сын Сардура это сооружение воздвиг' (Corpus, 4). Падежному окончанию -š(e) предшествует в имени Ишпуина полностью читаемый слог -ni, в имени же Сардура тот же падеж -š(e) заканчивает суффикс отчества, графически представленный слогами ḥi-ni-e-še. Падежное окончание -š(e) стоит после основы слова, поэтому знак -e должен относиться к ней, то есть уточнять огласовку

предшествующего слога имени отчества -ni, читаемого -ne. За отсутствием в биайнской клинописи специального знака для слога -ne последний графически передается тем же знаком -ni; ср. в именах отчества: hi-ni-še, hi-i-ni-e-še (Corpus, 64, 65, стк. 2). Тем самым устанавливается чтение имени отчества: hine, в усечении: he.

Приведенные примеры, устанавливающие чтение суффикса имен отчеств hine, подтверждают значение таких дополнительных огласовок при установлении основ слов, их словообразовательных и словоизменительных морфем. Но далеко не во всех случаях помещение повторного гласного становится столь же ясным в своем назначении. И если суффикс отчества в имени SAR-du-ri-e-hi-ni-e-še получил свое уточнение повторением гласного -e, стоящего перед падежным окончанием (hine), то наличие того же гласного перед названным суффиксом нуждается в особом объяснении, так как, не являясь окончанием падежа, гласный -e в данном случае должен быть отнесен к основе самого собственного имени, устанавливаемого в своем чтении, как мы видели, с гласным исходом -i. Между тем конечный слог основы -ri получил в этом написании имени царя дополнительную огласовку -e, вместо ожидаемого -i (Sarduri). Основа слова в данном его положении (в именах отчества) выступает в различных написаниях с теми же двумя гласными: SAR-dur-hi-ni-(še) (Corpus, 10, стк. 1); SAR-du-ri-hi-ni-(še) (Кологран, стк. 2); SAR-du-ri-e-hi-ni-(še) (Corpus, 13, стк. 3). SAR-du-ri-e-he, SAR-dur-e-he (Келишин, стк. 18, 27).

Все эти разновидности одного и того же содержания сводятся, кроме первого примера, к чтению Sardurehe, так как такое его ясное написание в последнем из приведенных примеров оправдывает как помещение двух знаков -ri-e (в чтении: -re), так и одного -ri, которое, очевидно, соответствовало тому же чтению за отсутствием в биайнской клинописи отдельного знака -re. Следовательно, выступая в именах отчества, Sarduri под влиянием, может быть, ассимиляции изменило свою огласовку. То же самое имеет место и с другими именами, в частности с именем Аргишти. Его основа на -i высту-

пает в написании: Ar-gi-iš-ti-še, Ar-giš-ti-i-še (Ник. VIII, стк. 2; XXII, стк. 1), но в именах отчества гласная основа переходит в -e; ср. в Сардуровских летописях: Ar-giš-ti-ḫi (А, стк. 4); Ar-gi-iš-ti-e-ḫi (В, стк. 11). Чтение знаков -ti, -ti-e как -te подтверждается написанием того же имени в Атамханской надписи: Ar-giš-te-ḫi-ni-še (Ник. XVI, стк. 2) и на бронзовом запоре с надписью Русы: Ar-giš-te-ḫi-ni-i (Кар.-Бл. II, стр. 63). Отсюда можно признать, что и в имени Сардура произошла такая же как и в имени Аргишти перегласовка (Sardureḫine). Такого рода перегласовка встречается нередко в именах, оканчивающихся на гласный -i.

Продолжая разбор грамматических форм в том же направлении, приходится обратить внимание на то, что в последнем из приведенных примеров (Ar-giš-te-ḫi-ni-i) исходный гласный -i, стоящий после суффикса ḫini, противоречит только что выясненному произношению данного суффикса с конечным -e (ḫine). Это встретившееся написание ḫi-ni-i, вместо ḫi-ni-e, имеет свое объяснение, ясно подтверждающее сложность клинописи в передаче требуемых грамматических форм и в то же время далеко не случайное использование писцом имеющегося в его распоряжении ограниченного запаса клинописных знаков. Написание ḫi-ni-i в имени Аргишти вовсе не меняет чтения ḫine, так как добавочный -i в ḫi-ni-i не является огласовкою предыдущего слогового знака -ni и занимает самостоятельное место, выступая окончанием родительного падежа, что ясно следует из сочетания: Ru-sa-a-i Ar-giš-te-ḫi-ni-i, где оба имени (Руса сын Аргиштия) стоят в родительном падеже на -i: Rusa-i Argišteḫini-i (Кар.-Бл. II, стр. 63). За отсутствием специального знака для передачи слога -ne писец и в этом случае использовал близкое к нему -ni, дав чтение ḫine-i, ср. также надпись на щите: Ar-gi-iš-ti-ni-i ú-ri-iš-ḫu-si-ni-i 'Ме-ни-а-ḫi-ni-i i-ni a-še 'Аргиштиева крепости сына Менуи этот щит' (Кар.-Бл. II, стр. 51).

Те же особенности биайнской графики могут быть использованы и для выяснения ряда других грамматических форм. Так, например, окончание дательного падежа ясно выступает

при сопоставлении следующих, уже упоминавшихся, трех вариантов обращения к богу Халду: Ḫal-di-e e-ú-ri-e , где чтение знаков di-e , -ri-e допускает как двугласное, так и одногласное произношение (Corpus, 83, стк. 8); $\text{Ḫal-di-i-e e-ú-ri-e}$, где уточняется чтение Ḫaldie (Corpus, 56, стк. 1—2); $\text{Ḫal-di-i-e e-ú-ri-i-e}$, где уточняется также и чтение eurie (Corpus, 63, стк. 3, 9). После сделанных сопоставлений выделяется падежное окончание: Ḫaldi-e eurie 'Богу Халду владыке'. Такое же графическое выражение грамматических форм можно видеть в написании слова ebani 'страна': $\text{MĀTU e-ba-a-ni a-tu-ú-bi}$ 'страну я истребил', $\text{MĀTU e-ba-ni-i aš-gu-bi}$ 'страну я захватил' (Сард. лет. С, стк. 8, 9). Слово ebani 'страна' в таком его чтении устанавливается повторением гласного в слоге -ba-a в первом примере и слога -ni-i во втором. В обоих случаях ebani выступает прямым дополнением, следовательно стоит в именительном падеже; ср. то же слово в родительном падеже: $\text{ka-ru-ni } ^m\text{Ra-šu-ú-ni ŠARRU MĀTU Ru-i-ši-a-ni-e-i MĀTU e-ba-ni-i-e}$ 'покорил Рашуни царя страны Руишиани' (там же, стк. 50—51). Название страны и слово ebani стоят в родительном падеже: Ruišiani-ei , ebani-e . В последнем слове гласный -i , следующий за слогом -ni , уточняет огласовку его основы. Тем самым заключительный -e выступает на самостоятельное место падежного окончания, или изафетной частицы.

Все же проводимый в указанном направлении анализ построения слова встречается с рядом затруднений, вызываемых чисто фонетическими особенностями биайнского языка. К числу их должно быть отнесено смешение гласных -e и -i , очевидно фонетически сближающихся в биайнском языке. В связи с этим параллельно с написанием глагола в 3-м лице единственного числа nuna-bi 'он направился' можно встретить и написание nuna-be (Келишин), ср. ušta-be 'он выступил' (Corpus, 28, стк. 1). В клинописи имелись отдельные знаки как для -bi , так и для -be , но писец, используя в большинстве случаев первый из них, помещал иногда и второй. Следовательно, в окончании 3-го лица непереходного глагола высту-

пает открытый слог с исходным гласным е/і. Преимущество в написании этого суффикса дается первому из названных двух знаков (-bi). То же самое, но с большим упором на гласный -е, имеется в усеченном написании суффикса отчества, для которого, равным образом, могли быть взяты отдельные знаки с различной огласовкою: -hi и -he. Такое сокращенное написание имен отчества представляется тремя вариантами: -hi, -hi-e, -he: Me-nu-a-hi, Me-nu-a-hi-e (Ник. VI, стк. 5, 8); Iš-ru-u-i-ni-e-hi (Corpus, 48, стк. 11), Iš-ru-ú-i-ni-e-he (Corpus, 49, стк. 9) и др. Передавать слог -he для писца затруднений не представлялось, так как в его распоряжении имелся специальный для этого знак, который он иногда и использовал, хотя чаще для передачи того же слога брал знак hi. Чтение же при всех таких различных написаниях: -hi, -hi-e, -he, оставалось, очевидно, одним и тем же, вероятно, под влиянием огласовки последнего слога полного суффикса hine, возможно с тем же гласным оттенком и в первом слоге. Повторение огласовки в этом слоге -hi упорно избегается, из чего можно заключить о наличии тут беглого или редуцированного гласного звука. Что же касается усеченного суффикса -he, то, имея в своем распоряжении особый для него знак и оттеняя его огласовку при использовании другого знака (-hi-e), автор текста все же широко применяет знак -hi для передачи того же гласного.

Подобное смешение огласовок -е/і уже приходилось отмечать в написании имени отчества Аргишти, когда, при наличии знаков -te и -ti, писец прибегал то к одному из них, то к другому, ср.: Ar-giš-ti-hi, Ar-giš-ti-e-hi (Сард. лет. А, стк. 4; В, стк. 11), Ar-giš-te-hi (Маку, стк. 13). Можно полагать, что такое сближение в биайнском языке названных двух гласных, получивших неустойчивость в своей передаче, приводит в отдельных случаях к редуцированному звуку, который можно усмотреть в тех же именах отчества, когда гласный исход основы получает различное написание с чередованием -е/і и даже с полным его выпадением: SAR-du-ri-hi-ni-še (Corpus, 15, стк. 2), SAR-du-ú-ri-e-hi-ni-e-še (Corpus, 4, стк. 1), SAR-dur-hi-ni-še (Corpus, 10, стк. 1).

В системе биайнской графики особое место занимает также написание дифтонгов, о которых придется говорить при обзоре глагольных форм. Наиболее ясно выступает дифтонг *-ai*, получающий в письме различное выражение. Часто встречается полное его написание, иногда сокращаемое до одного гласного. Показательным примером разновидностей графической передачи названного дифтонга служит написание названия страны Биайны, передаваемого в клинописи двумя основными вариантами: *Vi-a-i-na*, *Vi-a-na*. Дифтонг *-ai* получает здесь как полное написание двумя гласными *-a-i*, так и одним гласным *-a*, очевидно произносимыми одинаково, так как оба эти варианта встречаются в одних и тех же надписях, например в Сардуровских летописях. Такое же выражение дифтонга получается и при склонении данного наименования страны, когда падежное окончание, прибавляемое к основе слова, дает стечение тех же гласных *-a-i*, что имеет место в оформлении направительного падежа. Его суффикс *-idi*, присоединяемый к основе, заканчивающийся на гласный *-a*, образует тот же дифтонг, получающий в письме такое же двойное изображение или обоими гласными *-a-i*, или одним *-a*, ср.: *Vi-a-i-na-i-di*, *Vi-a-na-i-di*, *Vi-a-i-na-di* (Сард. лет. В, стк. 19, 35; Е, стк. 23). Их одинаковое произношение образует стечение в одном слове двух сходных дифтонгов, в основе слова и в падежном окончании. Графически или оба они передаются полностью (*Viainaidi*), или же один из них дается парным написанием гласных (*-ai*), а другой — одним гласным (*-a*), причем когда он представлен полностью в основе слова, он же в падежном окончании усекается до одногласного написания, и наоборот: *Viainadi*, *Bianaidi*.¹

¹ Г. А. Меликишвили усматривает здесь выпадение гласного. И. Фридрих признает выпадение гласного и замену одного другим (*-i* — *-e*), а также выпадение одного из слагаемых дифтонгизированного звука (*-ai*, *-a*; *-au*, *-a*; *-ui*, *-ue*, *-u*, *-iu*, *-i*) см.: Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. ВДИ, №1, 1953, стр. 259—262; I. Friedrich. Einführung ins Urartäische. 1933, стр. 2—4; Caucasia, VIII, стр. 116.

Свободно пользуясь полным и усеченным написанием дифтонгов, получившихся в итоге стечения гласных -a-i, писец в то же время учитывал фонетическую сторону передаваемой речи, и там, где чтение соответствующего слова могло вызвать затруднения, избегал сокращенных написаний. Он не всегда прибегал к передаче -ai одним гласным. Например, в написании имени Менуа в его притяжательном оформлении, когда суффикс -ini, сочетаясь с основой собственного имени на -a, дает такое же стечение гласных, в текстах выступает полная форма Менуа-ini. Имя Менуа в именительном падеже на -ni пишется Менуа-ni: uš-ta-bi ^mMe-nu-a-ni 'выступил Менуа' (Corpus, 27, стк. 5). Это же имя, когда оно оформлено притяжательным суффиксом -ini, не сокращается в получившемся стечении гласных (-a-i) до одногласного звука -a, что привело бы к совпадению с предыдущим. Сохраняется полное написание Менуа-ini, в родительном падеже Me-nu-a-i-ni-e-i (Corpus, 57, стк. 1), ср. то же на чашах из Кармир-Блура: ^mMe-nu-a-i-ni-e-i ú-ri-is-ḥu-si-ni-e-i 'Менуева арсенала (крепости)'. Проводимое здесь различие между Menuani и Menuaini объясняется или тем, что тут дифтонга не образовалось, или же тем, что различие грамматических форм нуждалось в их оттенении.

Особое внимание обращает на себя встречающееся в письме вклинивание по-видимому спирантизованного -g перед гласным, чаще в интервокальном положении. Такие вставки дополнительного знака встречаются сравнительно редко, но в словах и грамматических формах весьма часто употребляемых, например, в производных формах от слова ebaní 'страна'. Вклинивание такого знака не придает словам какого-либо нового значения. Оформленные им слова оказываются в тех же самых контекстах, как и представленные в обычном написании, что служит свидетельством наличая в биайнском произношении соответствующих слов с йотированным или спирантизованным звуком, не поддающимся точной передаче клинописною системою письма и потому вовсе опускаемого или передаваемого сложною графикою, ср. основу слова ebaní 'страна' в назывательном падеже: e-ba-ni-di, e-ba-ni-gi-di, e-ba-ni-e-di. Падеж-

ное окончание *-edi*, известное в своих разновидностях *-idi*, *-di*, добавляемое к слову с гласным исходом (*ebani*), образует плохо улавливаемый звук, по-видимому близкий к йоту или спирализованному *-h*, используемому иногда в слогоразделительном назначении. Помещение знака *-gi* между основой и падежным окончанием слова *ebani* указывает на то, что данное слово в этой его грамматической форме получило более сложное произношение, чем то, которое обычно представляется в письме (*e-ba-ni-e-di*). Начертание *e-ba-ni-gi-di* отмечает наличие звука, не передаваемого обычным написанием данного слова: *ebani-gidi*, фонетически: *ebanihidi*, *ebanihedi*, отсюда графические варианты: *ebanigidi*, *ebanidi*, *ebaniedi*¹.

Приведенные примеры со словом *ebani*, в направительном падеже *ebanigidi*, вовсе не являются единичными. Такое же вклинивание знака *-gi* выступает и в названии страны Уеликуни, равным образом, при постановке его в направительном падеже, ср.: *U-e-li-ku-ni-gi-di* (Сард. лет. F, стк. 17); то же в имени страны Иштулуани в том же падеже: *Iš-te-lu-a-ni-gi-di* (там же, стк. 14). Но писец непоследователен в передаче отмеченных оттенков используемых им знаков и в одной и той же строке наряду с уточненными формами ставит другие без фонетической детализации, ср.: *uš-ta-a-di MÂTU Iš-te-lu-a-ni-gi-di MÂTU Qa-di-a-i-ni-e-di MÂTU A-pu-ú-ni-ni-e MATU e-ba-ni-i-e-di* (Сард. лет. F, стк. 13—14). Возможно, впрочем, что в данном случае второе имя лишено вставки спирализованного звука в связи с наличием дифтонга *-ai* в основе слова, чего нет в имени *Iš-te-lu-a-ni*, так же как и в слове *e-ba-ni*, но и последнее в той же строке стоит в своем общеупотребительном начертании *e-ba-ni-i-e-di*, а не *e-ba-ni-gi-di*, как то имеет место в пятой строке столбца А летописей Сардура: *uš-ta-a-di, MÂTU Ba-bi-lu-ni-e MÂTU e-ba-ni-gi-di ħa-ú-bi MÂTU Ba-bi-lu-ú MÂTU e-ba-a-ni*. Название страны в именительном падеже *Vabilu* стоит в конце взятого абзаца. В начале его то

¹ Формы *e-ba-ni-e-di*, *e-ba-ni-gi-di* встречаются в летописях Сардура (А, стк. 5; Е, стк. 49 и др.), форму *e-ba-ni-di* приводит И Фридрих (ук. раб., стр. 3, ZA NF, VI, 1931, стр. 270).

же имя поставлено в родительном падеже с притяжательным суффиксом -ni (Babilu-ni-e) 'выступил я в Бабилову страну. Захватил я страну Бабилу'. В том же построении выступает и приведенный выше отрывок той же Сардуровой летописи: uš-ta-a-di... MÂTU A-ru-ú-ni-ni-e MÂTU e-ba-ni-i-e-di (F, стк. 13—14). Название страны поставлено в родительном падеже с притяжательным суффиксом (Aruni-ni-e, ср.: Babilu -ni-e), но следующее за ним слово ebaniedi лишено отмеченного дополнительного знака (-gi), имеющегося в предыдущем примере (ebanigidi). Писец местами уточняет чтение, местами приводит его в принятом виде сочетания основы слова с окончанием падежа -edi.

В том же положении выступает тот же -g, отделяя основу от суффикса -ni и послелога (-kai) в оформлении слова giššuri, получившем написание giššur-gini-kai-ni, графически giš-šur-gi-ni-ka-i-ni (Сард. лет. F, стк. 26). Хотя значение данного слова не ясно ('войско, воинство?'), все же как сама основа, так и выступающая здесь суффиксация находят в текстах свои параллели. Слово giššuri выступает в различных грамматических формах, выявляя основу в этом ее виде. Послелог -kai в значении 'перед, пред' устанавливается Келишинскою билинговю, где биайнскому ^dHaldikai (стк. 25) соответствует ассирийское: ina rap ^dHaldie (стк. 22) 'перед Халдом'. Послелог примыкает к неформальной основе (Haldi-kai), ср. также: Menua-kai, 'перед Менуей' (Corpus, 21, стк. 3). По аналогии можно giššurgini рассматривать, как осложненную основу того же имени существительного с присоединением к ней послелога (giššurgini-kaini). В эту производную основу, в данном ее написании, вклинивается звук -g, отделяя саму основу слова giššur(i) от суффикса -ini, в котором легко усмотреть уже неоднократно упоминавшийся суффикс притяжения, представленный тут с обычно опускаемым спирантом в начале hini, графически: gi-ni, i-ni. При таком толковании данного грамматического построения можно прийти к выводу о наличии в притяжательном суффиксе -ini начального спиранта, в письме обычно опускаемого, что ставит его в тесную связь

с другим притяжательным суффиксом *ḫini* (*ḫine*), выступающим и в именах отчества.

Чаще *-g* выступает в интервокальном положении, иногда на границе слова, отделяя основу от производной суффиксации, иногда внутри самой основы, ср. варианты написания одного и того же слова: *ši-da-gu-ri*, *ši-da-ú-ri* (Corpus, 10, стк. 1—2; Маку, стк. 5 и др.). Если усмотреть в этом слове глагольную форму медио-пассива на *-uri*, то вставка знака со спирантом *-h*, графически переданном знаком *-gu*, окажется отделяющей основу от глагольного окончания, ср. также: *tu-a-gi* (Сард. лет. E, стк. 54), *tu-a-i-e* (Sauce, XLV, стк. 20, 24) 'блестящий', где тот же звук *-g* находится в самой основе слова, уточняя его чтение. Подобные слова пишутся и с таким дополнительным оттенком выступающих в них звуков и без него, причем само произношение слова оставалось, конечно, одним и тем же. Здесь мы встречаемся с чисто графическими затруднениями, которые должны были быть значительными, так как помимо непередаваемых письмом спирантов имелись еще и йотированные звуки, равным образом не везде отмечаемые клинописью.¹

Наличие йотированных звуков, с трудом передаваемых принятой системой письма, подтверждается применяемым писцом слитным написанием гласных *-i*, *-a*. Проводя заметные интервалы между отдельными знаками, он же иногда соединяет эти два гласные, помещая их одним знаком наряду с другими, ср.: *-a-ni-ia-ar-du-ni* 'независимый, враждебный' (Сард. лет. E, стк. 42); *bi-du-ia-še* 'на обратном пути, обратно, снова' (Даш-Керпи, стк. 5); *bi-du-ia-še uš-ta-di MĀTU E-ri-a-ḫi-ni-e-di* 'снова я

¹ И. Фридрих сводит графическое *-g* к интервокальному *-i* (йоту). Г. А. Меликишвили видит в нем обозначение какого-то слабого согласного звука, не всегда помещаемого в письме и используемого во избежание зияния (*hiatus*). Такое же его назначение признается И. Фридрихом и М. Церетели, см.: Г. А. Меликишвили, ук. раб., стр. 250, I. Friedrich, Einführung... стр. 2—3; Archiv Orientalny, IV, № 1; стр. 65; Caucasia, VIII, стр. 120; M. v. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Heidelberg, 1928, стр. 31.

выступил в страну Эрах' (Сард. лет. F, стк. 12). Особенно ясно присутствие такого йотированного звука выступает в написании первого из этих двух слов, где знак -ia оказался в соседстве тех же двух гласных, представленных в слогах -ni, -ar (a-ni-ia-ar-du-ni). В слове же bi-du-ia-še тот же йотированный звук представлен одним слитным знаком -ia, тогда как в том же столбце тех же летописей строкою ниже стоит глагол той же основы, но с не менее точно выведенным раздельным написанием названного йотированного звука: bi-di-i-a-di; bi-di-i-a-di uš-ta-a-di MÂTU Iš-te-lu-a-ni-gi-di 'я повернул [и] выступил в страну Иштулуани'. Отметив спирантизованный звук в названии страны (gi-di), автор надписи тут же не оттенил йотированного гласного, поместив раздельно то, что строкою выше начертал слитно.

Наличие спирантизованных и йотированных звуков в бийском языке не подлежит сомнению. Тем самым осложняется графическая передача соответствующих слов. Тот же спирантизанный звук в сочетании с йотом можно усмотреть в различных начертаниях глагола kuguni в одной и той же фразе: "Menuaše ini puluse kuguni 'Менуа эту надпись начертал' (Corpus, 92, стк. 3—5 и др.). Глагол kuguni, стоящий в 3-м лице аориста единственного числа, представлен в данной фразе в различных вариантах. Часто встречается написание без уточнения огласовок: ku-gu-ni (Corpus, 90, стк. 4). Нередки написания с повторною огласовкою второго слога: ku-gu-ú-ni (Corpus, 83, стк. 3) и обоих слогов: ku-ú-gu-ú-ni (Corpus, 56, стк. 5). Этими тремя вариантами уточняется чтение kuguni, выступающее в первом примере, но это чтение, как увидим ниже, неверно. Знаки клинописи не передали в данном случае точного произношения слова. Это засвидетельствовано наличием в текстах, в той же самой фразе, реже встречающегося более осложненного написания того же слова, указывающего на неточность передачи наличных в нем звуков простым их отмеченным выше начертанием двумя слогами: ku-gu(ni)-u.

Каждый из этих слогов осложняется йотированным звуком, который и выступает в следующих вариантах: ku-gu-i-ú-ni,

где присутствие йота отмечается во втором слоге: *gu-i-ú* (Corpus, 93, стк. 15) и *ku-ú-i-gu-ú-ni*, где тот же йот отмечается и в первом слоге (Corpus, 95, стк. 6). Устранение личного окончания *-ni* обнаруживает основу переходного глагола в ее различном написании: *kugu*, *kuigu*, *kugiu*, в которых вступает сложность изображения в письме гласного *-u* в его дифтонгизированном (йотированном) виде *-ui*. Развернутое его написание содержится один раз в первом слоге (*kui-gu*) и другой раз в последнем (*ku-gui*), в связи с чем можно прийти к заключению о присутствии такого осложненного гласного в обоих слогах: *kuigui*. Но и это чтение вызывает сомнение наличием глагольной формы *ku-ú-i-tu-ú-ni*, стоящей в той же фразе, но в 3-м лице множественного числа, так как действующими лицами выступают два лица, Ишпуин и Менуа: ^m*Iš-ru-ú-i-ni-še...* ^m*Me-i-nu-ú-a-še...* *i-ni ru-lu-si-e ku-ú-i-tu-ú-ni* 'Ишпуин [и] Менуа эту надпись начертали' (Corpus, 15, стк. 2—4). Субъектно-объектные окончания (*i*)*tu-ni* 'они — его' присоединены к глагольной основе *kui*. Выпадение здесь знака *-gu*, отмечаемого в основе *kuigui*, указывает на то, что и тут данный знак обозначал спирализированный звук, исчезновение которого в письме тем самым оправдывается. Таким образом, более часто используемое сокращенное написание *kugui* 'он начертал' оказывается в его произношении осложненным, а в графической передаче упрощенным.

Подобного рода сокращенные написания осложненного гласного встречаются довольно часто, причем графически нередко выделяется одна из его составных частей, по-видимому превалирующая в своем произношении и предшествующая в построении осложненного звука. Например, сочетание *-iu*, *-ui* иногда передается полностью, иногда одним гласным *-u*, в зависимости от составных частей звука, ср. *qiu*, *qira* 'земля, почва': *qi-ú-ra-a* (Ник. XVII, стк. 6), *qi-ú-ra-a-ni* (Ник. IX, стк. 6), *qi-ra-ni* (Ник. XXIV, ст. 4); *arniušinili*, *arnišinili* 'дела, подвиги': *ar-ni-ú-ši-ni-li* (Сард. лет. E, стк. 35), *ar-ni-ši-ni-li* (Ник. IX, стк. 10); *alsuiše*, *alsuše* 'величие': в форме аблатива *al-su-i-ši-i-ni* (Ник. XIII, стк. 11), *al-su-ú-ši-ni* (Ник. XXI, стк. 17),

al-su-ši-ni (Ник. VI, стк. 8); производная от той же основы форма прилагательного alsuini, alsuni 'великий': al-su-ú-i-ni (Сард. лет. G, ст. 12; Ник. IX, стк. 12), al-su-ni (Ник. VI, ст. 9) и др. То же наблюдается в написании собственного имени Ишпуина (Išruini, реже Išruni), ср. в имени отчества: Iš-ru-ú-i-ni-ḥi-ni-še (обычное написание, см. Corpus, 14 и сл.), Iš-ru-u-ni-ḥi-ni-še (Corpus, 42, 59, 61, 62, 87).

Этими же особенностями биайнской графики объясняются неоднократно встречаемые написания то двух гласных -u-e, то одного -u. Очевидно, таким способом передавался один огубленный звук, лабиализованный -u, ср. различные написания названия страны: Diaueḥini, Diauḥini: Di-a-ú-e-ḥi-ni-i (Corpus, 27, стк. 7, 13, 19), Di-i-a-ú-ḥi-ni (Sauce, XLV, стк. 4, 23, 34). Такой же гласный в тех же графических разновидностях представлен в начале названия страны Удури-Этиуни: U-e-du-ri-E-ti-u-ni-i (Сард. лет. D, стк. 48), U-du-ri-E-ti-ni (Ник. XVI, стк. 7). Составное наименование страны Удури-Этиуни получило в приведенных примерах выражение обоих осложненных гласных -ue, -iu, передаваемых в клинописи как полностью, так и одним знаком: Ueduri, Uduri; Etiuni, Etini.

Такие сложные гласные выступают, главным образом, в основах слов, в грамматических же формантах огласовка значительно яснее, но и тут отмеченная выше близость отдельных гласных и затруднения в передаче йотированных получают свое отражение. Если различное написание гласных -ui, -iu подтверждается в основах слов многими примерами, — ср. также название страны: Uiteruḥi, Uteruḥi, графически U-i-te-ru-ḥi (Corpus, 13, стк. 12, 19; 14, стк. 5), U-te-ru-ḥi (Corpus, 13 об., стк. 5, 10), — то все же в грамматических формах склонения имен подобного же рода огласовки поддаются различному толкованию. Так, например, в перечне покоренных царей четырех стран Удури-Этиуни упоминаются: Ar-gu-qi-ú-ni, Ka-a-ta-ni-ú-i, Lu-e-ru-ni-ú-i (Сард. лет. D, стк. 50—52). Первая из названных стран получает в надписях такие же, как и уже отмеченные варианты написания -iu двумя гласными

(i-u) и одним (-i): Ar-gu-qi-ú-ni (Сард. лет. D, стк. 50), Ar-gu-qi-ni (Ник. XV, стк. 4). Имя Ка-а-та-пи-ú-и имеет разночтение Ка-ам-пи-ú-и (Сард. лет. F, стк. 23), объясняемое не выпадением гласного -а (Kamniui, Kamniui), а графическими затруднениями в начертании двух сочетаемых согласных (-m-n), для чего использованы клинописные знаки -am-ni в одном случае и знаки -(k)a-ma-ni в другом, при произношении знака -та одним согласным.

Основа слова Kamniui, таким образом, выясняется, но окончание его, так же как и другого названия страны Luerniui, продолжает оставаться неясным как в своем чтении, так и в значении грамматической формы. Все три имени могут быть поняты, как стоящие и в родительном падеже и в именительном. В первом случае гласный -i должен выделяться (Kamniui-i, Luerniui-i). При именительном падеже, наоборот, тот же гласный входит в основу, образуя сложный гласный звук -ui. В этой форме то же имя повторяется в другой столбце тех же летописей Сардура, где в перечне покоренных стран оно стоит наряду с другими в том же именительном падеже (F, стк. 23). Определение падежных форм в таких случаях приходится устанавливать контекстом фразы и глагольным управлением. Следует также иметь в виду, что при передаче собственных имен писец встречается с затруднением в написании местных названий, произносившихся на языках, чуждых биайнскому. Так, в другой надписи (Кологран, стк. 4—5) в таком же перечне четырех стран рядом с Arguqini упоминается Luerniue, в котором не трудно видеть иной вариант написания названия той же страны Сардуровских летописей Luerniui.

Наибольшие затруднения в выявлении словоизменительной суффиксации вызывают гласные -e, -i в тех случаях, когда они в письме передаются слоговыми знаками, оканчивающимися на -i. Наличие одного слогового знака оставляет под сомнением чтение его огласовки, повторное же написание гласного здесь уточняет конечный звук как в основах имен, так и в их грамматическом оформлении, ср. указанные выше варианты: ru-lu-si, ru-lu-si-e 'надпись', pi-li, pi-li-e 'канал', фо-

нетически везде *puluse, pile*. Таким же путем выясняется грамматическая форма пермансива, в котором при общеупотребительном написании *-lie* глаголы получают иногда окончание *li*, ср.: *dulie, duli* 'сделает', *tiulie, tiuli* 'скажет', *ulu-lie, ululi* 'повергнет': *a-lu-še a-i-ni-e-i i-ni-li du-li a-lu-še ú-li-še ti-u-li* (Corpus, 34, стк. 8—9); *a-lu-še a-i-ni-e-i i-ni-li du-li-e a-lu-še ú-li-še ti-i-ú-li-e* (Corpus, 35, стк. 8—10) 'кто для кого-либо это сделает, кто другой скажет'. Выступающие тут глаголы *dulie, tiulie* получают местами еще более точное чтение их последнего слога: *du-li-i-e* (Corpus, 53, стк. 12), *ti-i-ú-li-i-e* (Corpus, 47, стк. 16). Другие глаголы в пермансиве получают такое же развернутое написание огласовки, ср.: *pi-tu-li-i-e* 'повредит', *tu-li-i-e* 'сломает', *ḥa-ar-ḥa-ar-šu-li-i-e* 'разрушит' (ИАК, 37).

В показателе пермансива, как явствует из приведенных примеров, вовсе не выступает слог *-le*, графически *-li-e*. Помещение повторного *-i* перед *-e* (*-li-i-e*) дает чтение *-lie*; выражение же его, хотя бы и редко, одним слогом *-li* указывает на наличие не двух гласных (*-i-e*), а одного, осложненного в своем произношении. В огласовке слога *-li* отмечается йотированное *-e* (*lye*), что и получает свое графическое выражение в указанных вариантах: *-li-i-e, -li-e, -li*. Последнее написание в этом его однослоговом виде (*-li*) совпадает с формой множественного числа в глаголах и именах (*-li*), но совпадение показателя множественного числа *-li* с показателем пермансива, представленным в письме одним слоговым знаком без гласного повтора, оказывается лишь в графике, но не в произношении биайнских слов. Показатель множественного числа *-li*, при весьма широком своем применении, не получает таких же дополнительных огласовок.

Отмеченная сложность графической передачи грамматических форм приводит иногда к совпадению разных падежных окончаний, передаваемых в клинописи одинаково и не улавливаемых в их различном произношении даже при учете всех выступающих вариантов их начертания. Так, окончания родительного и дательного падежей обоих чисел нередко по-

шутся одними и теми же знаками. Оба названные падежа получают окончания с различными сочетаниями гласных -e, -i, близость которых обуславливает схождение форм этих двух падежей, ср.: ^dHaldi-i patari (Corpus, 56, стк. 10—11), ^dHaldi-ei ÂLU (Нор-Баязет, стк. 6) в одном и том же значении 'бога Халда город'. В собственном имени с основой на -i (Haldi) падежное окончание пишется одним гласным (-i) и двумя (-e-i). Возможно, что и тут выступает один дифтонгизированный звук (-eu), получающий в графике различное написание (-ei, -i). В именах с основой на -a тот же родительный падеж оканчивается как на -i, так и на -e, ср.: ^mMenua-i pile tini 'Менуи канал имя [его]' (Corpus, 49, стк. 4); ŠAR MÂTU Biaina-e 'царь страны Биайны' (Corpus, 34, стк. 5); alusi ÂLU Tušpa-e patari-e 'властитель города Тушпы' (Corpus, 49, стк. 11—12). Слово patari 'город' стоит в том же родительном падеже и, несмотря на то, что основа этого слова оканчивается на -i, падеж выражен гласным -e, то есть тем же, которым оформляется дательный падеж, ср.: ^dHaldi-e euri-e 'богу Халду владыке'.

Несмотря на имеющиеся схождения грамматических форм, все же парадигма склонения имен, так же как и парадигма спряжения глагола, устанавливаются в своих основах и могут быть даны с учетом изложенных выше особенностей их передачи графикой силлабарной клинописи. Действующая система грамматического строя общенародного языка, выступая в письменных памятниках, свидетельствует об ее устойчивости и прослеживается без значительных изменений на всем протяжении трех веков существования письменного языка.

Вполне естественно, что нами привлекается к исследованию не графика сама по себе, а ее использование для передачи действовавшего грамматического строя. Абстрагируясь от конкретного написания тех или иных слов, мы по ним выявляем то общее, что составляет специфику данного изучаемого нами языка. Подбирая соответствующие знаки клинописи, писавший тексты, конечно, использовал их для передачи тех общих норм, которые лежали в основе его родной

речи и которые подлежат нашему изучению. Графика не влияла на строй биайнского языка, она лишь привлекалась для его передачи в письме. Система графики, тем самым, становится на свое место.

Изучается не письмо, а грамматический строй языка по сохранившимся письменным памятникам давно исчезнувшего государства. В них выступает стройная система как морфологии, так и синтаксиса. Резкие нарушения установленных правил ограничиваются случайными примерами искаженной передачи слов инородною системою письма. Например, при строго соблюдаемой норме полного написания суффикса имен отчества *-hine*, с допущением его сокращения лишь в последнем слоге, только в одиночных случаях имеет место усечение первого слога, ср. обычное написание имени Аргишти в эргативном падеже: ^mArgišti-še ^mMenua-hine-še и его же усеченное написание: ^mArgišti-še ^mMenua-ḥe 'Аргишти сын Менуи'. Такие параллели, как ^mArgišti-še ^mMenua-ni-še, имеющие на шлеме и щите Аргишти (Кар.-Бл. II, стр.50—51), являются одиночными исключениями, выступающими в графической передаче данного слова. Действующих правил грамматики такие случайные примеры не нарушают.

Установление грамматического оформления слова получает в биайнской клинописи особое значение, так как, при господстве морфологической системы суффиксации, наличие падежного окончания и показателя лица в глаголе устанавливают конец слова, который в тексте никакими особыми графическими приемами не выделяется. Письмо идет точно размеренными строками в их горизонтальном положении с последовательным размещением знаков слева направо. Знаки идут один за другим без разделения не только предложений, но и отдельных слов. Переносы слова с одной строки на другую не допускаются. Поэтому писцу иногда приходилось, чтобы заполнить строку, увеличивать промежутки между отдельными знаками или осложнять слово повторением огласовок. В последнем случае наличие дополнительного гласного объясняется не сложностью передачи грамматической формы,

а чисто графическими условиями. Возможно, что при этом пишущий клинописный текст местами переходил, в целях заполнения строки, на однозвучное чтение слогового знака. Границы слова в конце и начале строк, благодаря отсутствию переносов, устанавливаются с достаточной точностью. Например, постоянно встречающееся в заклинательной формуле в числе лиц, близких к совершителю преступного деяния, слово ar-ḫiuruliani ('семья, потомство, домочадцы') в некоторых надписях разбивается на два слова, помещением их в двух смежных строках, ср.: ar-ḫi ú-ru-li-a-ni (Corpus, 27, стк. 34—35; 53, стк. 14—15).

В середине строки конец слова выступает ясно, когда следующим словом является собственное имя, предваряемое соответствующим детерминативом, или когда стоящее рядом слово представлено идеограммой, хотя и выведенной такими же самыми клинописными знаками, но хорошо известными во всех системах клинописи и потому легко выделяемыми в их идеографическом значении, ср.: "SAMAŠ di ILU aš te MĀTU bi a i na aš te a lu si ni ni al su ú i ši ni... (Сард. лет. F, стк. 3). Первая идеограмма бога солнца заканчивается суффиксом направительного падежа единственного числа di, вторая идеограмма бога имеет в конце тот же направительный падеж, но во множественном числе -ašte. Помещенная дальше идеограмма страны относится к собственному имени Биайна, стоящему в том же падеже (Biaina-ašte). Следующие два слова оканчиваются каждое на суффикс -ni (аблатив): alsuini-ni, alsuiši-ni-. Получившаяся разбивка слов дает следующее их чтение в русском переводе: '(обратимся с мольбою) к богу солнца, к богам страны Биайны, господним величием...'

Идеограммы чередуются со слоговыми знаками. Их последовательная серия разбивается на слова, границы которых устанавливаются, главным образом, знанием основ словарного состава по другим текстам и грамматическим оформлением слова. И то и другое дают основание для разбивки сплошного текста на его составные части, на отдельные грамматически оформленные слова, ср. например, начало надписи

Сурб-Погос (Corpus, 14): (1) ^dhal-di-i-e-e-ú-ri-i-e — ^miš-pu-ú-i-ni-še (2—3). .i-ni-pu-lu-si-e (4) ku-ú-i-tu-ú — ^dhal-di-ni-uš-ta-a-bi (5) ma-si-ni-e-giš-šu-ri-e-ka-ru-ni — ^mú-i-te-ru-ḥi (6) ka-ru-ni — ^mlu-ú-ša-a-ka-ru-ni — ^mka-a-tar-za-a. В первой строке детерминативом лица выделяется имя Ишпуина, предшествующие же знаки разбиваются на два слова, из которых первое начинается с детерминатива бога, имя которого в биайнских текстах выступает неоднократно. Это имя (Haldi) стоит в дательном падеже (Haldi-e). То же падежное окончание имеет и следующее за ним слово, заканчивающееся перед именем Ишпуина (euri-e). Это слово в аналогичных контекстах заменяется идеограммой BÊLU(EN) 'владыка', биайнским фонетическим чтением которой оно и является. Таким способом выясняется разбивка слов первой строки надписи, гласящей: 'богу Халду владыке Ишпуин'. Пропущенные здесь вторая строка и начало третьей содержат ясно выделяемые детерминативом лица собственные имена царей Ишпуина (конец первой строки) сына Сардура и Менуи сына Ишпуина (в эргативном падеже на -še). Конец третьей строки является продолжением текста, непосредственно следуя за царским именем. Остающиеся в этой строке слоги -i-ni-pu-lu-si-e устанавливаются в своей грамматической форме последующим, начинающим четвертую строку переходным глаголом, при котором стоящие перед ним слова выступают прямым дополнением. Последнее, в эргативном строе предложения, должно стоять в именительном падеже, неоформленном падежным окончанием. Следовательно, конечное -e в слове puluse выступает огласовкой последнего слога основы (puluse) и, заканчивая строку, может относиться только к этому слову. В других контекстах слово puluse встречается иногда без сопровождения -i-ni, что указывает тем самым на его самостоятельное значение. Это слово в других текстах, в сочетании с иными словами, и в Келишинской билингве выступает в значении местоимения 'этот'. Речь в разбираемом нами тексте идет о надписи, начертанной на стеле. Первое слово четвертой строки выделяется стоящим за ним собственным именем с детерминативом бога

(Haldini). Остается ku-ú-i-tu-ú. В написании данного слова наблюдается повторное помещение знака -ú, один раз в основе слова (ku-ú) и другой раз в конце его (tu-ú), что в чтении полного слова дает kuitu — глагол, стоящий в 3-м лице множественного числа аориста на -itu. В той же строке выступает другой глагол uštabi, часто встречающийся в этой его грамматической форме в целом ряде надписей (непереходный глагол в 3-м лице единственного числа аориста). С этого глагола в других контекстах начинаются описания походов. Предшествующий ему знак -ni должен относиться к собственному имени Халда (Haldini), оформленному притяжательным суффиксом. Непереходный глагол требует постановки подлежащего в именительном падеже, в котором и должны стоять следующие за ним слова, начинающие пятую строку (masinie giššurie),¹ и отделяемые глаголом karuni, который повторяется дважды в шестой строке, где он ясно выделяется следующими за ним собственными именами с их детерминативами и, в свою очередь, устанавливает их же конечные звуки: ka-ru-ni ^mLu-ú-ša-a | ka-ru-ni | ^mKa-a-tar-za-a. Проведенный анализ текста дает следующую его разбивку на слова: (1) ^dHaldie eurie ^mIšpuiniše (2)...(3)... ini puluse (4) kuitu ^dHaldini uštabi (5) masinie giššurie karuni ^mUiteruḫi (6) karuni ^mLuša karuni ^mKatarza (1) 'богу Халду владыке Ишпуин (2) сын Сардура, Мелуа (3) сын Ишпуина эту надпись (4) начертали. Халдово выступило (5) воинство покорило [оно] Уитерухи (6) покорило Луша покорило Катарца'.

Таким путем разбивается сплошной текст на составляющие его слова. Но как корнеслов, так и словоизменительная суффиксация выясняются путем крайне сложной работы над словом, передаваемым клинописною графикой. Сама применяемая система письма до некоторой степени отвечала потребностям языка, в своей основе агглютинирующего. Действующая система агглютинации облегчала передачу суффиксов

¹ Возможно, что masini-e giššurie-e выступает не подлежащим, а косвенным дополнением. В таком случае исходное -e является падежным окончанием.

клинописью с ее однозвучным чтением гласных и устойчивостью слогового произношения, сочетающего гласный с согласным. Все же сама письменность в ее графическом начертании не была выработана согласно нормам живой биайнской речи. Клинопись заимствована у ассирийцев, которые, в свою очередь, взяли ее у своих предшественников (Шумер, Элам). Но ассирийская письменность приспособила клинопись, внося дополнительное чтение знака, сообразуясь с потребностями изображения в письме звуковой стороны родной речи. Если биайнская письменность не сделала того же самого, то все же и она приноровила клинопись к особенностям своего языка, выявить которые по одним лишь материалам надписей Биайны не удастся. Тем самым затрудняется фонетическая передача читаемых биайнских текстов.

Фонетические особенности биайнского языка полностью не укладывались в заимствованную систему письма, лишенную возможности передачи имеющихся оттенков в гласных -e -i, в дифтонгах и в спирантизованных звуках. Отсюда идет неустойчивость в использовании применяемых знаков клинописи, условность их чтения, графическая передача разных морфем одним и тем же знаком. Тем не менее дешифровка текстов продолжает оставаться доступною. Полное чтение слогового знака и его же усечение при повторной огласовке выясняются анализом грамматической формы слова и его корневого состава. Силлабарный знак клинописи, передающий гласный с одним, а иногда и с двумя согласными (ср. три отдельных знака: -gi, -iš, giš) брался в полном его чтении, сокращаемый до одного согласного только в тех случаях, когда писец встречал препятствия в передаче требуемого сочетания звуков. В связи с этим можно прийти к выводу, что если произношение слова, по данным одной биайнской клинописи, продолжает оставаться приблизительным, то все же структура слова и его грамматическое оформление поддаются анализу. Уточнению грамматических форм содействует в биайнской письменности также их наличие при нередко встречающихся идеограммах.

В биайнских надписях, взамен фонетического написания слов, широко используются идеограммы с тем же их значением, с каким они выступают в письменах Ассирии, ср.: BÂBU (KÂ) 'ворота', TUPPU (DUB. TE) 'надпись', ŠARRU (LUGAL) 'царь', ÂLU (URU) 'город', MÂTU (KUR) 'страна', ABNU (NA), 'камень, стела', BÎTU (Ê) 'здание, сооружение', и др. Иногда такие идеограммы заменяются их биайнским чтением, например: ŠARRU-erela 'царь', ÂLU-patari 'город', MÂTU-ebani 'страна'. Подобного рода замена выступает ясно в тех случаях, когда в соответствующих контекстах, там, где обычно ставится идеограмма, помещается отвечающее ей биайнское слово, ср.: ŠARRU DAN.NU ŠARRU RABÛ ŠAR MÂTU MÂTU ŠAR ŠARRANI^{meš} alusi^{al^u}Tušrae ÂLU (Ник. XV, стк. 8—9); ŠARRU taraie ŠARRU al(a)suinie ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue ŠAR erielae alusi^{al^u}Tušra-patari (Corpus, 64—65, стк. 5—7; то же ср. Corpus, 49, стк. 10—12) 'царь могучий, царь великий, царь стран, царь страны Биайн, царь царей, властитель Тушпы-города'.

Приведенная титулатура биайнского царя в указанных двух надписях расходится лишь отсутствием в первой из них упоминания страны Биайны, в остальном они сходятся полностью. В первом примере изобилуют идеограммы, во втором некоторые из них даны в фонетическом чтении, а именно, вместо идеограммы DAN.NU стоит ее биайнское чтение taraie. Идеограмма RABÛ встречается реже. Она обычно заменяется биайнским словом, получающим написание: alsuini, alsuinie, alsuni. Преобладает первое из них (Corpus, 33—36, 49 и др.), реже используется второе (Corpus, 31, 64), еще реже третье (Corpus, 47, 48). Наличие гласного исхода (-e) во втором написании: al-su-ú-i-ni-e (Corpus, 31, стк. 19) указывает на близость данного гласного к -e в конечном слоге -ne, графически -ni-e, -ni. Варианты: alsuini, alsuni говорят о наличии дифтонга -ui, передаваемого в письме также одним гласным -u, ср.: kuguni (Corpus, 90), kuiguni (Corpus, 95, 96). Таким образом, все три указанные варианта сводятся к их

единому фонетическому чтению. Значение данного слова в точности устанавливается ему соответствующей идеограммой RABÛ 'великий'. Столь же ясными выступают значения слов er(i)ela и patari, заменяющих в сопоставляемых надписях идеограммы ŠARRANI^{meš} и ÂLU. Первое из этих слов стоит в родительном падеже множественного числа ŠAR e-ri-e-la-a-ú-e 'царь царей'. Окончание падежа (-ue) прибавлено к основе erela, графически e-ri-e-la-a, где слог -re, не имеющий для своей передачи одного клинописного знака, представлен двумя знаками (-ri-e). Чтение идеограммы города (patari, графически pa-a-ta-ri) дается редко, но в приведенных выше сопоставлениях не возбуждает сомнения, ср.: Tušpa-ÂLU, Tušpa-patari.

Сравнение одних и тех же текстов, представленных в разных надписях идеограммами и фонетическим чтением, устанавливает точное значение слов, даваемых взамен их идеографического изображения. В царской титулатуре идеограммы заменяются биайнскими словами в соответствующих словосочетаниях, остающихся одними и теми же в той же самой последовательной серии титулов. Упоминаемые среди них taraie, alsuine дают точное чтение соответствующим идеограммам, но там, где контекст несколько отходит от общепринятого трафарета, значение идеограммы в ее биайнском произношении становится менее ясным. Так обстоит со словом šura, выступающим в той же царской титулатуре, но в различных сочетаниях с другими титулами. Царская титулатура бывает полной и краткой. В последней упоминается 'царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, властитель города Тушпы', причем и второй титул иногда опускается (Corpus, 71; Ник. VIII и др.). Полная титулатура приведена в двух разбираемых нами надписях 'царь могучий, царь великий, царь стран, царь страны Биайны, царь царей, властитель города Тушпы'. Такая развернутая титулатура находит себе место в надписи Ник. XV: ŠAR MÂTU MÂTU. Этот титул, стоящий вслед за taraie и alsuine, не получает такой же определенной словарной замены, что привело к различному толкованию значения слова

šura. С одной стороны ŠAR MÂTU šuraue сближается с ŠAR MÂTU Biainaue, как бы указывая на топонимическую синонимику: 'царь страны Шура, царь страны Биайна'. Оба имени стоят в родительном падеже множественного числа (-ue). При этом толковании получается несколько названий для одной и той же страны: Биайна, Шура, Нара (Наири), Урарту. Такого объяснения данного термина придерживалось большинство исследователей, в том числе за него стоял и я.

ŠAR MÂTU šuraue встречается в царской титулатуре столь же редко, как и идеограмма ŠAR KIŠŠATI 'царь вселенной'. В разбираемой нами надписи (Ник. XV) на месте этой последней идеограммы поставлены обычные для большинства текстов идеограммы: ŠAR MÂTU MÂTU (LUGAL KUR^{meš}) 'царь стран'. По местоположению этому титулу соответствует в другой надписи (Corpus, 64—65) ŠAR MÂTU šuraue, что дает основание видеть в них одинаковое значение. В таком случае ŠAR MÂTU šuraue может быть признано за биайнское чтение идеограммы ŠAR KIŠŠATI, имеющейся как в надписи Сардура I, начертанной на ассирийском языке, так и в Келишинской билингве, где в биайнском тексте стоит: ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue (стр. 18), а в его ассирийском переводе: ŠAR KIŠŠATI ŠAR MÂTU Nairi (стк. 16). Ассирийскому названию Nairi соответствует местное Biaina, тогда как биайнскому ŠAR MÂTU šuraue (LUGAL KUR šuraue) дается ассирийский перевод ŠAR KIŠŠATI 'царь вселенной'. При таком, более подходящем, толковании данного термина слово šura(ue), стоящее в родительном падеже как определение к идеограмме царя, оказывается не синонимом Биайны, а фонетическим чтением идеограммы KIŠŠATI, которая обычно заменяется в биайнских текстах идеограммами: MÂTU MÂTU (KUR^{meš}) 'страны', получающими свое чтение: ebani-li. Чтение этой последней идеограммы (MÂTU) устанавливается, равным образом, тем же путем сравнительных сопоставлений.

Такого же рода сопоставления могут быть проведены и с другими идеограммами их сличением со словами в сходных контекстах с различными сочетаниями идеограмм и слов,

ср., например: $\hat{A}LU^{me\check{s}}$ $\check{S}AR\hat{A}PU$ -bi $\hat{E}KALLU^{me\check{s}}$ $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u$ -bi (Хорхор; Sayce, XXXVII, стк. 7). Значение представленных здесь идеограмм уже известно по ассирийскому первоисточнику: $\hat{A}LU$ (URU) 'город', $\check{S}AR\hat{A}PU$ (GIBIL) 'пожирать, уничтожать', $\hat{E}KALLU$ (\hat{E} . GAL) 'цитадель, крепость', буквально: 'большой дом'. Стоящий в конце глагол $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}ubi$ встречается неоднократно в биайнских надписях в противопоставлении глаголу $\check{s}idi\check{s}tubi$. Последний означает 'воздвигать', первый имеет противоположное значение 'разрушать'. Во всей фразе дается лишь одно фонетическое чтение ($\check{h}ar\check{h}ar\check{s}ubi$). Остальные слова представлены идеограммами. Из них первая ($\hat{A}LU$), как мы видели, вскрывается царской титулатурой в своем биайнском произношении: *patari*. Чтение идеограммы \hat{E} .GAL продолжает оставаться без своего уточнения. Вся приведенная фраза гласит: 'города я сжег, цитадели разрушил'. В параллель к данному тексту можно привести ряд других: $\hat{A}LU^{me\check{s}}$ $\check{S}AR\hat{A}PU$ -bi $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u$ - \acute{u} -bi 'города я сжег, разрушил' (Сард. лет. E, стк. 21); $\hat{E}KALLU^{me\check{s}}$ $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u$ - \acute{u} -bi $\hat{A}LU^{me\check{s}}$ a-ma- $\acute{a}\check{s}$ -tu- \acute{u} -bi (Хорхор, Sayce XXXIX, стк. 57).

В приведенных трех различных контекстах излагается примерно одно и то же с незначительными отклонениями в их вариантах. В одной из этих надписей (во второй) идеограмма $\check{S}AR\hat{A}PU$ (GIBIL) и глагол $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}ubi$, оба стоящие в 1-м лице ($\check{S}AR\hat{A}PU$ -bi, $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u$ -bi), передают действие, направленное на $\hat{A}LU$ (URU) во множественном числе — 'города'. В двух других надписях одно действие имеет объектом $\hat{E}KALLU$ (\hat{E} .GAL) 'цитадели', а другое — $\hat{A}LU$ 'города' (оба объекта во множественном числе), причем глагол $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}ubi$ противопоставляется глаголу, выраженному идеограммой $\check{S}AR\hat{A}PU$. Следовательно, он не является ее фонетическим чтением. В третьей надписи $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}ubi$ остается, а вместо $\check{S}AR\hat{A}PU$ поставлен глагол $\acute{a}ma\check{s}tubi$ (может быть, имя и глагол: *ama aštubi*), ср.: $\hat{A}LU^{me\check{s}}$ $\check{S}AR\hat{A}PU$ -bi $\hat{E}KALLU^{me\check{s}}$ $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u$ -bi; $\hat{E}KALLU^{me\check{s}}$ $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u$ -bi $\hat{A}LU^{me\check{s}}$ $\acute{a}ma\check{s}t$ -bi 'цитадели я разрушил, города я сжег'; в предыдущей надписи говорится о том же, но в обратном порядке сочетаемых частей фразы. Таким путем

устанавливается биайнское чтение идеограммы ŠARĀPU. Она заканчивается суффиксом 1-го лица переходного глагола, тем самым, которым оформлен и соответствующий ей глагол: ŠARĀPU-bi 'я сжег', по-биайнски amaštu-bi (ama aštu-bi).

Путем таких же сопоставлений устанавливается чтение ряда других идеограмм, например: AKĀLU (KŪ) 'пожирать, уничтожать', ср.: ĀLU^{meš} ŠARĀPU-bi MĀTU-ni AKĀLU-bi 'города я сжег, страну изничтожил' (Сард. лет. С, стк. 33). В этом примере имеются только одни идеограммы, из которых лишь первые две уже выяснены в их биайнском произношении: 'ĀLU^{meš} ŠARĀPU-bi MĀTU-ni atubi (там же, стк. 36); ĀLU^{meš} ŠARĀPU-bi MĀTU ebani AKĀLU (там же Е, стк. 14); ĀLU^{meš} ŠARĀPU-bi ḥarḥaršubi MĀTU ebani atubi (там же В, стк. 16—17). Первые две идеограммы, уже известные в своем чтении (patari amaštubi), остаются теми же во всех четырех примерах. Глагол ḥarḥaršubi в своем значении 'я разрушил' устанавливается другими контекстами. Остается идеограмма AKĀLU (-KŪ) 'пожирать, уничтожать'. Она в приведенных примерах передается биайнским словом atubi, стоящим в 1-м лице (atu-bi), так же как и идеограммы: ŠARĀPU-bi, AKĀLU-bi. Кроме того, тут же получает свое чтение также и идеограмма MĀTU (KUR) 'страна', которая в двух упомянутых надписях снабжается дополнительным слоговым знаком -ni (MĀTU-ni), передающим конечный слог заключенного в идеограмме слова. Последнее в своем развернутом виде выступает в двух других надписях, где вслед за тою же идеограммой MĀTU стоит ее полное фонетическое чтение ebani, представленное в двух других надписях лишь своим исходным слогом (-ni).

Несколько сложнее обстоит с чтением идеограмм в тех случаях, когда их биайнское произношение следует непосредственно за самим идеографическим знаком, который для выявления соответствующей грамматической формы снабжается падежными и личными окончаниями. Эти суффиксы иногда добавляются прямо к самой идеограмме, иногда к последнему слогу передаваемого идеограммой слова. Хотя такие приставки

обычно ограничиваются последним слогом слова, все же далеко не всегда можно с уверенностью судить о том, дается ли в добавлении к идеограмме часть такого слова, или же оно целиком, ср. наиболее часто встречаемые в надписях идеограммы, дополняемые слоговыми знаками: MÂTU (KUR)-e-ba-ni 'страна', ABNU (NA)-ru-lu-si 'камень, стела', ALPU (GUD)-ra-hi-ni 'крупный рогатый скот, бык', IMMERU (UDU)-šu-še 'мелкий рогатый скот, овца', SAL-lu-tu 'женщина'. Вопрос о чтении таких идеограмм разрешается легко только в тех случаях, когда сопровождающие идеограмму слоговые знаки составляют слово, которое может быть в том же значении использовано и без сочетания с идеограммой. Так, например, слово puluse в том же значении 'камень, стела' одинаково часто встречается в биайнских надписях как одно, так и с ему соответствующей идеограммой: ini pulusi kuguni (Corpus, 48, стк. 7); ini ABNU-pulusi kuguni (Corpus, 33, стк. 1, 19—20) 'эту стелу начертал'. Слово ebanî обычно следует за идеограммой MÂTU 'страна': MÂTU-ebanî amaštubi 'страну я сжег' (Corpus, 27, стк. 9), но в Колагранской надписи оно же стоит без этой идеограммы: ieše inili ebanîli... buraštuli (стк. 2—3). Местоимение и имя существительное — оба поставлены во множественном числе: ini-li ebanî-li, на тот же суффикс оканчивается также и глагол buraštuli 'я эти страны... подчинил'. Здесь слово ebanî, так же как и pulusi в предыдущем примере, остается при том же значении и без его сопровождающего и ему соответствующего идеографического знака.

В подобных случаях чтение идеограммы полным словом не возбуждает никаких сомнений. Писец использовал как условное идеографическое обозначение, так и его биайнское чтение, иногда соединяя одно с другим в их едином произношении, при котором помещение идеограммы оказывается уже излишним. Значительно труднее определить положение идеограммы в тех ее сочетаниях со слоговыми знаками, когда образуемое последними слово не встречается в текстах без стоящего перед ним идеографического знака. Составляя с ним одно целое и только в этом виде исполь-

зуемые в надписях, такие построения дают возможность видеть в них как детерминируемое, следовательно не читаемое, определение к слову (ср. детерминатив лица при собственных именах), так и составную часть самого слова, начатого идеограммой и законченного слоговыми знаками. Решать вопрос о том, предшествует ли слоговым знакам детерминатив или идеограмма, бывает в отдельных случаях затруднительным. Все же некоторые из них, при своем частом употреблении в сочетании с разными словами, дают основание видеть в них не подлежащий чтению детерминатив, выделяющий тем самым цельное слово. Но в этом случае выступает уже не чтение идеограммы, а слово, относимое детерминативом к определенному классу имен, что далеко не всегда является достаточным для их точного перевода.

Так, например, идеографический знак AMÊLU (LU) в значении 'человек' сопровождается различными сочетаниями слоговых знаков: gu-nu-ši-ni-i (Сард. лет. А, стк. 10); A.SI^{meš}-še (там же, стк. 12); hu-ra-di-ni-li (там же F, стк. 2); ir-di (там же D, стк. 9); ši-a (там же, стк. 29); tu-ḥi (там же E, стк. 26); ú-e-di-a-ni (там же A, стк. 20); ú-e-li (там же F, стк. 16); ú-ru-ur-da-a-ni (там же G, стк. 11); ta-ar-šu-a-ni (там же E, стк. 29).

Детерминативное значение отдельных знаков выступает в некоторых сочетаниях идеограмм достаточно ясно, но только тогда, когда независимо от детерминатива и отдельно от него помещается соответствующая идеограмма. В этом случае детерминатив определяет идеограмму, которая в случае ее замены словом придает последнему точную значимость. Выступая вместо идеограммы, это слово сохраняет при себе тот же знак детерминатива, который в этом своем положении устанавливается тем самым с полной определенностью. Например, знак AMÊLU (LU), стоящий перед ta-ar-šu-a-ni, оказывается детерминативом, что ясно видно из того, что идеографическим изображением слова taršuanī является знак UN, а не AMÊLU, ср.: AMÊLU UN^{meš}MU (Sayce, XL, стк. 37; 41, стк. 8 и др.); AMÊLU UN^{meš}ša-a-li-e (Sayce, XXXIX, стк. 14);

AMĚLU ta-ar-šu-a-ni^{meš} MU (Sayce, XLIII, стк. 27); AMĚLU ta-ar-šu-a-ni^{meš} ša-a-li-e (Sayce, XXXIX, стк. 41), в одном и том же значении, 'люди года (люди, собранные в течение года)'. В первом примере имеются одни лишь идеографические знаки, числом три. В последнем примере два из этих знаков представлены в их фонетическом чтении, которое устанавливается вторым и третьим примерами, где одна из идеограмм заменяется ей соответствующим словом. Идеограмме MU 'год' соответствует слово šale, фонетическим чтением которой оно и является, тогда как слово taršuanī заменяется его идеограммой UN (NĪŠU). При наличии последней знак AMĚLU выступает уже детерминативом. Следовательно, taršuanī^{meš} šale, заменяемые в других текстах им соответствующими идеограммами, оказываются словами, которым предшествует детерминатив, относящийся к первому из них: AMĚLU taršuanī 'люди, народ'. Этот детерминатив, определяющий класс имен существительных (люди), остается неизменяемым во всех четырех примерах. Как классный определитель имен он не читается и не подлежит переводу, противопоставляемый читаемой идеограмме, которая поэтому и может передаваться соответствующим, ею заменяемым словом.

Таким же детерминативом выступает тот же знак AMĚLU (LU) в сочетании со словом ħuradinīli, которое встречается также и без данного идеографического знака, ср.: AMĚLU ħuradinīli (во множественном числе с его суффиксом -li) 'войскá': AMĚLU ħu-ra-di-ni-li ú-e-li-du-bi 'войскá я собрал' (Сард. лет. F, стк. 2); ħu-ra-di-na-a 'войско, воинская сила' (в 66 колесниц, 1460 всадников, 15 760 пеших воинов; Corpus, 14, стк. 13—14; Сурб-Погос, стк. 15—17). Не оказываясь идеограммой, AMĚLU не выступает здесь взамен слова ħuradinīli, которое, в свою очередь, не является фонетической передачей этого знака. Детерминатив и тут остается определителем слова, но не выразителем его конкретного значения, поэтому он не произносился и в письме иногда опускался. Таким же определителем выступает AMĚLU в сочетании со словом ħunišini, восходящем к имени существительному ħuniša

‘бой, сражение’: *gu-nu-ša-a ha-ú-bi* ‘в бою я взял’ (Сард. лет. А, стк. 16; В, стк. 22; Е, стк. 13). Производное от имени существительного субстантивированное прилагательное *gupušini* ‘принадлежащий к бою, причастный к бою, боец, воинство’ относится уже к классу людей и может получать соответствующий детерминатив, но встречается и без него, ср. в перечне добычи: *AMĒLU gu-nu-ši-ni-i* ‘[6000] воинства’ (Сард. лет. А, стк. 10); ср. также без детерминатива: *ši-a-bi ka-ú-ki-i gu-nu-ši-i-ni-e su-ú-i-du-lu-ú-bi* ‘пришло против меня воинство, я устранил-его’ (Сард. лет. Е, стк. 9—10).

Не менее показательным выступает самостоятельность слова в его сочетании с идеографическим знаком в тех случаях, когда одно и то же слово, сохраняя свое построение, получает различную детерминацию. Так, например, разные детерминативы получает не вполне ясное по своему значению слово *tu-ḫi* в его различных написаниях, как с детерминативом *AMĒLU (LU)* ‘человек’, так и с детерминативом *ŠARRU (LUGAL)* ‘царь’, ср. с первым из названных детерминативов: *tu-ḫi* (Сард. лет. Е, стк. 26); *ta-ú-tu-ḫi* (там же В, стк. 39); *ta-tu-ḫi* (там же D, стк. 32); со вторым детерминативом: *tu-ḫi*, *tu-ḫi-ni* (там же G, стк. 2). Замена одного идеографического знака другим указывает на то, что следующие за ними клинописные знаки составляют отдельное слово. Помещение же при нем двух детерминативов различного значения свидетельствует о том, что это слово не является чтением идеограммы, а устанавливается детерминативом как относимое в одном случае к ‘человеку’, а в другом — к ‘царю’. Этим оттеняется самостоятельное значение данного слова, дополняемого идеографическим знаком и подтверждающего детерминативное содержание последнего. Но точное значение самого слова тем самым вовсе не устанавливается. Оно не является чтением идеограммы, так как перед ним стоит не идеограмма, а детерминатив. Этим объясняются даваемые данному слову различные толкования. Одни усматривают в нем значение ‘пленный’: ‘человек-пленный’, ‘царь-пленный’ (К. Ф. Леманн-Гаупт, М. Цеттели, И. Фридрих в более ранних своих работах, см.: Сау-

casica, VII, стр. 55). Другие же передают то же слово в его сочетании с детерминативом человека понятием 'население', а в сопровождении детерминатива царя — 'царство, царская власть', что не противоречит содержанию контекста, так же как и первое (И. Фридрих в более поздних работах, см.: *Einführung...*, стр. 63); *iu* ^a*Ḫaldišme ŠARRU tuḫi aruni naḫadi...* 'когда бог Халд-мне царство даровал, пошел я...', или 'когда бог Халд-мне царя пленника дал, пошел я...' (Сард. лет. G, стк. 2); *ali AMĒLU tuḫi III MĀTU ebana I šali zadubi...* 'кого пленными в трех странах в один год я сделал' (далее идет перечень: '12 735 юношей я взял, 46 600 женщин я захватил...'.—Сард. лет. A, стк. 25—26). Самостоятельная позиция слова *tautuḫi*, сокращенно *tuḫi*, не подлежит сомнению, но значение самого слова продолжает оставаться неясным, тем более, что относимое разными детерминативами к различным группам слов оно может в связи с этим получать различные оттенки в своей семантике.

Такая же двойкая детерминизация имеет место со словом *uediani*, но в иных, более ясных, сочетаниях и с детерминативами, более близкими друг к другу по своему значению. Данное слово не может являться чтением двух различных идеографических знаков. Следовательно, оно полнозначно, а идеографические знаки выступают при нем детерминативами. Наличие же детерминативов, а не идеограмм, содействует уточнению, но не дает точного перевода этому слову. Его значение при таких условиях выясняется сравнением сходных по содержанию контекстов. Слово *uediani* встречается в перечне уводимой добычи, ср.: 8135 *TUR (DUMU)-še^{meš} na-ḫu-bi 25 000 AMĒLU ú-e-di-a-ni^{meš}...* *ra-ru-bi* '8135 юношей (мужчин) я взял, 25 000 девушек (женщин)... я увел' (Сард. лет. A, стк. 10), ср. в подобном же перечне: *SAL ú-e-di-i-a-ni* (Sause, XXXVII, стк. 13). В одном случае *uediani* определяется детерминативом *AMĒLU (LU)* 'человек', а в другом оно же получает детерминатив *SAL* 'женщина'. Замена одного детерминатива другим явно свидетельствует и здесь о самостоятельном значении связанного с ними слова.

Это слово противопоставляется в приведенных примерах идеограмме TUR (DUMU) 'молодые люди',¹ так же как в ряде других надписей, перечисляющих захваченную добычу, противопоставляются плененные мужчины ('aše) пленным женщинам (SAL lutu). Отсюда можно прийти к выводу, что идеограммой TUR передаются взятые в плен юноши, а словом uediani с его разными детерминативами, передается понятие 'девушки'. Таким образом, это слово определяется детерминативами в их близком значении — как 'человек-девушка' и как 'женщина-девушка'. В последнем варианте получается сближение с только что упомянутым и чаще встречающимся словом SAL lutu 'женщина', на место которого иногда и ставится uediani: 3500 TUR-še^{meš} 15 000 AMĒLU ú-e-di-a-ni 4000 AMĒLU^{meš} gu-nu-ši-ni-i ra-ru-ú-bi '3500 мужчин (отроков) 15 000 женщин (девушек) 4000 воинов я увел' (Сард. лет. А, стк. 20—21); 12 735 TUR-še na-ḥu-bi 46 600 SAL lu-tu^{meš} ra-ru-bi 12 000 AMĒLU^{meš} gu-nu-ši-ni-i ra-ru-ú-bi '12 735 мужчин (отроков) я взял 46 000 женщин я увел 12 000 воинов я увел' (там же, стк. 26—27), ср. такую же замену в другом контексте: 'a-še AMĒLU ú-e-di-a-ni ra-ru-bi MĀTU Bi-a-na-i-di (Даш-Керпи, стк. 7—8); 'a-še SAL lu-tu ra-ru-bi MĀTU Bi-a-i-na-i-di (Сард. лет. В, стк. 18—19) 'мужчин [и] женщин (девушек) увел я в страну Биайну'. Возможно, что в некоторых контекстах uediani и SAL lutu сближаются как синонимы; все же они, несомненно, являются различными словами, причем полноточность lutu продолжает оставаться под вопросом.

Идеографический знак при lutu (SAL) встречается также и с другими словами: SAL uediani (часто в Хорхорской летописи); SAL mathi (там же и в летописях Сардура F, стк. 5); SAL silai, SAL tariria (Corpus, 57, стк. 1—3). Как и AMĒLU (LU) идеографический знак SAL чаще выступает детерминативом. Такое положение он занимает при собственном имени Таририа, жены или дочери царя Менуи, по-видимому и при

¹ Возможно, что здесь выступает не идеограмма, а фонетическое написание слова aše, с тем же значением 'отрок, молодой человек, юноша'; см.: Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1954 г., № 1, стр. 199 и сл.

термине родства SAL silai 'жена (дочь)': ^mMe-nu-a-i-ni-e-i SAL si-la-a-i-e SAL ta-ri-ri-a-i i-ni GIŠ ul-di. Первые три слова стоят в родительном падеже (-ei, -e, -i) 'Менуевой жены (дочери) Таририи этот виноградник' (Corpus, 57). SAL mathi (ma-at-ḫi) встречается реже, в неясном значении. Что же касается SAL lutu, по своей семантике сближающемуся с uediani, то SAL в этом сочетании не заменяется никаким другим знаком и всегда сопровождается клинописными знаками lu-tu, ср. часто встречающееся построение: 'a-še SAL lu-tu ra-gu-bi 'мужчин [и] женщин я увел', где 'aše 'мужчина' ставится лишь в своем фонетическом чтении, тогда как SAL lutu выступает только в этом более сложном написании. Таким образом, между SAL uediani и SAL lutu имеется существенное расхождение. Поскольку uediani, получая разные детерминативы, выдвигается в своем значении знаменательного слова, поскольку же SAL lutu, всегда сопровождаемое этим дополнительным идеографическим знаком, с ним настолько тесно связано, что это дает возможность видеть в SAL lutu или идеограмму SAL с ее чтением lutu, или же идеограмму с конечным слогом передаваемого ею слова. Не устраняется и третья возможность: SAL может быть детерминативом при lutu, ср.: SAL uediani, где SAL выступает детерминативом. Только в первом и третьем случаях lutu окажется, так же как и uediani, полнозначным словом.

Идеограммы и детерминативы при чтении биайнских надписей играют заметную роль, облегчая анализ текста. Идеограммы скрывают в себе читаемое слово, детерминатив же ограничивается определением класса имен и сопровождает законченное по своему написанию слово. Но клинописный знак остается общим для тех и для других. Поэтому далеко не всегда удастся установить, в каком из этих разных назначений используется данный знак клинописи. Лишь немногие идеографические знаки получают в биайнской письменности только одно назначение. Таковы детерминатив лица при собственных именах, детерминативы металлов, растений, ср.: GIŠ uldi 'виноградник'. Большинство же остальных знаков

встречается в обоих значениях. Так, например, сопровождающий названия населенных пунктов детерминатив города $\hat{A}LU$ (URU) выступает также и идеограммой, ср.: $\hat{A}LU_{me\check{s}}$ $\check{S}AR\hat{A}PU-bi$ 'городá я сжег' (Сард. лет. А, стк. 8). Тот же знак в наименовании биайской столицы Тушпы получает оба значения — детерминатива в начале слова и идеограммы в конце: $\hat{A}LU$ $Tu-u\check{s}-ra-e \hat{A}LU$, ср.: $\hat{A}LU$ $Tu-u\check{s}-ra-a ra-a-ta-ri$ (Corpus, 64, стк. 7), где в конце географического названия идеограмма передается в ее чтении.

Идеограммы содержат в себе точное значение слова, которое, выступая взамен идеограммы, устанавливается тем самым в своей семантике. Слово $patari$ в значении 'город' вскрывается благодаря своему наличию в имени Тушпы на том же месте, на котором стоит $\hat{A}LU$. Выступая отдельно, та же идеограмма, очевидно, произносилась тем же словом, выступая же детерминативом, она не читалась. Поэтому работа над идеографическими знаками, в конечном итоге, сводится к выяснению того, имеется ли в данном построении читаемая идеограмма или же нечитаемый детерминатив. В отдельных случаях этот вопрос получает свое разрешение, но далеко не всегда. Так, например, наименования географических мест детерминируются различно: иногда ставится детерминатив страны, иногда детерминатив лица, ср.: $\check{h}a-\acute{u}-bi$ ${}^mE-ti-\acute{u}-ni$ $M\hat{A}TU$ 'я захватил Этиуни страну' (Ник. XXI, стк. 4—5); $ka-ru-ni$ $M\hat{A}TU$ $E-ti-\acute{u}-ni-ni$ (Ник. VI, стк. 2). В последнем примере $M\hat{A}TU$ предшествует имени страны Этиуни, то есть выступает детерминативом, следовательно, не подлежит произношению, но в первом примере тот же знак, занимая постпозиционное положение, читался в его биайнском произношении ($e\check{b}ani$), ср. также: $\check{h}a-\acute{u}-bi$ ${}^mE-ri-a-\check{h}i$ $M\hat{A}TU-ni$ 'я захватил Эрах страну' (Ник. V, стк. 3), $\check{h}a-\acute{u}-bi$ $M\hat{A}TU$ $E-ri-a-\check{h}i$ $M\hat{A}TU$ $e-\check{b}a-ni-e$ (Сард. лет. С, стк. 26). Вторично помещенная идеограмма $M\hat{A}TU$ после имени страны читалась, что и засвидетельствовано написанием ее произношения $M\hat{A}TU$ $e\check{b}anie$. Чтение же того же знака, поставленного перед названием страны, становится при этом излишним, приводя к повторению одного

и того же слова 'страна' ('страна Эрах страна'). MÂTU в данном его препозиционном положении выступает уже детерминативом.

Таким образом, препозиционные детерминативы лица и страны (^mEriaḫi, ^{mātu}Eriaḫi) оказываются здесь в сходных условиях, так как оба они не произносились, один как детерминатив собственного имени, другой — как его отнесение к наименованиям мест (тоже детерминатив). То, что Эрах является страной, уже отмечено стоящею в конце идеограммой. Следовательно, переходя от письма к его биайнскому чтению, мы в обоих примерах имеем одно и то же: ḫaubi Eriaḫi eban(i)e. MÂTU-ni в первом примере передает собою идеограмму с конечным слогом слова, переданного во втором примере полностью (ebani). Получается построение с детерминативом и идеограммой, переданными теми же самыми знаками: MÂTU Eriaḫi MÂTU; при произносимом детерминативе получаем (MÂTU) Eriaḫi MÂTU, которое и дается в раскрытом чтении идеограммы: Eriaḫi eban(i)e, ср. уже приведенное выше: ÂLU Tušrae ÂLU, в биайнском чтении: Tušra patari.

Проведенный анализ дает основание к такому же толкованию фразы: ka-ru-ni ŠARRU ^mE-ri-a-ḫi MÂTU e-ba-ni-e (Сард. лет. С, стк. 20). Непосредственно за идеограммой MÂTU дается ее чтение, заменяющее данную идеограмму (ŠARRU ^mEriaḫi ebanie). Остается одна идеограмма ŠARRU, которая не выступает в значении детерминатива. ŠARRU ставится всегда после собственного имени, или даже и без него, ср.: ^mKu-uš-ta-aš-pi-li ŠARRU MÂTU Qu-ma-ḫa-al-ḫi-e 'Кушташпили царь страны Кумахалхи' (Сард. лет. Е, стк. 41); ^mAr-gi-iš-ti-ni ^mMe-nu-a-ḫi-ni ŠARRU DAN. NU ŠAR MÂTU Bi-a-na-ú-e 'Аргшти сын Менуи царь могучий царь страны Биайн' (Ник. XXI, стк. 18—19); i-na-ni ŠARRU-e nu-na-bi '[всё] это к царю пришло' (Сард. лет. С, стк. 45). Следовательно, и в приведенном примере ŠARRU ^mEriaḫi ebanie идеограмма ŠARRU выступает отдельным словом и не является определителем к имени Эраха. Поэтому данная идеограмма должна была читаться как самостоятельное слово: erela Eriaḫi ebanie 'царь Эраха страны'.

Детерминативом остается только показатель лига. Вся приведенная выше фраза: karuni ŠARRU^mEriaḥi MÂTU ebanie получает перевод: 'я покорил царя страны Эрах'.

Двойственное положение препозиционного идеографического знака, иногда читаемого, а иногда опускаемого в чтении, ведет в отдельных случаях к сближению детерминативов и идеограмм. Постпозиционные знаки передают самостоятельные слова и потому выступают идеограммами, препозиционные же знаки вступают в более тесные отношения со связанными с ними словами. Тем не менее утверждать, что все препозиционные знаки оказываются только определителями слов, их детерминативами, не приходится. Остановимся на одном примере, в котором и препозиционные идеографические знаки оказываются, равным образом, читаемыми: ḥa-ú-ni MÂTU U-lu-a-ni-e-i MÂTU e-ba-ni ÂLU Da-a-ra-ni MÂTU-ni-e (Ник. VI, стк. 6—7). Если MÂTU Uluaniei MÂTU (ebani), по изложенным выше основаниям, может произноситься с одной стоящею в конце идеограммою, фонетическое чтение которой тут же дается: (MÂTU) Uluaniei ebaní, то ÂLU Darani MÂTU(-nie) подлежало чтению с обоими идеографическими знаками, так как собственное имя Дарани, в отличие от Улуани, устанавливается знаком ÂLU в своем значении города, а не страны. Следовательно, положение знаков MÂTU и ÂLU при именах Uluaniei и Darani различно. Первый из них может быть в чтении пропущен без изменения значения собственного имени (страны Улуани), второй же должен читаться. В противном случае Дарани, так же как и Улуани, могло бы быть понято как наименование страны, тогда как говорится не о стране Дарани, а о стране города Дарани: 'захватил Улуани страну, города Дарани страну'. Таким образом, ÂLU Darani MÂTU должно было читаться в полном словосочетании: patari Darani ebanie, а вся фраза произноситься: ḥauni Uluaniei ebaní patari Darani ebanie. Без произношения остался в данной фразе лишь один идеографический знак, стоящий перед наименованием страны Улуани. Этот знак и выступает детерминативом в точном значении данного термина.

Географическое название Uluani имеет идеографический знак, чтение которого оказалось излишним. Но данное наименование страны как собственное имя должно получать свой показатель (детерминатив), а так как последний утратил решающее положение в определении самого имени, которое и без того устанавливается в своем значении страны дальнейшей идеограммой, то в написании этого имени могла получиться замена конкретного детерминатива страны более общим детерминативом собственных имен (лиц), который тоже не произносился. Это и получилось в указанных выше сопоставлениях таких построений, как: ĥaubi (MÂTU) Eriaĥi MÂTU (ebanie); ĥaubi ^mEriaĥi MÂTU-ni (ebani) 'я захватил Эрахи страну'. Наименования одних и тех же стран нередко ставятся то с детерминативом страны, то с детерминативом лица и без последующей идеограммы MÂTU, ср.: uš-ta-a-li... MÂTU Lu-ša-i-ni-e-di ^mKa-tar-za-ni-(e-di) (Corpus, 13, стк. 20—21); ka-ru-ni ^mLu-ú-ša-a ka-ru-ni ^mKa-a-tar-za-a (Corpus, 14, стк. 6).

Такое положение с нечитаемым детерминативом оказывается возможным лишь в тех случаях, когда ведущая по своему значению идеограмма или вовсе отсутствует, или же повторяется в том же значении, как и детерминатив, ср.: (MÂTU) Eriaĥi ebani, ср. также в имени Тушпы: (ÂLU) Tušrae patari. Если же в идеографических знаках имеет место расхождение, то и первый из них, равным образом, выступает в том же, как и идеограмма, положении. Оказывается, тем самым, что и препозиционные идеографические знаки могут подлежать чтению, то есть, что ÂLU в сочетании с Darani является не опускаемым в чтении детерминативом, а произносимой идеограммой. Речь идет о завоеванной стране. Поэтому в центре грамматического построения остается слово 'страна', передаваемая в письме идеограммой или соответствующим ей словом. Страна устанавливается в своем названии, как принадлежащая определенному лицу, каковым оказывается в одном случае город Дарани, что и передается словами: patari Darani ebanie, с изафетным построением слова ebani-e 'города Дарани страна-его'. В другом случае носителем наименования

страны выступает ее собственное имя, почему последнее и поставлено в родительном падеже (Uluani-ei). Это имя, в таком его построении, получает показатель MÂTU, который, так же как и детерминатив собственных имен (лица), устанавливает значение данного термина в общем контексте. Тем самым уточняется значение нечитаемого детерминатива MÂTU в его препозиционном положении, так же как и иное содержание знака ÂLU в той же позиции. Таким образом выясняется, что препозиционный идеографический знак, выступая детерминативом, может в отдельных случаях сближаться в своем значении с идеограммой, или, что препозиционный идеографический знак может быть как детерминативом, так и идеограммой.

Значение идеографических знаков выясняется соответствующими контекстами, в которых идеограммы вступают в различные отношения с остальными словами предложения. Одни и те же знаки идеографического письма в одних случаях выступают самостоятельными словами, в других ограничиваются выделением собственных имен, играя тем самым служебную роль. Выяснение их грамматического значения содействует интерпретации текста, его чтению и переводу. Различное положение, занимаемое идеограммами в сплошном тексте, можно видеть в приведенных выше примерах, число которых может быть увеличено целым рядом других, ср. также: ka-gu-ni^m Qa-ru-rî-ni ŠARRU MÂTU I-ga-ni-i MÂTU e-ba-ni-e 'я покорил Капурины царя Игании страны' (Сард. лет. F, стк. 7). Детерминатив лица в данном тексте приурочен к собственному имени царя, что и отмечается далее стоящею идеограммой ŠARRU, которая может быть заменена биайнским словом ege^{la}. Другая идеограмма, поставленная в конце фразы, повторяется в ее же чтении ebanie 'страна'. Следовательно, сама идеограмма уже раскрыта и потому произношению не подлежит. Идеограмме предшествует название страны в именительном падеже (Iganî). Оно в свою очередь предваряется детерминативом, постановка которого при нем как перед собственным именем обязательна. Детерминативом взят тот же знак MÂTU,

который связывает это географическое название с идеограммой страны. Детерминатив лица остается только при имени покоренного царя. Весь текст с его идеограммами может быть переведен на биайнское чтение полностью: karuni Qarurini erela Iganii ebanie. Несколько в ином положении оказывается тот же детерминатив MÂTU в другой фразе тех же Сарду-ровских летописей, где наименование страны остается с одним детерминативом и не сопровождается постпозиционной идеограммой: ^mKu-uš-ta-aš-pi-li ŠARRU MÂTU Qu-ma-ḥa-al-ḥi-e (E, стк. 41), где Кушташпили выступает царем страны Кумух, название которой, стоящее в родительном падеже (Qumaḥalḥi-e) предваряется детерминативом.

При собственном имени должен стоять детерминатив, но, при отсутствии соответствующей идеограммы, возможно, что этот детерминатив читался. Оставаясь детерминативом при названии страны, так как иначе оно оказалось бы без детерминатива, что для собственных имен недопустимо, детерминатив, в данном его положении, сближается с идеограммой. В итоге получают два возможных чтения — с ним в значении идеограммы: 'Кушташпили царь страны Кумух' и с ним же как с обычным детерминативом 'Кушташпили царь Кумуха'.

Тот же вопрос о различном положении детерминативов становится наиболее спорным в тех случаях, когда выступает один только идеографический знак, стоящий перед собственным именем, например: MÂTU Biainaе 'Биайна', где MÂTU может быть понято и как обычный детерминатив, и как сближающийся с идеограммой, ср. часто употребляемую фразу [ʼaše SAL lutu] parubi MÂTU Biainaidi, поддающуюся переводу: '[мужчин и женщин] увел я в страну Биайну' (если MÂTU сближается с идеограммой) и: 'увел я в Биайну' (если MÂTU рассматривать как обычный детерминатив при собственных именах мест). Такое же положение занимают детерминативы и идеограммы в ряде различных написаний, где приводятся названия малоизвестных стран, для которых требовалось выяснить, о чем именно идет речь — о лице или о стране, что для широко известных стран, таких как Этиуни и Эрах,

возможно, и было бы излишним, так же как и уточнение значения Биайны, название которой никогда не сопровождается идеограммой, стоящею после собственного имени. Но Биайна сама объединяет ряд стран, так же как и ее правитель, именующий себя царем царей. Поэтому упоминание о Биайне могло закрепиться в точно определенной форме письма.

Название страны Биайны ставится как в единственном числе, так и во множественном, ср. в направительном падеже: *Biaina-di*, *Biaina-ašte*, всегда с детерминативом *MÂTU* (*KUR*) в начале (Сард. лет. В, стк. 35; Е, стк. 5); в родительном падеже: *ŠAR MÂTU Biaina-e* (corpus 71, стк. 8) *ŠAR MÂTU Biaina-ue* (Corpus, 56, стк. 21). Царь Биайны называется царем царей: *ŠAR MÂTU MÂTU ŠAR ŠAR^{meš}* (Ник. XV, стк. 8). Иногда построение, подобное *ŠAR ŠAR^{meš}* 'царь царей', получает название страны: *MÂTU MÂTU^{meš}* 'страна стран', ср: *ŠAR MÂTU MÂTU^{meš}-ú-e ŠAR MÂTU Bi-a-i-na-a-ú-e* 'царь страны стран, царь страны Биайна' (Ник. XII, стк. 10—11). Вторая идеограмма *MÂTU* поставлена во множественном числе с окончанием родительного падежа того же числа (-*ue*). С тем же падежным окончанием стоит и само название Биайны (*Biaina-ue*): 'царь стран, царь Биайны'.

Что такое Биайна, читавшему клинописные тексты было хорошо известно. Он знал, что это — страна. Следовательно, ему незачем было специально разъяснить значение данного географического названия, которое могло произноситься и с идеографическим знаком и без него, но которое, тем не менее, в письме должно было всегда иметь детерминатив, вне зависимости от того, читался он или нет, так как само название страны относится к собственным именам. Вполне возможно, что названия других стран нуждались в дополнительных идеограммах, в отличие от хорошо известной Биайны. Помещение при обязательном детерминативе также и необязательной идеограммы получило широкое применение, оставаясь все же до известной степени факультативным. Даже такая страна как Ассирия снабжается соответствующею идеограммою, хотя тут же стоящая, другая менее известная страна

Армее лишена этого идеографического знака и остается при одном только детерминативе: ka-ru-ni ^mMu-ri-nu-ni ŠARRU MĀTU U-e-li-ku-ḥi MĀTU-ni-e ka-ru-ni ^mTsi-na-li-bi-ni ^mLu-e-ḥu-ú-ḥi-e ŠARRU ĀLU Tú-li-ḥu-i MĀTU-ni-e ka-ru-ni ^mAšur-ni-ra-ri-ni ^mA-da-di-ni-ra-ri-e-ḥi ŠARRU MĀTU Ašur-ni-i MĀTU-ni-e ka-ru-ni MĀTU Ar-me-e ka-ru-ni ĀLU Ni-ḥi-ri-a-ni ĀLU ŠARRU-ni-ú-si MĀTU-ni-e 'покорил Мурину царя страны Уеликухи (страны), покорил Циналиби сына Луеху царя страны города Тулиху, покорил Ашурнирари сына Ададнирари царя страны Ассирии (страны), покорил страну Армее, покорил города Нихириа города царского страну' (Ван; Сурб-Погос, стк. 3—13).

Можно прийти к выводу, что пропуск идеограммы при названии страны Армее объясняется тем, что сам детерминатив в данном его положении читался. В некоторых случаях сомнение в том, читался детерминатив или нет, разрешается более определенно, например, в той же только что приведенной надписи страна царского города Нихириа, также как и страна города Тулиху, должны были произноситься с чтением детерминатива города. То же самое имеем во фразе: ŠARRU-ni ĀLU Pu-i-ni-al-ḥi AMĒLU bu-ra aš-tú-bi 'царя города Пуиниалхия подчинил (рабом сделал)', где говорится о царе города, а не страны (Сард. лет. А, стк. 17), ср. также: a-ma-aš-tú-bi MĀTU Di-ir-gu-ú-ni ĀLU I-ša-la-a-ni 'я сжег страну Диргуни, город Ишалани' (Corpus, 19, стк. 11). Из двух испепеленных мест одно оказывается страной, а другое городом, что подлежало специально уточнению соответствующими идеографическими знаками, остающимися все же детерминативами при собственных именах. Приходится различать значение детерминативов в письме и их же в чтении самих текстов.

Детерминатив как идеографический знак перед собственным именем, всегда его сопровождающий, не мог дополняться его передающими фонетическими знаками клинописи. Детерминатив остается в непосредственной связи с им определяемым собственным именем. Поэтому только по отношению к другим детерминативам ставится вопрос о том, когда они оставались без чтения и когда, наоборот, они могли и должны

были читаться. Идеограмма всегда читалась. Она, занимая в предложении самостоятельное место и заменяя ей соответствующее слово, может иметь за собою это же слово, раскрытое в его фонетическом чтении. Впрочем, далеко не все подобного рода сочетания фонетических приставок с идеограммами представляют собою полное чтение последних. Писец нередко, дополняя идеограмму ее фонетическим чтением, давал последнее не полностью, а лишь его заключительными слогами, ср. полное написание: MÂTU e-ba-ni-e, и его же в сокращенном виде: MÂTU-ni-e.

Полное чтение наиболее ясно выступает при многосложном написании, например, упомянутое выше MÂTU e-ba-ni-e 'страна', AMÊLU ú-gu-ur-da-a-ni — по-видимому, наименование какого-то должностного лица (Сард. лет. G, стк. 11). При двухсложных, и тем более односложных, сопроводительных знаках уверенность в их законченном чтении нередко отсутствует. Поэтому во многих случаях остается под сомнением, имеется ли законченное начертание сопровождающего идеограмму слова или же только его заключительная часть. Так обстоит, например, с такими сочетаниями идеограммы со слоговыми знаками, как: AMÊLU-a-si^{meš}-še 'войска'(?), AMÊLU-ir-di 'вождь, военачальник'(?), AMÊLU-ši-a, AMÊLU-ú-e-li (Сард. лет. A, стк. 12; D, стк. 9,29; F, стк. 16).

Сложность чтения сопроводительных знаков при идеограммах может быть наглядно показана на примерах написания идеограмм Ê 'дом, сооружение', Ê.GAL 'большой дом, крепость, цитадель'. Идеограмма Ê встречается как без дополнительных знаков, так и с их различными вариантами, сочетаемыми с глаголами zaduni 'он сделал', šidišituni 'они воздвигли', šuuni 'он соорудил', amaštubi 'я сжег' и др.: i-ni Ê za-du-ni (Corpus, 73, стк. 5), i-ni Ê-e za-a-du-ú-ni (Corpus, 4), Ê-i-ni ši-di-ši-tu-ni (Corpus, 10), i-ni Ê 'a-ri šu-ú-ni (Ник. XIX, стк. 2), i-ni Ê a-ši-ḥu-ú-si-e za-du-ú-ni (Corpus, 75), a-ma-aš-tú-bi Ê.GAL^{meš}-ši-li (Corpus, 27, стк. 9), Ê.GAL^{meš} a-ši-li (Corpus, 27, стк. 27).

Из выступающих здесь различных сочетаний клинописных знаков не могут иметь самостоятельного значения как глас-

ный -е во втором примере (\hat{E} -e), так и i-ni в третьем примере (\hat{E} -i-ni). Видеть в ini постпозиционное местоимение весьма затруднительно, так как ini 'этот' в соответствующих словосочетаниях всегда стоит на первом месте.¹ Скорее всего в \hat{E} -ini выступает притяжательный суффикс, оформляющий слово, содержащееся в самой идеограмме в ее значении крепостного или культового сооружения, ср.: ^mArgišṭini urišḫusini... ini aše 'Аргиштиевой крепости... этот щит' (Кар.-Бл. II, стр. 51), где фонетически переданное слово со значением 'крепость' имеет такого рода притяжательный суффикс: urišḫusi-(i)ni.

Полными словами могли бы быть 'ari, ašiḫusie. Последнее из них может быть понято и как одно слово и как разбиваемое на два: aši-ḫusi. В своей первой части оно сопоставляется с ašili, суффикс множественного числа которого (-li), повторяемый в šili, прибавлен к основе -aši. Вторая часть того же слова (ḫusi) повторяется в слове uriš-ḫusi, которому, судя по контексту, соответствует значение 'крепость, арсенал'. В надписях на бронзовых чашах и на бронзовом запоре из Кармир-Блуря слово urišḫusi (urišḫi) сопровождает идеограмму \hat{E} (BĪTU), но на щитах стоит самостоятельно и, следовательно, выступает отдельным словом. Сопоставление uriš-ḫusi с aši-ḫusi дает основание видеть также и в последнем самостоятельное слово. \hat{E} -ašiḫusi, \hat{E} -urišḫusi встречаются оба с одним и тем же идеографическим знаком в начале. Тем самым этот знак выступает не идеограммой с ее фонетическим чтением, а детерминативом при двух названиях различных сооружений. Следовательно, здесь выступает детерминатив, который мог и не предназначаться для чтения. В тех же написаниях, в которых тот же знак \hat{E} (BĪTU) дополняется только конечными слогами слова, этот знак ясно выступает идеограммой, полное чтение которой продолжает оставаться нераскрытым.

¹ Обратного мнения придерживается И. Фридрих, допускающий возможность постпозиционной постановки местоимения ini; см. его „Einführung...“, стр. 18; Archiv Orientalni, IV, № 1, стр. 56; ср. Г. А. Меликишивили, ВДИ, 1953, № 1, стр. 272.

В таком положении может быть понято также и упомянутое выше сочетание идеограммы Ê со слоговыми знаками a-ši(-li).

Добавляемое к идеограмме aši(li) имеет свою параллелью встречающееся в надписях отдельно стоящее слово aše: ^dHal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-ḫi-ni-še ÂLU Iš-pu-ni-e-di uš-tu-ni 'богу Халду владыке этот щит Аргишти сын Менуи в город Ишпуни направил' (Кар.-Бл. II, стр. 51). Значение этого слова (aše), помещенного на бронзовом щите, устанавливается контекстом и самим предметом, на котором начертана надпись (щит). Связь слова aše с приведенным выше aši(li) получает различные объяснения. Одни исследователи видят в них одно и то же слово, помещаемое с идеограммой и без нее, при этом его значение 'щит' ставится под сомнение. Другие склонны усматривать в них два разных слова с двумя различными значениями.

Те, которые в обоих написаниях усматривают одно и то же слово aše, видят в нем фонетическое чтение идеограммы Ê (BÎTU) 'дом, сооружение' и наличие этого же слова на щите объясняют посвятельным назначением щита, помещаемого снаружи культового здания, в связи с чем данное слово относят не к щиту, а к тому сооружению, к которому он прикреплялся (Леманн-Гаупт, Corpus, 4, 56, 72, 77).

При всей сомнительности подобного рода объяснений все же подтверждением такого мнения могут служить надписи на бронзовых чашах, где помещается слово urišḫusi, сопровождаемое иногда идеограммой Ê (BÎTU), следовательно, означающее не 'чашу', а сооружение, которому принадлежит данный сосуд: ^mAr-gi-iš-ti-ni ú-ri-iš-ḫu-si-ni. Оба слова стоят с притяжательным суффиксом (-ni), указывая на принадлежность предмета крепости Аргиштия, ср.: ^mSar-du-ri-e BÎTU ú-ri-iš-ḫi. Имя царя поставлено в родительном падеже (Sarduri-e): 'Сардура крепость' (Кар.-Бл. II, стр. 55). По аналогии можно предположить, что и aše на бронзовых щитах означает не сами щиты, а место, которому они посвящены.

Те, которые придают aše в его использовании с идеограммой и без нее различное значение, считают aše без

идеограммы за самостоятельное слово 'щит', а аše (aši) с идеограммой, за конец какого-то слова, фонетическое чтение которого дано не полностью (И. Фридрих).¹ Такие неполные приставки к идеограммам, как мы уже видели в примерах с ebanī, действительно имеют место, поэтому не устраняется возможность усматривать и тут такого же рода усеченное написание какого-то имени существительного, заканчивающегося на -še, ср.: *bariše* 'слово', *ulguše* 'жизнь' и др.

Приведенный пример указывает на сложность дешифровки идеограмм, дополняемых слоговыми знаками, с ними непосредственно связанными. Писец далеко не всегда сопровождал идеограмму ее полным биайнским чтением. Этим в значительной степени затрудняется выявление основного фонда биайнских слов. Приходится в каждом отдельном случае проводить самостоятельное исследование. Аše на бронзовых щитах, несомненно, выступает отдельным словом, и приведенные контексты говорят за то, что приурочение ему значения 'щит' в достаточной мере оправдывается, так же как и значение 'шлем' за словом *kubuše*, начертанном на шлемах Аргиштия и Сардура (Кар.-Бл. II, стр. 50). Но и -aši(li), сопровождающее идеограмму Ê, равным образом, может рассматриваться в его полнозначной позиции. За то, что -aši(li) не является концом какого-то иного слова, а само может выступать самостоятельно, говорит наличие его в составе сложного слова *ašiḥusi*, которое, так же как и *urišḥusi*, разбивается на две части, из которых одна (*ḥusi*) остается общей для обоих, а другая варьируется (*aši*, *uriš*). Если в этих двух словах, означающих разные сооружения, видеть составные слова, то и первая их часть может оказаться также отдельным словом.

Различные толкования разновидностей начертания идеограмм с их дополнениями в фонетическом чтении указывают на сложность дешифровки идеографического письма с переводом его на биайнское чтение. Все же идеограммы в значительной степени содействуют выяснению значения отдельных

¹ Archiv Orientalni, IV, 1932, № 1, стр. 56—60.

слов. Там, где удастся установить соответствующие идеограммам биайнские слова, последние, благодаря идеограммам, уточняются в своем смысловом содержании. Препозиционные детерминативы с этой стороны менее показательны. Никогда не сопровождаясь знаками фонетического письма, вскрывающими их собственное чтение, они не обнаруживают произношения идеографического знака, но тем не менее они устанавливают принадлежность слова к определенному классу имен существительных и тем самым содействуют выяснению его семантического значения.

Детерминатив всегда предшествует им определяемому слову, идеограмма же занимает самостоятельное место, но нередко сопровождается клинописными знаками, передающими ее фонетическое чтение. В этом положении идеограммы, равным образом, предшествуют относящимся к ним словам. Поэтому, в точности установить, что имеется в каждом отдельном случае, детерминатив или идеограмма, иногда бывает затруднительным. Так, например, встречающиеся в перечне добычи слова: *raḥini*, *šūše* всегда предваряются идеографическими знаками: ALPU(GUD) 'бык', IMMERU(UDU) 'баран, овца', которые могут быть как детерминативами при соответствующих биайнских словах, так и идеограммами с их биайнским произношением, например: 16 529 ALPU *ra-ḥi-ni* *ra-ru-ú-bi* 37 685 IMMERU *šū-še^{meš}* *ra-ru-ú-bi* '16 529 быков я увел, 37 685 овец я увел' (Сард. лет. Е, стк. 32—33). И в том и в другом понимании идеографических знаков чтение биайнских слов остается тем же, так же как и их содержание. Различие в значении выступающих здесь знаков сводится не к чтению самих слов, а к детализации их семантики.

Если ALPU и IMMERU являются идеограммами, то соответствующие им слова *raḥini* и *šūše* означают 'быки' и 'бараны, овцы'. Если же эти знаки являются детерминативами, то те же два биайнских слова окажутся передающими какие-то разновидности крупного и мелкого рогатого скота. Оба знака могут быть поняты и в том и в другом значении. За то, что здесь выступает детерминатив, говорит следующее:

слово *raḥīni*, так же как и *šūše*, нигде не усекается в полном своем написании, что при идеограммах встречается нередко, ср.: *MĀTU-ni-e*, при полном написании: *MĀTU e-ba-ni-e*, и при допущении отдельного написания: *e-ba-ni-e* без сопроводительной идеограммы, тогда как *raḥīni* и *šūše* без идеографического знака в перечне добычи не встречаются. С другой стороны, за то, что тут идеограмма, говорит сам контекст, повествующий об уводе в Биаину крупного и мелкого рогатого скота без более подробной характеристики похищенного. В перечне добычи упоминаются лошади, верблюды, крупный рогатый скот (*raḥīni*) и мелкий рогатый скот (*šūše*).

Такие детали не имеют существенного значения для этимологии данных слов, но все же они указывают на то, что постоянное использование идеограммы, сопровождаемой ее развернутым чтением, сводит ее на позиции нечитаемого детерминатива. С другой стороны, и детерминатив при собственных именах, в особенности при географических названиях, мог в отдельных случаях читаться в том же идеографическом значении, когда требовались соответствующие уточнения. Поэтому передача идеографического знака в этих двух его значениях становится при транскрибировании надписей до известной степени условною.

Идеограммы, ограниченные написанием одного идеографического знака, не являются носителями морфологически выраженных грамматических форм; поэтому идеограммы часто сопровождаются дополнениями в виде полностью написанного слова или лишь его конечных звуков. Это оказывается необходимым в особенности в тех случаях, когда нужно было передаваемое идеограммою слово поставить в соответствующей грамматической форме, что далеко не всегда устанавливалось одним только контекстом. Окончания лиц глагольного спряжения и падежные окончания в склонении имен, выраженных идеограммами, иногда ограничиваются помещением соответствующих словоизменительных морфем, иногда морфемами же, оформляющими последний слог слова, что и образует требуемую фонетическую приставку

к идеографическому знаку, ср.: MÂTU e-ba-ni-e 'страна', где слово дается полностью, вскрывая чтение самой идеограммы (Сар. лет. С, стк. 20); MÂTU-ni-e, где то же самое передается конечным слогом слова (eba)nie (там же А, стк. 2): Ê.GAL^{meš} ḥar-ḥar-šu-bi ÂLU^{meš} ŠARÂPU-bi MÂTU e-ba-ni a-tú-ú-bi 'цитадели я разрушил, города сжег, страну изничтожил' (Сард. лет. F, стк. 9); Ê.GAL^{meš} ḥar-ḥar-šu-bi ÂLU^{meš} ŠARÂPU-bi MÂTU-ni a-tú-ú-bi (там же, стк. 12). Личные окончания глагола обычно присоединяются к соответствующей идеограмме одними своими показателями, ср. уже встретившуюся в приведенных примерах идеограмму ŠARÂPU (GIBIL) 'сжигать': ŠARÂPU-bi 'я сжег', выступающее в других надписях в полном чтении: amaštu-bi (ama aštu-bi 'я огнем сделал'),¹ ср. также другие примеры: ÂLU^{meš} ŠARÂPU-bi MÂTU-ni a-tú-bi 'a-še^{meš} SAL-lu-tu^{meš} iš-ti-ni-ni ra-ru-bi 'города я сжег, страну изничтожил, мужчин [и] женщин оттуда увел' (Сард. лет. А, стк. 8—9); ÂLU^{meš} ŠARÂPU-bi MÂTU-ni AKÂLU-bi 'a-še SAL-lu-tu ra-ru-bi MÂTU Bi-a-i-na-di 'города я сжег, страну изничтожил, мужчин [и] женщин увел в страну Биайну' (там же С, стк. 33—34); ÂLU^{meš} ŠARÂPU-bi MÂTU-ni a-tú-bi 'города я сжег, страну изничтожил' (там же С, стк. 36). В этих примерах, кроме идеограммы вербального значения ŠARÂPU (GIBIL) 'сжигать', встречается также идеограмма AKÂLU (KU) 'есть, пожирать'. Обе идеограммы стоят в 1-ом лице аориста с его показателем -bi, ср.: AKÂLU-bi и его чтение atu-bi.

Идеограммы, дополняемые падежными окончаниями, наиболее ясно устанавливают свою грамматическую форму. Падежная парадигма нагляднее выступает в построениях идеограмм, чем в оформлении имен, в которых для определения падежного окончания необходимо выделение именной основы. Последняя, при идеографическом письме, уже содержится в самом идеографическом знаке, отделяя тем самым основу от словоизменительной суффиксации. Некоторым затруднением

¹ Объяснение фонетического чтения названной идеограммы дано выше, см. стр. 47—48.

могут служить приставки, заключающие в себе не только падежную морфему, но и последний слог самого склоняемого слова. В этом случае приходится устанавливать всю основу слова и показательная роль идеограммы тем самым снижается. Но нередко имеют место добавления лишь одних падежных окончаний, которые, при ясном выделении идеограммы, отчетливо противопоставляются ей в своем падежном значении.

Такое положение идеограмм в текстах биайнской клинописи значительно облегчает задачу выявления парадигмы склонения имен. Так, например, окончание эргативного падежа в обоих числах на *-še* засвидетельствовано сходною суффиксацией идеограмм, стоящих в единственном и множественном числе, ср.: ^dHal-di-še ^dADAD-še ^dŠAMAŠ-še ILÂNI^{meš}-še... ú-lu-li-e 'бог Халд, бог грозы, бог солнца, боги... пусть низвергнут' (Corpus, 38, стк. 7). Идеограмма ILÂNI, имея показатель множественного числа (^{meš}), стоит в том же падеже на *-še*, как и единичные имена богов Халда, Тейшеба, Шиуини. Окончание родительного падежа на *-i* более ясно выступает в написаниях идеограмм, чем оно же в написании собственного имени царя, ср.: te-ru-bi ti-ni ^mRu-sa-a-i ÂLU. TUR 'установил имя Русы город малый' (Маку, стк. 7); te-ru-bi ti-ni ^dADAD-i ÂLU 'установил имя Тейшебы город' (Кологран, стк. 18). Равным образом, окончание того же падежа во множественном числе *-(a)ue* засвидетельствовано оформлением идеограмм: ŠARRU MÂTU MÂTU^{meš} -a-u-e ŠARRU MÂTU Vi-a-i-na-u-e ŠARRU ŠARRU-ú-e 'царь стран, царь страны Биайн, царь царей' (Маку, стк. 14—15). Здесь идеограмма ŠARRU снабжается падежным суффиксом *-ue*, тогда как идеограмма MÂTU в качестве такого же суффикса имеет *-aue*. В том же падеже стоит название страны Биайны: Viainaue, основа которого оканчивается на *-a* (Viaina). Следовательно, и тут падежным окончанием остается одно *-ue*. Все же окончание падежа в начертанном слоговыми знаками названии Биайны менее показательно, чем оно же при идеограммах, так как в наименовании страны могло получиться слияние

двух гласных -а. Кроме того, это же имя нередко пишется с повтором огласовки слога -па: *Vi-a-i-na-a-ú-e* (Сард. лет. G, стк. 13), где гласный повтор может относиться как к слогу -па, так и к падежному окончанию -ае. Таким образом, начертанием этого собственного имени вопрос о грамматической форме падежа окончательного разрешения не получает. Между тем, падежная суффиксация при идеограммах дает более определенные разъяснения, сводящиеся к следующему: идеограмма царя (*ŠARRU*) имеет своим биайнским чтением слово *egela*, конечное гласное которого (-а) относится к основе, передаваемой самой идеограммой. Гласный -а здесь не повторяется в приставляемом к идеограмме падежном окончании (*ŠARRU-ú-e*), свидетельствуя тем самым о том, что слова, оканчивающиеся на -а, снабжаются падежным окончанием -е. Что же касается идеограммы *MĀTU (KUR)*, то она имеет своим фонетическим чтением слово *ebani*, при котором гласный -а, наличный в приставке -а-и-е, может входить в состав только падежного окончания. Тем самым, благодаря грамматическим формам, придаваемым идеограммам, устанавливаются основные разновидности родительного падежа множественного числа: -ае, е. Не менее наглядным выступают при идеограммах формы направительного падежа в его единственном числе -*dí* и во множественном числе -*ašte*, ср. *-hu-ti-a-dí* ^d*Hal-dí-e-dí* *BĒLU-dí* ^d*ADAD-dí* ^d*ŠAMAŠ-dí* *ILU^{meš} -aš-te* *MĀTU* *Vi-a-i-na-aš-te* 'я обратился к богу Халду, богу грозы [Тейшеба], богу солнца [Шиуини], к богам страны Биайны' (Сард. лет. E, стк. 4—5).¹

¹ Во множественном числе направительный падеж получает окончание -*ašte* в приведенной формуле обращения к богам. В других случаях обычно используется суффикс -*dí* как в единственном, так и во множественном числе этого падежа.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Выделение имен в языке биайнской клинописи, несмотря на наличие у них ряда грамматических форм, общих с глаголом, все же не встречает особых затруднений. Строго проводимое деление глаголов на переходные и непереходные с их специальными показателями противопоставляет вербальные формы именным с их особою парадигмою склонения. Имеется весьма ограниченный состав слов, отнесение которых к той или иной грамматической категории продолжает оставаться под сомнением.

Окончание основ имен существительных и падежное их оформление устанавливается с достаточною определенностью. Агглютинативная система языка обусловила единообразие как в словообразовательной, так и в словоизменительной морфологии, остающейся общею для имен существительных, прилагательных, местоимений и числительных. Это дает возможность установить по именам существительным основные нормы склонения имен.

Именные основы в подавляющем большинстве оканчиваются на гласный. Весьма широкое использование получил гласный *-i*. Оканчивающиеся на него имена существительные дают примеры наиболее выдержанной суффиксации по полной падежной парадигме; ср. падежи: эргативный — *Ḥaldi-še*, именительный — *Ḥaldi*, в усилительной форме *Ḥaldi-ni*, родительный — *Ḥaldi-ei*, дательный — *Ḥaldi-e*, направительный — *Ḥaldi-edi*, местный (транслатив) — *Ḥaldi-a*, инструментальный — *Ḥaldi-ni-ni*, где первый из двух суффиксов *-ni* выступает в значении притяжательного.

При близости биайнских звуков -i, -e на письме наблюдается их смешение и передача гласного -e слоговым знаком, огласовкою которого выступает гласный -i. Подобного рода смешение этих гласных имеет место при стечении гласного исхода основы слова на -i с падежным окончанием -e. Такие звуки могут дифтонгизироваться, что графически иногда передается одним гласным, обычно первым в составе дифтонга. Возможно также выпадение одного из гласных, ср.: uš-ta-a-di MĀTU E-ri-a-ḥi-ni-e-di; uš-ta-di MĀTU E-ri-a-ḥi-ni-di 'я выступил в страну Эрах' (Сард. лет. С, стк. 25; Е, стк. 20). Получившаяся дифтонгизация окончания направительного падежа -uedi, из (ḥin)i-edi, передана в одном случае полным падежным окончанием -edi, а в другом — его усеченным написанием -di.

Несмотря на близость гласных -e, -i все же некоторые имена существительные оттеняются в их огласовке на -e в конечном слоге помещением в именительном падеже гласного повтора (-e) при слоге, оканчивающемся на -i, тем самым указывая на соответствующее чтение огласовки слогового знака даже в тех случаях, когда такой гласный повтор опущен, например: šale 'год' (графически ša-li, ša-li-e); pile 'канал' (графически pi-li, pi-li-e): i-ku-ka-ni ša-a-li ši-iš-ti-i-ni; -e-ku-ka-ii ša-a-li-e ši-iš-ti-ni 'в том же году в третий раз' (Сард. лет. В, стк. 26—27; Е, стк. 19—20); i-e-še i-ni pi-li a-gu-bi (Corpus, 47, стк. 17—18); i-e-še i-ni pi-li-e a-gu-bi (Corpus, 34, стк. 10) 'я этот канал провел'.

В написании некоторых имен используются только слоговые знаки с гласным исходом -e. Таковы имена, оканчивающиеся на слог -še: kubuše 'шлем', uštaše 'мощь, могущество', 'aše 'мужчина', aše 'щит', bauše 'слово, веление' и др. От них образуются производные слова, а слог, на который они оканчиваются (-še), графически совпадает с окончанием эргативного падежа: ini kubuše ^mSarduriše ^mArgištiḥiniše uštuni 'этот шлем Сардур сын Аргиштия направил (подарил)' (Кар.-Бл. II, стр. 50). Такое совпадение окончания основы слова с падежным суффиксом объясняется не строем речи, а особенностями клинописной графики, использующей слоговые знаки

иногда в их неполном чтении. Поэтому писец прибегал к гласному повтору в тех случаях, когда оказывалось необходимым оттенить соответствующую огласовку. Эргативный падеж, передаваемый знаком *-še*, не сопровождается повторением гласного и читался одним согласным звуком *-š*, тогда как указанные выше имена с основой на *-še* получают такой повтор, ср.: *al-su-i-še-e* 'величие' (Corpus, 85, стк. 7); *i-ni-ku-bu-še-e* ^m*Ar-gi-iš-ti-še... uš-tu-ú-ni* 'этот шлем Аргишти... направил (подарил)' (Кар.-Бл. II, стр. 50). Реже имена существительные заканчиваются на гласный *-a*, ср.: *guniša* 'бой, сражение', в форме местного падежа: *gu-ni-ša-a*, *qiuṛa* 'земля, преисподня', в направительном падеже: *qi-ú-ra-i-dī* (Звартноц, стк. 46), собственные имена *Menua*, *Rusa* название страны *Mana* и др. Еще реже встречаются имена на *-u*: *SAL-lutu* 'женщина', географические названия *Babilu*, *Išqigulu* (Ник. V, стк. 5), имя царя *Lueḥu* в форме имени отчества ^m*Lu-e-ḥu-ú-ḥi-e* (Ван; Сурб-Погос, стк. 6). Окончаний имен существительных на согласный установить не удастся, возможно, благодаря особенностям силлабарной системы клинописи.

Парадигма склонения остается для всех имен существительных общей, но в зависимости от огласовки последнего слога основы и ее стыка с гласным падежного окончания имеют место переогласовки, выпадение гласного и усеченное написание получающейся дифтонгизации как в склонении имен, так и в образовании производных от них форм. Наиболее сложным оказывается восстановление основ слов в тех случаях, когда в текстах встречаются лишь производные формы, допускающие изменение огласовки основы. Так, например, от слова со значением 'бой, сражение' (*guniša*) образуется прибавлением суффикса принадлежности *-ini* другое имя существительное со значением субстантивированного прилагательного — *gunišini* 'причастный к бою, боец, воин'. Само основное слово встречается часто, но только в форме косвенного падежа: *gu-ni-ša-a*. Оно в именительном падеже может оканчиваться как на *-a*, так и на *-e* (*guniša*, *guniše*). Написание *gu-ni-se* восстанавливается в дефектных местах

биллингвы Топсау (стк. 26) и Хорхорской летописи (Sause, XLIII, стк. 16). В надписи Ник. XVI, равным образом сильно поврежденной, читается *gu-nu-ša*, но в контексте, где обычно стоит *gu-nu-ša-a* (стк. 5).

При анализе этого слова следует иметь в виду, что стечение гласных *-a-i* (*gunuša-ini*) могло образовать дифтонг, но последний в биайнской графике передается или полностью двумя гласными (*-ai*), или же усеченно, первым из них (*-a*), ср. название страны Биайны в направительном падеже: *B-i-a-i-na-i-di*, *Vi-a-i-na-di*, *Vi-a-na-i-di* (Сард. лет. В, стк. 19,35; Е, стк. 23). Формы *Vi-a-i-ni-di* мне не встречалось. При таких условиях в написании *gunušini* можно усмотреть результат дифтонгизации только в том случае, если основа слова оканчивалась на *-e* (*gunuše*), а не на *-a*. Такая возможность не устраняется, поскольку слово *gunuša* используется в контексте, говорящем о захвате вражеских мест с боя. Следовательно, здесь интересующее нас слово со значением 'бой, сражение' поставлено не в именительном падеже, и если сама основа слова оканчивалась на *-e*, то в результате склонения имени получилась переогласовка. Что же касается формы *gunušini*, то по отношению к ней нужно иметь в виду, что в словах на *-e*, при близости этого гласного к *-i*, стечение двух названных звуков могло передаваться одним из них. Затруднением в признании такого рода дифтонгизации (*gunuše-ini*, *gunušeuni*, *gunušini*) продолжает оставаться сама исходная форма *gu-nu-ša-a*, в которой придется признать переогласовку гласного основы при суффиксации окончания местного падежа *-a*. С другой стороны, следует иметь в виду, что биайнский язык избегает стечения гласных *-ea*, в связи с чем первый из них мог выпасть.

Данный пример не решает вопроса о влиянии падежных окончаний на основу слов, оканчивающихся на *-e*, *-a*, поскольку огласовка самой основы продолжает оставаться невыясненной; но то, что основа слова может изменяться под влиянием суффиксации, выступает в разобранным примере с полной очевидностью. Огласовка имени меняется в зависимости от

характера гласных и от их сочетаний. Наиболее изменчивыми оказываются основы слов на гласный -е. Имеется ряд слов, не возбуждающих сомнения в характере исходного гласного. К числу таких слов на -е относятся *baūše* 'слово, веление', *ušmaše* 'сила, мощь, могущество' (Кар.-Бл. II, стр. 52), *alsuiše* 'величие' (Corpus, 85, стк. 7). В производных от них падежных формах исходный гласный основы подвергается переогласовке.

Так, например, слово *alsuiše* 'величие' подтверждается в своем гласном исходе -е повторным написанием этого звука: *al-su-i-še-e* (Corpus, 85, стк. 7). В перечне же жертвоприношений богам, где имена последних стоят в дательном падеже (-е), приводится то же слово в форме *alsuiši-e*: ^d*Hal-di-ni al-su-i-ši-e*, ^d*Hal-di-ni al-su-ú-ši-e* (Мхер-Капуси, Corpus, 18, стк. 12, 52). В обоих случаях суффикс дательного падежа -е, прилегая к такому же гласному исходу основы слова (*alsuiše-e*), привел к переогласовке (*alsuiši-e*). С тою же переогласовкою остаются слова на -še и в других падежных формах, ср. в инструментальном падеже (аблатив) на -ni: *ušmaši-ni*, *baūši-ni*, *alsuišini*: ^d*Hal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni* ^m*Me-nu-a-še... i-ni Ê. GAL ši-di-iš-tu-ni* 'Халдовой мощью (силою бога Халда) Менуа... эту цитадель воздвиг' (Corpus, 60—61-в, стк. 1—3); ^d*Hal-di-ni-ni ba-ú-ši-ni* ^m*Ar-gi-iš-ti-še... a-li-e* 'по Халдову велению Аргишти... говорит' (Кар.-Бл. II, стр. 52); ^d*Hal-di-i-ni-ni al-su-ú-i-ši-ni* ^m*Sar-du-ri-še a-li-e* 'Халдовым величием Сардур говорит' (Сард. лет. В, стк. 36—38), ср. также: *mešini* 'данью, добычею', творительный падеж от слова *meše* 'дань, добыча': *ŠARRU-ni ÂLU Pu-i-ni-al-ḥi AMÊLU bu-ra(-) aš-tú-bi me-ši-ni ri-i 'a-al-du-bi me-e-še* ^m*Sar-du-ri-e a-ri-e-dé* 'царя города Пуиниалхи я подчинил, под добычу подвел, добычу Сардuru пусть дает' (Сард. лет. А, стк. 17—18).

Имена с гласным исходом -а оказываются при склонении более устойчивыми. Они не утрачивают своей огласовки даже при получающейся дифтонгизации. Парные гласные -а-і, образуя дифтонг -ау, передаются в письме или обоими гласными, или же одним первым из них, то есть тем же гласным -а,

которым заканчивается само имя, ср. уже приведенный пример с названием страны Биайны: *Vi-a-i-na-i-di* (*Biaunaudi*), передаваемый с усеченным написанием дифтонга: *Vi-a-i-na-di*, *Vi-a-na-i-di*. Везде, где имеется дифтонг (в середине слова и на границе с суффиксом), он передается указанными выше способами — написанием двух гласных или же одного только -а.

Благодаря получившейся устойчивости огласовки основ на -а, производные от них формы поддаются анализу легче, чем от основ с другим гласным исходом, ср. ^m*Me-nu-a-i-ni-e-i* SAL *si-la-a-i-e* SAL *Ta-ri-ri-a-i i-ni* GIŠ *ul-di* SAL *Ta-ri-ri-a-ḫi-ni-li ti-i-ni* 'Менуевой жены (дочери) Таририа этот виноградник, Таририевым назван он (имя его)' (*Corpus*, 57). Виноградник (*GIŠ uldi*) определяется как принадлежащий Таририи, жене или дочери царя Менуи. Имя последнего, оканчивающееся на -а (*Menua*), снабжено суффиксом принадлежности -*ini*, который выступает здесь в своей самостоятельной позиции суффикса значительно яснее, чем в ранее разобранный примере со словом *gunišini*, где выделение основы (*guniš-ini*, *guniši-ni*), наличие переогласовки или выпадение гласного остаются под вопросом, ср. обратное в *Menua-ini*. Эта притяжательная форма царского имени получила окончание родительного падежа -*ei* (*Menua-ini-ei*). Родительный падеж здесь образован уже от производной основы, оканчивающейся на -*i* (*Menuaini*), от основ же на -а тот же падеж усекается до одного гласного -*i* (*Menua-i*), ср.: ^d*Ḫal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni* ^m*Me-nu-a-še... i-ni pi-li ku-gu-ni* ^m*Me-nu-a-i pi-li ti-i-ni* 'мощью бога Халда (Халдовой мощью) Менуа... этот канал провел. Менуи канал [его] имя' (*Corpus*, 34 и I сл.). С тем же падежным окончанием стоит имя родственницы Менуи, Таририи, имя которой, равным образом, оканчивается на -а (*Tariria-i*). Третье слово, поставленное в том же падеже, SAL *silai*е как оканчивающееся на гласный -*i* (*silai*) должно было бы иметь падежное окончание такое же, как и *Menuaini-ei*. Возможно, что это окончание и выступает в дифтонгизированном виде -*eu*, передаваемом как двумя гласными

(-ei), так и одним первым из них (-e), ср. то же самое с дифтонгом -au, графически -ai, -a.

В дательном падеже слова на -a сохраняют основу имени при нулевом падежном показателе в отличие от имен на -i, получающих падежное окончание -e, ср. формы дательного падежа имен на -i: ^dHal-di-i-e e-ú-gi-i-e ^mMe-nu-a-še... i-ni ABNU ru-lu-si ku-gu-ú-ni 'богу Халду владыке Менуа... эту стелу начертал' (Corpus, 83, стк. 1—3); ^dŠi-i-ú-i-ni-e ^mMe-nu-a-še... i-ni ABNU ru-lu-si ku-gu-ú-ni 'богу Шиуини Менуа... ' (Corpus 85, стк. 1—3); форма дательного падежа имен на -a: ^aADAD-a ^mMe-nu-ú-a-še... i-ni ABNU ru-lu-ú-si ku-gu-ni 'богу грозы Менуа... эту стелу начертал' (Corpus, 91, стк. 1—3). Идеограмма ADAD-a содержит гласный исход имени соответствующего бога биайнского пантеона (Teišeba); следовательно, она читалась словом, оканчивающимся на -a; ср. также: a-gu-ni ^dHal-di-i-še ^mMe-nu-ú-a 'дал бог Халд Менуе' (Corpus, 21, стк. 11), где собственное имя Менуа стоит в форме именной основы.

Таким образом, имена существительные в биайнском языке оканчиваются на все имеющиеся в этом языке гласные: -i, -e, -a, -u. Наиболее распространенною огласовкою является первая из них. Гласный -e сближается с гласным -i. Прибавление падежного окончания, сочетаясь с гласным исходом слова, приводит в отдельных случаях к дифтонгизации звука, графически передаваемой то полным написанием парных гласных, то первым из них (-ai, -a; -ei, -e). Имеют место также перегласовка основы имени, выпадение гласного и нулевая падежная морфема. При всех указанных разновидностях падежной суффиксации все же парадигма склонения остается в биайнском языке общею для всех имен существительных.

Заслуживает внимания особое положение суффикса -e в определительных словосочетаниях, наиболее ясно выступающих в грамматическом оформлении слова ebaní 'страна'. Исходный гласный его основы (-i) подтверждается повторением этого гласного в формах именительного падежа (MĀTU) e-ha-ni-i aš-gu-bi 'страну я захватил' (Сард. лет. С, стк. 8).

Слово *ebani* выступает прямым дополнением, поэтому стоит в именительном (неоформленном) падеже, ср.: *uš-ta-di MĀTU Ma-na-i-di (MĀTU) e-ba-a-ni ḥa-ú-bi* 'выступил я в страну Мана, страну я взял' (там же В, стк. 14—15); *(MĀTU) e-ba-ni-i aš-gu-bi...* *(MĀTU) e-ba-a-ni a-tú-ú-bi* 'страну я захватил..., страну я изничтожил' (там же С, стк. 8—9). Во всех приведенных примерах слово *ebani* стоит в именительном падеже, совпадающем с основой, уточняемое гласными повторами: *ba-a, ni-i (ebani)*. Поэтому помещение дополнительного гласного *-e* в конце слова не может относиться к его основе и тем самым выражает иную грамматическую форму, проводимую в надписях (ср. летописи Сардура) весьма последовательно.

Формы на *-e (ebani-e)* в их различных грамматических значениях могут быть разделены на две группы: падежные и притяжательные. В одной из этих групп формант *-e* может быть отнесен к окончанию падежей, дательного и родительного. Имена на *-i* получают в дательном падеже окончание *-e*, примеры чему уже приводились (ср.: ^d*Ḥaldi-e euri-e* 'богу Халду владыке'). Такое же окончание *-e* могло явиться результатом написания дифтонга *-eu*, то есть передавать так же суффикс родительного падежа, ср. ^m*Kuštašpili ŠAR MĀTU Qumaḥalḥi-e* 'Кушташпили царь страны Кумух' (Сард. лет. Е, стк. 41), тоже в именах на *-a*, когда выступает полная падежная форма (*-eu, -e*): *ŠAR MĀTU Biaina-e* 'царь страны Биайны' (Corpus, 34, стк. 5). В этом же значении может быть понято окончание *-e* в слове *ebani-e*, ср.: *karuni ŠARRU* ^m*Eriaḥi (MĀTU) ebani-e* 'я покорил царя страны Эрах' (Сард. лет. С, стк. 20). Наличие гласного *-e (ebani-e)* ясно выделяется. Основа слова оканчивается на *-i*, что графически специально подчеркивается (*e-ba-ni-i*), так же как и повтором этого гласного при написании слога *-ni*, предшествующего гласному *-e*: *ka-ru-ni* ^m*Ra-šu-ú-ni ŠARRU (MĀTU) Ru-i-ši-a-ni-e-i (MĀTU) e-ba-ni-i-e* 'я покорил Рашуни царя страны Руишиани' (там же, стк. 50—51). Как слово 'страна', так и ее название, оба стоят в родительном падеже (*Ruišiani-ei, ebani-e*), если и в последнем *-e* усматривать падежное окончание; *ka-ru-ni*

^mQa-pu-ri-ni ŠARRU (MĀTU) I-ga-ni-i (MĀTU) e-ba-ni-e 'я покорил Капури(ни) царя страны Игания' (Сард. лет. F, стк. 7). Если в названии страны последнее -i является гласным повтором предыдущего слога -ni, то это название стоит в именительном падеже (Iganī). В слове же ebanī-e сохраняется суффикс -e, который в этом контексте может быть понят как окончание родительного падежа: 'царя страны Игания'.

Наряду с этими примерами, в которых -e (ebanī-e) может быть отнесено к падежному окончанию, имеются в тех же летописях другие, в которых ebanī-e выступает прямым дополнением, то есть в том же положении, как и приведенное выше ebanī, стоящее в именительном падеже: ḥa-ú-bi MĀTU Ba-bi-lu-ú (MĀTU) e-ba-a-ni 'я взял страну Бабилу' (Сард. лет. A, стк. 5), ср.: ka-gu-ni ^mA-bi-li-a-ni-ḥi (MĀTU) e-ba-ni-e 'покорил страну Абилианихи'; ḥa-ú-bi (MĀTU) E-ri-a-ḥi (MĀTU) e-ba-ni-e 'я взял страну Эрах' (Сард. лет. C, стк. 21, 26). В предыдущих примерах речь шла о царе страны, тогда как в только что приведенных говорится о самих странах: 'я покорил царя страны Эрах' (ŠARRU ^mE-ri-a-ḥi ebanīe) 'я взял страну Эрах' (MĀTU E-ri-a-ḥi ebanīe). Названия покоренных стран Abilianiḥi, Eriahi стоят в именительном падеже, тогда как сопровождающее их слово 'страна' снабжено суффиксом -e (ebanī-e). Видеть в этом -e окончание родительного падежа затруднительно.

Когда слово ebanī обособляется контекстом, оно, выступая прямым дополнением, ставится в именительном падеже: uš-ta-di MĀTU Ma-na-i-di (MĀTU) e-ba-a-ni ḥa-ú-bi 'я выступил в страну Мана, страну я взял' (Сард. лет. B, стк. 14—15). Когда же ebanī связано с самим собственным именем, то ebanī может получать также и суффикс -e: uš-ta-di MĀTU E-ri-a-ḥi-ni-di ḥa-ú-bi MĀTU E-ri-a-ḥi (MĀTU) e-ba-ni-e 'я выступил в страну Эрах, я взял страну Эрах' (там же C, стк. 25—26). Но ebanī в том же положении может выступать и без суффикса -e: ḥa-ú-ni MĀTU U-lu-a-ni-e-i MĀTU e-ba-ni ĀLU Da-a-ra-ni MĀTU-ni-e 'взял Улуани страну, город Дарани страну' (Ник. VI, стк. 6—7). В последнем примере об-

ращает на себя внимание то, что при *ebani* в именительном падеже само название страны стоит в родительном падеже (*Uluani-ei*), тогда как при наименовании города в именительном падеже (*Darani*) слово *ebani* снабжено суффиксом *-e*. Такое построение было бы объяснимым, если бы речь шла о городе Дарани страны Улуани, но в этом случае сама постановка в родительном падеже названия покоренной страны (*Uluani-ei*) остается непонятною, поскольку взятие страны Улуани фразеологически отделяется от завоевания города Дарани с его страной. Кроме того, в ряде других надписей та же грамматическая форма сохраняется и при перечне стран, относящихся к самим захватываемым городам. Не город определяется страной, как выходило бы при переводе: 'я взял страну Улуани, город Дарани [этой] страны', а сама страна определяется городом: *ḥa-ú-ni ÂLU Še-be-te-ri-a-ni (MÂTU) e-ba-ni-e ḥa-ú-ni ÂLU Ḥu-ra-a-na-ni (MÂTU) e-ba-ni-e ḥa-ú-ni MÂTU Su-ú-ra-a-ni* 'он взял город Шебетерия(ни) страну, взял город Хузана(ни) страну, взял страну Супа(ни)' (*Corpus*, 31, стк. 8—10). Название покоренной страны Супа(ни) не сопровождается идеограммой и стоит в именительном падеже. Равным образом и названия захваченных городов, сопровождаемые идеограммой страны, стоят в том же падеже, но чтение самой идеограммы дается с дополнительным суффиксом: *ebani-e*.

Приведенные примеры указывают на то, что сочетания собственного имени со словом *ebani* сопровождаются или постановкою первого из них в родительном падеже или же суффиксациею последнего гласным *-e*, ср.: *uš-ta-di^m Ar-gu-qi-ni-e MÂTU-ni-di ka-ru-bi^m Ar-gu-qi-i-ni MÂTU-ni-e^m A-da-ḥu-ni MÂTU-ni-e^m Lu-ip-ru-ni MÂTU-ni-e^m E-šū-mu-a-i MÂTU-ni^m Ka-am-ni-ú-i MÂTU e-ba-ni MÂTU Qu-'a-al-ba-ni MÂTU U-ḥu-ni-ni MÂTU-ni-e MÂTU Te-ri-a-ni MÂTU-ni-e* 'я выступил в страну Аргукини, я покорил страну Аргукини, страну Адаху(ни), страну Луипру(ни), страну Эшумуа, страну Камниу, страну Кухалба(ни), страну Ухуни, страну Териа(ни)' (*Сард. лет. F*, стк. 22—24). Там, где собственное имя с детерминативом лица или страны стоит в именительном падеже (*Arguqini*,

Adaḥuni, Luipruni, Qu'albani, Uḥunini, Teriani), везде сопровождающая их идеограмма MĀTU 'страна' дополняется знаками -ni-e, давая тем самым развернутое чтение (eba)-ni-e. Там же, где поставлено MĀTU-ni — (ebani), соответствующее ему название ставится в родительном падеже (Ešumua-i, Kampiu-i).

Разновидности приведенных словосочетаний указывают на различное положение суффикса -e, оформляющего слово ebani в его сочетаниях с собственными именами. Так, например, в тексте надписи Сурб-Погос (Ван): ka-ru-ni ^mTsi-na-li-bi-ni ^mLu-e-ḥu-ú-ḥi-e ŠARRU ÂLU Tu-li-ḥu-i MĀTU-ni-e 'я покорил Циналиби(ни) сына Луеху царя города Тулиху страны' (стк. 5—7), идеограмма MĀTU-nie (ebanie) связана с названием города Tuliḥui, резиденции местного царька, имя которого с упоминанием того же города встречается в Атамханской надписи (Ник. XVI), где название города поставлено в именительном падеже: ÂLU Tu-li-ḥu-ni (стк. 3). Основую имени здесь выступает Tuliḥu. Следовательно, в ÂLU Tu-li-ḥu-i исходный гласный -i не относится к основе, и выступает падежным окончанием (родительный падеж). Таким образом, во фразе: karuni... ŠARRU ÂLU Tuliḥu-i ebani-e выступают слово ebani, снабженное суффиксом -e, и собственное имя, стоящее в родительном падеже. Построение данного словосочетания становится понятным, когда оно рассматривается как развернутое определение к слову 'царь', занимающему место прямого дополнения и стоящему поэтому в именительном падеже: 'я покорил... царя страны города Тулиху'.

В тех случаях, когда название города само выступает прямым дополнением, те же самые грамматические формы становятся в своем назначении менее определенными. Наименование города, выступая прямым дополнением, ставится в именительном падеже, слово же ebani получает суффикс -e: ka-ru-ni ÂLU Ḥu-za-na-a-ni MĀTU-ni-e 'я покорил город Хузана(ни) страну' (Corpus, 31, стк. 3). Если же ebani не снабжается данным суффиксом, то само название страны ставится в ро-

дительном падеже и, следовательно, не занимает места прямого дополнения, в положении которого оказывается уже слово *ebani*: *ḥa-ú-bi ÂLU A-ḥu-ri-a-ni ÂLU Aš-tú-ḥi-ni-e-i MÂTU-ni* 'я взял город Ахуриани, города Аштухини страну' (Ник. XXI, стк. 1—2). В этом последнем примере постановка слова *ebani* (*MÂTU-ni*) в именительном падеже представляется вполне обоснованною (прямое дополнение), так же как и родительный падеж наименования города *Aštuḥini-ei* (определение к слову *ebani*). Но оформление *ebani* суффиксом *-e* при именительном падеже названия города в первом примере остается непонятным, ср.: *ÂLU Ḥuzana(ni) ebani-e* 'город Хузана страны'. Не указывается название той страны, которой принадлежит город. Страна, о которой идет речь, и есть страна данного города.

Еще более сложными оказываются контексты, в которых собственным именем выступает само название страны, то есть когда детерминативом и идеограммой служит одно и то же *MÂTU* (*ebani*). Грамматические формы в этом случае сохраняются те же, что и в предыдущем. Когда название страны стоит в родительном падеже, слово *ebani* не получает суффикса *-e*: *ka-gu-ni MÂTU Bar-šū-a-i (MÂTU) e-ba-a-ni-i* 'я покорил страну Баршуа' (Corpus, 15, стк. 6—7). В тех же случаях, когда *ebani* снабжается суффиксом *-e*, название страны сохраняет форму именительного падежа: *ḥa-ú-bi MÂTU E-ri-a-ḥi (MÂTU) e-ba-ni-e* 'я взял страну Эрах' (Сард. лет. С, стк. 26).

Приведенные примеры на *ebani-e* затрудняют грамматический разбор текста поисками в данной грамматической форме падежного окончания. Больше основания усматривать в этом построении изафетную конструкцию: 'покорил Абилианихи страну-его', 'взял Эрах страну-его', 'покорил город Хузана страну-его' и т. д., в русском переводе; 'покорил страну Абилианихи', 'взял страну Эрах', 'покорил страну города Хузана', 'покорил город Хузана [и] страну его'. Указанное грамматическое построение проводится в летописях, при очень незначительных отступлениях, все же весьма последовательно,

ср. в Хорхорской летописи, где форма *ebanie* подчеркнута выделяется гласными повторами: *ka-ru-ni MÂTU Ma-na-ni MÂTU e-ba-a-ni-i-e* 'я покорил страну Мана' (Sause, XL, стк. 16—17).

Значительное затруднение в установлении грамматической формы имен существительных вызывает слог *-ni*, выступающий в различных значениях как падежных форм (именительный падеж и аблатив), так и словообразовательный адъективной суффиксации. Кроме того, основы самих имен существительных могут оканчиваться на тот же слог, ср.: *ebani* 'страна', *ALPU raĥini* 'бык', *SAL uediani* 'женщина', *turini(ni)* 'виновное лицо, преступник', *AMĚLU taršuanĭ* 'люди' и др. Некоторые из них рассматриваются как вторичные формы, образованные с помощью указанной суффиксации, например, встречающееся в надписях слово *gupušini* объясняется как имя прилагательное, образованное от существительного, затем субстантивированное ср.: *gupuš^a/e* 'бой, сражение', *gupuš-ini*, *gupuši-ni* 'причастный к бою, боец, воин'. Все же большинство таких слов этимологии не поддается даже в тех случаях, когда прослеживается общность корня именных и вербальных слов, ср. основу глагола *tu-* 'разрушать', его пермансив *tu-lie* 'разрушит', повелительное наклонение *tu-ri* 'разрушь', имя существительное *turini-ni* 'разрушитель, преступник'.

Ряд таких слов, как *turini*, *kuruni* неоднократно встречающихся в славословии и заклинательных формулах, не поддается определению в своем значении (ср. *kuruni*), а некоторые из них даже в отнесении к той или иной части речи (ср. *turini*). Им приурочивается условный перевод по смыслу контекста, что приводит к различного рода толкованиям термина. Грамматический разбор его остается при этом лишенным полной доказательности. Так, например, слово *turini* возводится к корню *tu-* 'разрушать'. От этого корня одни исследователи производят имя существительное прибавлением двух словообразующих суффиксов: *tu-ri-ni* (Леманн-Гаупт, И. Фридрих, А. Гётце в более старых его работах).¹ Другие

¹ См.: Corpus, стр. 69; Einführung. . . , стр. 41, 44.

усматривают в том же слове форму повелительного наклонения в третьем лице, ср. в 2-м лице *tu-ri*, в 3-м лице *tu-ri-ni*. Прибавление еще одного суффикса *-ni* (*tu-ri-ni-ni*) может быть понято как дополнение глагольной формы объектным показателем 3-го же лица: 'пусть он (они) разрушат (изничтожат) — его', 'да разгневаются на него'.¹

Некоторым затруднением и в этом случае продолжает оставаться отмеченная выше особенность биайнской клинописной графики, построенной на заимствованной чужой системе письма в ее ассирийской (семитической) обработке. Невозможность точной передачи биайнской фонетики этой системой письма привела к условному использованию ряда знаков, что в итоге могло привести к совпадению различных форм не в их произношении, а в графике. Все же проведенный в предыдущей главе обзор приемов применения данной графической системы делает возможным устанавливать различие грамматических форм, выступающих даже в их одинаковом графическом изображении. Сказанное имеет отношение также и к выделению имен прилагательных.

¹ Н. Я. Марр. Надпись Русы II из Маку. Зап. Вост. отделения Русск. Археол. общ., т. XXV, 1921, стр. 16—17; A. Goetze. *Revue Hittite et Asiatique*, VI, fasc. 22—23, 1936, стр. 195—197 (IV, Imperatives); Г. В. Церетели. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939, стр. 44.

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Наиболее распространенным словообразовательным суффиксом прилагательных является *-ini*, который в письме иногда утрачивает свой начальный гласный, что в именах, оканчивающихся на *-i*, дает совпадение данного суффикса с падежным окончанием аблатива (*-ni*), ср.: ^d*Haldi-ni-ni ušmaši-ni* 'Халдовой мощью', где имя бога имеет два суффикса *-ni*, из которых первый означает принадлежность (*-ini*, в усеченном написании *-ni*), а второй выступает падежным окончанием.

Выражая принадлежность, конструкция с этим суффиксом функционально сближается с родительным падежом, резко от него отличаясь грамматической формой, ср.: ^m*Menua-i pile* 'Менуи канал', где собственное имя стоит в родительном падеже, ^m*Menua-ini-ei SAL silai-e... ini GIŠ uldi* 'Менуевой жены (дочери)... этот виноградник' (*Corpus*, 57). Собственное имя поставлено с притяжательным суффиксом *-ini*. От этой производной основы образован родительный падеж: *Menua-ini-ei*, ср. имена с тем же суффиксом, но без падежного окончания: *ÂLU Teišeba-ini ÂLU* 'Тейшебов город' (*Кар.-Бл. II*, стр. 63). В именах с гласным исходом *-a* данный суффикс выступает в более полном виде (*Menua-ini*, *Teišeba-ini*), но в именах на *-i* стечение одинаковых гласных приводит иногда к их сокращенному написанию, ср.: ^d*Hal-di-i-ni-li BÂBU-li* 'Халдовы ворота' (*Corpus*, 66, стк. 4); ^d*Hal-di-ni-li BÂBU-li* (*Corpus*, 67, стк. 3).

Суффикс *-ini* в том же значении выступает иногда в еще более полном написании *-hini*, ср.: *Ê. GAL šidištuni badusie teruni Menua-hini-li tini* 'цитадель воздвиг badusie, установил

[ей] Menuaḥinili имя' (Corpus, 62, стк. 4—7). Сопоставление таких различных начертаний одного и того же суффикса приводит к заключению, что и в -ini выступает графически невыраженный спирант в начале, на что и указывает наличие его в последнем из приводимых примеров, ср.: Menua-ini-(ei), Menua-ḥini(-li), оба с одним и тем же значением принадлежности: SAL Tariria-i ini GIŠ uldi SAL Tariria-ḥini-li tini 'Таририи этот виноградник, Таририев имя [его]' (Corpus, 57). Одно и то же имя Таририя стоит в начале в родительном падеже (Tariria-i), а в конце с суффиксом принадлежности, представленном в его спирантизованном виде (Tariria-ḥini). На возможность сближения суффиксов -ini, -ḥini наличием у обоих начального спиранта, в первом написании не получившем в письме своего отражения, указывает подобная же передача клинописными знаками окончания направительного падежа -idi, -edi, -di, а иногда и с начальным спирантом -gidi, переданном звуком -g ввиду отсутствия соответствующего для него знака: Biaina-idi, Biaina-di, ebani-edi, ebani-gidi.¹

В подтверждение использования в одинаковом значении как родительного падежа имени существительного, так и указанных притяжательных форм на -ini, -ḥini можно привести ряд примеров: ^mMenua-i pile tini 'Менуи канал имя (название) [его]'; Здесь собственное имя Menua-i поставлено в родительном падеже, слово pile 'канал' — в именительном; другой пример: teruni... ^mMeinua-i GIŠ uldi-e tini 'установил... Менуи виноградника имя' (Corpus, 56, стк. 13—15); слова Meinua-i и GIŠ uldi-e 'виноградник' стоят оба в родительном падеже; teruni ^mMenua-ḥini-li tini 'установил Менуевы (принадлежащие Менуе) имя' (Corpus, 62, стк. 6—7); ^mMenua-ini-ei SAL silai-e SAL Tariria-i ini GIŠ uldi SAL Tariria-ḥini-li tini 'Менуевой жены (дочери) Таририи этот виноградник, Таририев [его] имя' (Corpus, 57); terubi tini ^mRusa-i ÂLU TUR 'я установил имя Русы городок' (Маку, стк. 6); ^dHald(i)-ini-li BÂBU 'Халдовы

¹ Объединение суффиксов -ḥini, -ini, -ni допускается также И. Фридрихом, см.: *Caucasica*, VIII, стр. 126—131.

вороты'. Во всех приведенных примерах окончание родительного падежа и суффиксы принадлежности *-ini*, *-ḫini* используются для выражения притяжательного оборота, ср.: *Menua-i*, *Tariria-i*, *Menua-ini*, *Ḥaldi-ini*, *Menua-ḫini*, *Tariria-ḫini* и т. д.

Суффикс *-ḫini* в таких притяжательно оформленных именах легко сопоставляется с получившим широкое распространение суффиксом *-ḫini*, *-ḫine*, выступающим в именах отчества и топонимических названиях. В именах отчества данный суффикс условно переводится словом 'сын', ср.: ^m*Sarduri-še* ^m*Argište-ḫini-še* 'Сардур Аргиштия-сын'. Такой перевод этого суффикса передает лишь содержание данной грамматической формы и не соответствует ее грамматическому значению, так как тот же суффикс *-ḫini* в том же царском имени Аргиштия может приобретать значение не отчества, а принадлежности, ср.: *terubi* ^m*Argišti-ḫini-li* *tini* 'я установил [вновь восстановленной цитадели] Аргиштиево имя' (Ник. IX, стк. 4—5). В последнем примере суффикс *-ḫini* явно лишается содержания 'сын'. Очевидно, данный суффикс и в именах отчества выступает в том же значении принадлежности, передавая в этом случае принадлежность по происхождению: ^m*Argišti-ḫini* 'принадлежащий Аргиштию, Аргиштиеv'; отсюда и ассирийский перевод его: *aril* ^m*Argišti* 'сын Аргиштия'; ^m*Išruini(ni)* ^m*Sardure-ḫe*, по-ассирийски: ^m*Išruini aril* ^m*Sardur* 'Ишпуин сын Сардура' (Келишин, стк. 2).

В именах отчества *-ḫini* выступает не знаменательным словом, а тем же самым суффиксом принадлежности, имеющим место не в одних только отчествах собственных имен (*Argišti-ḫini*) и даже не только в топонимических названиях (*Eria-ḫini*), в которых он входит в самое основу: *uštadi MĀTU Eria-ḫini-di ḫaubi MĀTU Eria-ḫi (MĀTU) ebanie* 'я выступил в страну Эрах, я захватил страну Эрах' (Сард. лет. С, стк. 25—26). Суффикс *-ḫini* получает также усеченное написание *-ḫi*, *-ḫe*, которое, равным образом, выступает как в именах отчества, так и в географических названиях и даже в оформлении отдельных слов, ср. в собственных именах: *Argištiḫini*, *Argištiḫi* в географических названиях: *Eriaḫini*, *Eriaḫi* (Сард. лет. С, стк.

24, 25, 26, 40); Erikuahi (Corpus, 21, стк. 2), Uiteruhi (Corpus, 14, стк. 5). Полное и усеченное написание одного и того же суффикса -hini, -hi ясно выступает в производных формах, где падежные окончания прибавляются к полной, а не к усеченной форме, ср.: uštabi... ^mUteruhini-edi... suidutu ^mUteruhi 'они выступили... в Утерухи(ни)... победили Утерухи' (Corpus, 13 об., стк. 4—5, 10).

В приведенных названиях стран суффикс -hini, -hi уже включается в основу имени с его топонимическим и этническим содержанием. Тем самым оправдывается помещение при географических названиях не только детерминатива страны, но и детерминатива лица (народа): uštabi... ^mDiauehini-edi MĀTU taraiu-edi... haubi ^mDiauehi MĀTU-nie 'выступило [воинство]... в Диаухини страну могущественную... я взял Диауехи страну' (Corpus, 27, стк. 1—2, 7). Даже включаясь в основу собственного имени, суффикс -hini сохраняет за собою как свою усеченную форму (Diaue-hi ebanie), так и полную, ср. в направительном падеже: Diaue-hini-edi. Значение притяжательного показателя закрепляется за -hini рядом вполне доказательных примеров, в особенности таких, где этот суффикс присоединяется к основе собственного имени со специальным назначением выражения принадлежности. В число таких примеров включаются уже приведенные выше: Tariria-hini-li 'принадлежащие Таририи', Menua-hini-li 'принадлежащие Менуе, Менуевы'.

В параллель к формам собственных имен в их сочетаниях с суффиксом -hini и его усеченною разновидностью -hi можно привести также и ряд слов, оканчивающихся на тот же слог -hi, что дает некоторое основание считать их за субстантивированные прилагательные или же за слова с окаменевшим притяжательным суффиксом, например: arhi uruliani (в формуле проклятия), tuhi, предваряемое идеограммой ŠARRU или AMĒLU: AMĒLU tautuhi, AMĒLU tuhi, ŠARRU-tuhi, ŠARRU-tuhini (Сард. лет. А, стк. 25; В, стк. 39; G, стк. 2). Приведенные данные указывают на крайнюю близость суффиксов принадлежности -hini -ini не только по их функции, но и по грамматической форме. Притяжательные суффиксы придают ими

оформляемым словам адъективное значение. Последние, в свою очередь, могут субстантивироваться, образуя производные имена существительные, ср. *tuḫi* с различными вариантами его чтения и перевода: *AMĒLU tuḫi* 'относящееся к народу, народонаселение' или 'народ плененный, пленники'; *ŠARRU tuḫi* 'принадлежащее царю, царская власть' или 'царь плененный' (*Caucasica*, VIII, стр. 126—131). Этимология таких слов продолжает оставаться невыясненной, так же как и их содержание. Первое из придаваемых *tuḫi* значений более оправдывается соответствующими контекстами: *iu ḫaldiš-me ŠARRU tuḫi aruni* 'когда бог Халд мне царскую власть даровал' (*Сард. лет. G*, стк. 2).

Близкая связь всех отмеченных разновидностей притяжательной суффиксации (*-ḫini*, *-ḫi*, *-ini*, *-ni*) подтверждается также их одинаковым использованием в грамматическом оформлении слов. Полная форма *-ḫini* в именах, не получивших падежных окончаний, обычно сокращается до однослогового *-ḫi*. Усечение *-ḫini* отпадением его последнего слога отмечается в ряде приведенных примеров полного и сокращенного написания имен отчеств и топонимических названий: *Argišti-ḫini-e*, *Argišti-ḫi*, *Eria-ḫini-di*, *Eria-ḫi*. Кроме того, есть основание полагать, что *-ḫini* может сокращаться не только в своем последнем слоге и что отпадение начального спиранта образует его же разновидности *-ini* и усеченную форму последнего *-ni*. Таким образом, притяжательная суффиксация от указанной основы выступает в спирантизованном и неспирантизованном виде, в их полных и усеченных формах.

В этом направлении суффиксальных изменений обращают на себя внимание такие формы слов, как наименования местностей, оканчивающиеся не на *-ḫi* (*Eriaḫi* и др.), а на *-ni*. В числе последних имеется *Etiuni*, образующее законченную основу, изменяемую по падежам, ср. в направительном падеже: (*Etiuni-edi*): *uš-ta-di MĀTU E-ti-ú-ni-e-di* 'я выступил в страну Этиуни' (*Сард. лет. A*, стк. 13). Хотя слог *-ni*, как видно из приведенного примера, включается в самое основу имени, все же, когда это же наименование страны адъективируется, то надлежащая суффиксация добавляется не к основе имени, а

взамен его исходного слога -ni, ср. именительный падеж Eti-uni и оно же с притяжательным оформлением Etiu-ḥini: ŠARRU^{meš} MĀTU E-ti-ú-ḥi-ni-li 'цари стран Этиуни, этиунские цари', ср.: ḥa-ú-bi^m E-ti-ú-ni MĀTU 'я взял (захватил) страну Этиуни' (Corpus, 13, стк. 14—15, 31—32; Ник. XXI, стк. 4—5).

Такая замена слога -ni полным начертанием суффикса -ḥini приводит к выводу о том, что само -ni в своем происхождении восходит к той же полной форме -ḥini. Некоторым подтверждением этому служит хотя и редко употребляемое, но все же встречающееся написание того же суффикса -ḥini в его усечении не только в форме -ḥi, -ḥe, но и в форме -ini, -ni. В именах отчества имеет место и такая усеченная суффиксация, ср.: ^mMenua(ni) ^mIšruinie 'Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 47, стк. 4—5), вместо обычного: ^mMenua(ni) ^mIšruinie-ḥi. Притяжательный суффикс в этом примере заменен постановкою имени отчества в родительном падеже: Išruini-e(i) 'Менуа Ишпуина [сын], Менуа Ишпуинов', что сближает суффикс -ḥi (-ḥini) с окончанием родительного падежа по их общей функции выражения принадлежности. Более показательным оказывается другой пример, в котором ясно выступает сокращенная передача суффикса -ḥini одним его исходным слогом -ni в тех же именах отчества, ср. в эргативном падеже Menua-ni-še вместо Menua-ḥini-še: ini aše ^mArgišti-še ^mMenua-ḥini-še uštuni; ini aše ^mArgišti-še ^mMenua-ni-še uštuni 'этот щит Аргишти сын Менуи [в дар] направил' (Кар.-Бл. II, стр. 51); ^dHaldi-e euri-e ini kubuše ^mArgišti-še ^mMenua-ni-še uštuni 'богу Халду владыке этот шлем Аргишти Менуев [в дар] направил' (там же, стр. 50).

Когда имена, снабженные суффиксом -ḥini, не получают падежного окончания, этот суффикс обычно выступает в сокращенном написании -ḥi не только в именах отчества, но и в топонимических названиях: Eriaḥi 'Эрах', в направительном падеже Eria-ḥini-edi. Падежное окончание прибавляется к последнему слогу -ḥi-ni. Поэтому, при его написании лишь одним первым слогом, падежное окончание отпадает. Поэтому же оно сохраняется при передаче того же суффикса последним слогом, ср. в неоформленном падеже имен отчества: Ме-

mu-a-ḥi (Ник. IX, стк. 11), в эргативном падеже Menua-ḥini-še, Menua-ni-še (Кар.-Бл. II, стр. 50—51). То же самое отмечается и в топонимических названиях: Etiuni, в направительном падеже Etiuni-edī, с притяжательным оформлением Etiu-ḥini-li. Слог -ni в названии страны Этиуни включается в его основу, так же как и слог -ḥi в Eriaḥi; тем не менее и тут прослеживается аналогичное положение восходящих к ḥini слогов -ḥi и -ni.

Выражая принадлежность, суффикс -ḥini функционально сближается с показателем родительного падежа и заменяется им в приведенном выше примере с Iṣruini-e, стоящим вместо Iṣruini-ḥi. Указанные грамматические формы по передаваемому ими содержанию равнозначны. Все слова, сочетаемые с разновидностями суффикса -ḥini, не утратившего своего основного назначения выражать принадлежность, являются, скорее всего, именами существительными в их притяжательном оформлении. Все же они по тому дополнительному значению, которое им придается названным суффиксом, сближаются с прилагательными.

Выражение принадлежности в собственных именах выделяет последние, образуя производную основу, которая в свою очередь склоняется (ср. Menua-ini-ei в родительном падеже). То же самое наблюдается и в более широком кругу вообще имен существительных, которые с прибавлением того же суффикса, равным образом, выделяются своей осложненной основой. Использование суффикса -ini в производных формах имен существительных сближает эти формы с именами прилагательными в большей степени, чем притяжательно оформленные собственные имена. Так, например, от слова alusi 'властитель, владыка, господин' образуется притяжательная форма alusini (alusini) со значением 'принадлежащий владыке, господский', ср.: alusi ÂLU Tuṣrae-patarī 'властитель города Тушпы', alusini alsuiṣini 'принадлежащим властителю величию, властительским величию'. Оба слова стоят в аблативе (инструментальном падеже) на ni: alusini-ni alsuiṣi-ni, но первое из них, в свою очередь, выделяет основу alusi 'властитель' с ее при-

тяжательным суффиксом *alusi-ni* (*alusi-ini*), ср. также: ^dHal-di-ni-ni ba-ú-ši-ni BĚLU-si-ni-ni 'по велению Халда владыки' (Сард. лет. С, стк. 30).

В приведенном примере окончание аблатива (-ni) объединяет все три слова: *Haldini-ni*, *baušini*, *BĚLU-sini-ni*. Идеограмма 'господина, владыки' BĚLU(EN) содержит перед падежным окончанием притяжательный суффикс -ini, поставленный после исходного слога скрытого идеограммой биайнского слова (*alu*)*sini-ni* (*alusi-ini-ni*). Каждое из трех выступающих здесь слов выделяет различные основы. Слово *baušini* получило падежное окончание, прибавленное к самой основе *baušē* 'слово, веление', тогда как *Haldini-ni* и *alusi-ni-ni* имеют перед окончанием падежа притяжательный суффикс: *Haldi-ini*, *alusi-ini*. Одинаковое оформление обоих слов послужило поводом к их переводу именами существительными: ^dHaldinini *baušini* *alusi-ni-ni* 'велением Халда владыки'. Такое толкование слова *alusi-ni-ni* может встретить возражения.

Положение последнего слова поддается различному объяснению в связи с его идеографическим изображением. Идеограмма BĚLU (EN) 'владыка' выступает в надписях взамен часто помещаемого слова *euri*, ср.: ^dHal-di-i-e e-ú-ri-i-e i-ni ABNU ru-lu-si-e ^mMe-i-nu-ú-a-še ^mIš-ru-u-i-ni-ḥi-ni-še ku-ú-i-gu-ú-ni 'Халду владыке эту стелу-надпись Менуа сын Ишпуина начертал' (Corpus, 95, стк. 1—6, 15—21); ^dHal-di-e BĚLU ŠŪ i-ni ABNU ru-lu-si ^mRu-sa-a-še ^mAr-giš-te-ḥi-ni-še ku-gu-ni 'Халду владыке вселенной эту стелу-надпись Руса сын Аргиштия начертал' (Звартноц, стк. 1—3); ^dHal-di-e BĚLU ŠŪ ^mAr-gi-iš-ti-še uš-tu-ni 'Халду владыке вселенной Аргишти направил' (Кар.-Бл. II, стр. 50). Та же самая идеограмма BĚLU в других контекстах сопровождается знаками -si-ni-ni, что дает иное ее чтение (*alusinini*). Слова *euri* и *alusi* оказываются синонимами, но лишь последнее из них получает притяжательную суффиксацию и ставится не после имени Халда, а вслед за *baušini* *ušmašini*. Отсюда можно прийти к выводу, что *alusinini* грамматически связывается не с именем бога, а с предыдущим словом, определением которого оно и выступает,

ср.: ^dHal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni BĒLU -si-ni-ni ^mRu-sa-a-še ^mSar-du-ri-ḫi-ni-še a-li-e 'Халдовым могуществом властным Руса сын Сардура говорит' (Кологран, стк. 1—2); ^dHal-di-ni-ni ba-ú-ši-ni BĒLU-si-ni-ni 'Халдовым словом властным' (Сард. лет. С, стк. 30). В этих контекстах alusini, так же как и Ḫaldini, выступают притяжательно оформленными именами от основ Ḫaldi и alusi. Все же alusini в его значении 'властный, господский' ближе стоит к тем прилагательным, атрибутивная основа которых специально выделяется.

Путем присоединения того же суффикса -ini могут от общих с существительными основ образовываться прилагательные, получающие отличающуюся от имен существительных грамматическую форму. Так, например, от основы alsui имеют в биайнском языке как имя существительное, так и имя прилагательное, ср. alsuiše 'величие', alsuini 'великий': ul-gu-ú-še ri-su-ú-še al-su-i-še-e 'жизнь, радость, величие' (Corpus, 83—84, стк. 7); ŠARRU DAN.NU ŠARRU RABŪ-ni 'царь могучий, царь великий' (Ник. XII, стк. 9—10; XV, стк. 8), в фонетической передаче тех же идеограмм: ŠARRU tar-a-i-e ŠARRU al-su-ú-i-ni (Corpus, 33, стк. 6—7). Последнее слово (alsuini 'великий') образовано от той же основы, как и alsuiše 'величие', различаясь словообразовательными суффиксами в имени существительном -še (alsui-še) и в имени прилагательном -ini (alsui-ini). Оба эти суффикса выступают в оформлении целого ряда слов. Так, с суффиксом -še образуются такие имена существительные, как aše 'щит', kubuše 'шлем', meše 'дань, подать', šuše 'овца', ulgiše 'жизнь', alsuiše 'величие' и др. Со словообразовательным суффиксом -ini, он же суффикс принадлежности, образуются прилагательные, в том числе alsuini 'великий', сюда же, возможно, относится также alusini 'властный'. Тот же суффикс имеют рядковые числительные.

Когда имя существительное и имя прилагательное получают различные словообразовательные суффиксы, то выделение прилагательных в биайнском языке становится ясным (ср.: alsuiše, alsuini); когда же притяжательная суффиксация заканчивает имя существительное, и тем более собственные имена, причисление

последних к прилагательным вызывает сомнения (ср.: *Ḫaldinili VÂBU-li* 'Халдовы ворота'). Такие имена, в связи с их притяжательной суффиксацией, выступают в предложении определениями, но в позиции определения могут оказаться также и имена существительные, даже без притяжательного суффикса, ср: *qî-ú-ra-a-še ILU^{meš}-še* 'хтонические божества' (*Corpus*, 29, стк. 9). Оба слова поставлены в эргативном падеже (-še), первое из них *qîra* 'земля, преисподняя', с этою его основой имени существительного выступает в данном словосочетании, не получая грамматической формы прилагательного.

Некоторые прилагательные в биайнском языке, относимые к этой части речи, не поддаются объяснению в их грамматическом построении. Сюда относится упомянутое выше *taraie* 'могучий, могущественный'. Судя по синтаксической позиции, сюда же относится часто встречающееся в титулатуре богов и царских имен слово *kuruni*: ^d*Ḫal-di-ni ku-ru-ni*, ^d*Ḫal-di-ni giš-šu-ri-i ku-ru-ni*; ср. также: ^m*Iš-pu-ú-i-ni ku-ru-ni* ^m*Me-nu-ú-a ku-ru-ni* (*Corpus*, 14, стк. 7, 12—13).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Для числовых обозначений биайнская письменность использует ассирийские знаки чисел. Их чтение выступает в единичных случаях. Угон в Биайну богатой добычи рабами и скотом исчисляется иногда в тысячных цифрах. Здесь 'десять тысяч' местами получает фонетическое чтение atibi: 19 255 TUR-še 10 140 AMÊLU SAB^{meš} šehierie 23 280 SAL uediani NAPĤARU 5 atibi 2675 AMÊLU taršuanî aliki zaašgubi aliki šehieri agubi '19 255 молодых людей (юношей, детей), 10 140 мужчин (воинов) живых, 23 280 женщин, всего 52 675 людей, одних я умертвил, других живыми я увел' (Хорхор; Saucе, XXXVII, стк. 13—14).

Чтение других чисел (порядковых числительных) устанавливается по контекстам только в трех случаях: šusini 'один, первый', tarani 'второй', šišṭini 'третий':¹ в цифровых (идеографических) обозначениях: XXIII ÂLU^{meš} I Ū.ME ašgubi '23 города в один день я захватил'; I Ū.ME MÂTU ebanî ašgubi 'в один день страну я захватил' (Сард. лет. А, стк. 8; С, стк. 8). Примеры с фонетическою передачею числительного 'один': šusini Ū.ME ašgubi 'в один день я захватил' (там же, С, стк. 26—27), ср. также: inanili arniušinili I šali... zaduni; inanieli arniu-

¹ Числительные tarani и šišṭini установлены в этом их значении Д. Мюллером. Его чтение принято большинством исследователей, см.: 'D. H. Müller. Die Keilinschrift von Aschrut-Darga. Wien, 1886, стр. 21, I. Friedrich. Einführung... стр. 18, 61—62. Н. Я. Марр усматривает в этих же словах обозначения времен года; см. его „Заметки по яфетическим клинописям“ (Пгр., 1924, стр. 300—304).

šinili šusini šali zadubi 'те деяния в один год я завершил (там же, А, стк. 29; В, стк. 53—55).

Числительные 'второй' и 'третий' (tarani, šišťini) встречаются в тех же летописях, в подробном перечне походов и завоеваний: ikukani šali AMĚLU-asi^{meš} uštali MĀTU Abilianihinedi 'в тот самый год войска выступили в страну Абилианихи'; ikukani šali tarani uštadi MĀTU Etiuniedi 'в тот самый год во второй раз я выступил в страну Этиуни'; ikukani šali šišťini uštadi MĀTU Uihiruħiedi 'в тот самый год в третий раз я выступил в страну Уихирухи' (Сард. лет. А, стк. 13; С, стк. 6—7; D, стк. 17—18).

Упомянутые порядковые числительные tarani 'второй', šišťini 'третий' следуют за ими определяемыми словами, или занимают в предложении самостоятельную позицию, в связи с чем поддаются двойному переводу: ikukani šali tarani 'в тот самый год второй' (при описании походов по годам), или 'в тот самый год вторично' (при описании походов одного года). Здесь числительные стоят на том же месте, как и имена прилагательные, ср.: ŠARRU taraie ŠARRU alsuini 'царь могучий, царь великий', или 'царь могуч, царь велик'. Числительное же 'один' šusini, наоборот, предшествует связанному с ним слову, так же как и цифровые обозначения предметов добычи: šusini šali 'один год', ср.: 23 ĀLU^{meš} '23 города', 23 280 SAL uediani '23 280 женщин' и т. д. Отсюда можно прийти к выводу, что šusini относится к количественным числительным. Все же и оно используется в переносном значении, ср.: uštadi AMĚLU-ueli šusinie MĀTU Uelikunigidi ħaubi MĀTU Uelikunini MĀTU-nie 'я выступил с войском один раз (в первый раз) в страну Уеликуни, я захватил страну Уеликуни' (Сард. лет. F, стк. 16—17).

Порядковые числительные, сближаясь с именами прилагательными, получают тот же словообразовательный суффикс, как и последние.

МЕСТОИМЕНΙΑ

Ряд местоимений ясно выделяется двуязычной надписью Келишина (Corpus, 12), в которой дается перевод на ассирийский язык заключительных строк, посвященных формуле проклятия. Заклинательный текст предусматривает возможность злостного использования надписи в своих целях другими лицами, что по самому содержанию текста сосредоточивает в нем наличие различных местоимений, встречающихся и в иных надписях как в такой же формуле проклятия, так и вне ее.

К числу ясно выделяемых в биайнском языке местоимений, по данным заклинательного текста, относятся: *ieše* 'я', *alu* 'кто', *ini* 'этот', *aini* 'иной', *ule* 'другой'. Большая часть перечисленных местоимений встречается в различных падежных формах, получая общие с именами существительными окончания падежей, ср. примеры, взятые из формулы проклятия: *aluše uliše tiulie ieše ini pili agubi* 'кто другой скажет: я этот канал провел' (Corpus, 35, стк. 9—11), все три местоимения выступают подлежащими при переходном глаголе; *aluše ainiei inili dylie* 'кто для другого это сделает' (Corpus, 35, стк. 8—9); *aluše ulie inili dili* в том же значении (Corpus, 31, стк. 24), из трех местоимений здесь только первое стоит в эргативном падеже (-še), другие два поставлены одно в родительном падеже (*aini-ei*), другое с показателем множественного числа (*ini-li*).

Местоимение *ainiei* в приведенном примере представлено в более полной падежной форме *aini-ei*, графически *a-i-ni-e-i*, получающей в таких же текстах других надписей также и сокращенное написание *a-i-ni-i* (Corpus, 38, стк. 5) и даже *a-i-ni*

(Corpus, 21, стк. 17; 27, стк. 31). Различное начертание одного и того же местоимения в одной и той же фразе, несомненно, передает его в одинаковом значении и должно быть отнесено к чисто графическим особенностям клинообразного письма. Такое сокращение грамматической формы вполне оправдывается содержанием контекста, при котором положение местоимения остается ясным и без уточнения его грамматического построения, к тому же в неоднократно повторяемых фразах, обратившихся уже в стереотипные. То же самое приходится иметь в виду и при анализе синонимичного местоимения *ulie* 'иной, другой', которое могло бы быть понято, как стоящее в дательном падеже (*uli-e*), но сама основа данного местоимения оканчивается на *-e*, что подтверждается постановкою его в различных написаниях в эргативном падеже: *ú-li-še* (Corpus, 35, стк. 10), *ú-li-e-še* (Corpus, 36, стк. 10): *a-lu-še u-li-e-še ti-ú-li(-i)-e* 'кто другой скажет' (Corpus, 36, стк. 9—10; 38, стк. 6). Падежное окончание *-še* прибавляется к самой основе, следовательно, предшествующее ему *-e* является огласовкою исходного слога *-li*. Поэтому в форме *ú-li-e* последний гласный, равным образом, может относиться к основе самого местоимения, что подтверждается также написанием того же местоимения без исходного гласного *-e*: *a-lu-še ú-li i-ni-li du-li-i-e* (ИАК, стк. 22—23).

Окончание эргативного падежа *-še* выделяет в местоимениях третьего лица основу: *alu-še, ule-še (uli-še)*. Последнее из них, когда оно выступает косвенным дополнением, стоит в том же тексте без данного падежного окончания: *ú-li-e, ú-li*, ср. в эргативном падеже: *ú-li-e-še, ú-li-še*. Тем самым выясняются как основы местоимений (*alu, ule*), так и их падежное окончание (*-še*). Постановка этих местоимений в эргативном падеже на *-še* соответствует строго соблюдаемым правилам оформления подлежащего при переходных глаголах, когда подлежащим выступают имена существительные и местоимения третьего лица. В первом лице при тех же глаголах подлежащее ставится только в тех случаях, когда на него падает логическое ударение. Тогда глаголу, стоящему в первом лице,

предшествует личное местоимение *ieše* 'я', ср.: ^dḤaldinini ušmašini ^mMenuaše ^mIšpuiniḥiniše ini pile aguni ^mMenuai pili tini ^mMenuaše alie... aluše ulieše tiulie **ieše** ini pile agubi 'Халдовою мощью Менуа сын Ишпуина этот канал провел, Менуи канал имя [его]. Менуа говорит:... кто другой скажет: я этот канал провел', дальше следует проклятие (надписи на каналах): aguni ^dḤaldiše ^mMenua ^mIšpuiniḥinie ḥaubi ÂLU Luḥiunini 'aaldubi ÂLU Luḥiunini mešini pii ^mMenuaše alie... aluše ulieše tiulie **ieše** ÂLU Luḥiunini ḥaubi 'дал бог Халд Менуе сыну Ишпуина: завоевал-я город Лухиуни, обложил город Лухиуни данью. Менуа говорит... кто другой скажет: я город Лухиуни завоевал [пусть боги его покарают]' (Corpus, 21, стк. 11—15, 18—19); ^dḤaldie BÊLU ini Ê. PARAKKU ^mRusaše ^mArgišteḥiniše šidištuni ^dḤaldinini ušmašini ^mRusaše ^mArgišteḥiniše ali qarbi salzi manu ui giei ištini šidauri šuki ^dḤaldiše ubardu duni **ieše** šidištubi terubi tini ^mRusai ÂLU TUR 'Халду владыке это обиталище Руса сын Аргиштия воздвиг. Халдовою мощью Руса сын Аргиштия говорит: местность пустынная была, не было источника там проведено. Как бог Халд повеление дал я воздвиг [и] установил имя Русы поселения' (Маку, стк. 1—7).

Сомнение в анализе грамматических форм вызывает, из числа названных выше местоимений, только *ieše* 'я', в котором последний слог *-še* может не быть падежным окончанием. Основа *ie-* в значении местоимения первого лица не прослеживается по биайнским текстам, тогда как в армянском языке имеется такое же местоимение с той же основой (*ies* 'я'). Возможно, что и в биайнском языке в этом местоимении, не получающем дополнительной огласовки, выступает коренное *-š* (*-s*) с одногласным чтением последнего слога (*-še*). При таком понимании данной формы (*ieše*, *ieš*) это местоимение окажется стоящим при переходном глаголе не в эргативном падеже подлежащего, а в именительном. Постановка подлежащего в эргативном падеже на *-še*, при этих условиях, окажется в биайнском языке свойственною лишь третьему лицу переходного глагола, что имеет свои параллели в иберийских-кавказских языках.

Личные местоимения при отсутствии в надписях прямой речи могут выступать только в 1-м и 3-м лицах. Местоимение 1-го лица *ieše* (*ieš*) устанавливается в этой форме единственного числа. Что касается местоимения 3-го лица, то, по наличным контекстам, в его значении выступает основа *-ma* 'он' в ее производных формах: *mani* 'он [сам]' и *masi* (*masie*, *mase*) 'свой собственный', ср.: ^m*Ru-sa-a-še* ^m*Ar-giš-te(-hi)-ni-še* *a-li a-lu-še i-ni DUB.TE-e tu-li-e... a-lu-še ti-ni-ni tu-li-e ma-si-e ti-ni te-li-i* 'Руса сын Аргиштия говорит: кто эту надпись уничтожит... кто имя-его уничтожит, свое собственное имя поставит' (Звартноц, стк. 31—33, 38—40). Во фразе: *aluše tinini tulie masie tini teli* глаголы *tulie*, *teli* стоят в ясной форме пермансива: *tu-lie* 'уничтожит', *te-li(e)* 'поставит, вставит'. Слово *tini* стоит два раза. В начале оно снабжено суффиксом *-ni* (*tini-ni*), выступающим также в глагольных формах 3-го лица единственного числа объектного спряжения, ср.: *karu-ni* 'покорил-его'. В том же значении энклитики можно видеть тот же *-ni* в слове *tini* 'имя', *tini-ni* 'имя-его'. Во второй раз в той же фразе *tini* выступает своею неоформленной основой, определением к которой служит ей предшествующее *masie* в значении 'свой собственный'. Вся разобранный фраза получает перевод: 'кто имя его уничтожит [и] свое собственное имя вставит'. Текст взят из заклинания и имеет в виду лицо, которое уничтожит в надписи на победной стеле 'имя-его', то есть биайнского царя, и взамен такового вставит свое собственное имя, тем самым присваивая себе деяния, совершенные другим лицом, о чем и говорится в уже приведенной выше фразе: *aluše ainiei inili dulie* 'кто для другого эти [деяния] совершит'. Форма *mani* в значении 'он (сам)' устанавливается условно по той же формуле проклятия, ср.: *mani... ululie* 'его самого... низвергнут'. Слово *mani* выступает прямым дополнением при переходном глаголе, следовательно, стоит в именительном падеже (Corpus, 21, стк. 21).

Под вопросом остаются формы множественного числа личных местоимений 1-го и 3-го лица, так же как и глагольная форма множественного числа 1-го лица. Данные для этого

содержатся лишь в одной надписи (Corpus, 11), отличающейся от других как стилем изложения, так и используемыми грамматическими формами: ^dHal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-ni ^mIš-pu-ú-i-ni-še a-li-e ^mSar-du-ri-e-ḫi-ni i-e-še ^mMe-nu-ú-a-še ^mIš-pu-ú-i-ni-e-ḫi-ni-še ^mI-nu-uš-pu-a-še ^mMe-nu-ú-a-ḫi-ni-še ^dHal-di-e-i su-si-i-e ši-i-di-iš-tu-še (стк. 1—6, 17—22, 33—38). После обычного начала: ^dHaldinini ušmašini ^mIšpuiniše ale 'мощью бога Халда Ишпуин говорит' следует повествовательный текст, содержащий ряд собственных имен, стоящих в эргативном падеже, и глагол, который по согласованию с ними должен был бы стоять в 3-м лице множественного числа с объектным показателем -ni, относящимся к слову suse 'сооружение' (или без него, но с показателем субъекта). Между тем, глагол получил необычное окончание -še (šidištu-še).

Можно полагать, что на оформление глагола оказало влияние присутствие местоимения ieše, которое перевело всю речь на 1-е лицо. Но согласование глагола с ieše 'я', в его единственном числе, должно было бы отразиться и на личном показателе глагола, которому надлежало получить окончание 1-го лица -bi (šidištu-bi). Очевидно, местоимение ieše дало направление действию со стороны 1-го лица и в то же время, по совокупности с остальными именами, придало ему значение множественности. При этом имя отчества (Sardurieḫini) стало на самостоятельное место, начиная само повествование и отрываясь тем самым от обычного местоположения имен отчества. Изложение речи царя Ишпуина начинается с упоминания его отца, потомство которого перечисляется дальше, а именно сам говорящий царь (ieše 'я'), его сын Менуа и внук Инушпуа. Получается следующий перевод: 'Мощью бога Халда Ишпуин говорит: потомство Сардура, я, Менуа сын Ишпуина. [и] Инушпуа сын Менуи святилище бога Халда воздвигли-мы'. Местоимение ieše и тут остается в единственном числе.

Указательным местоимением выступает упомянутое выше — ini 'этот', во множественном числе ini-li 'эти'; в единственном числе: ini Ê.GAL šidištuni 'эту цитадель он

воздвиг' (Corpus, 59, стк. 3); *ini* ABNU pulusi kuguni 'эту стелу-надпись он начертал' (Corpus, 84, стк. 3); во множественном числе: *aluše ainiei inili dylie* 'кто для другого эти [поступки] совершит' (формула проклятия); *inili tarmanili athuali šidištuali* 'эти... воздвиг' (Corpus, 87, стк. 2—4); ^mRusaše ^mSarduriḥiniše alie ieše inili ebanili... bura-aštuli 'Руса сын Сардура говорит: я эти страны... подчинил' (Кологран, стк. 1—3). В близком к *ini* значении выступает местоимение *inani*, которому по контексту соответствует содержание местоимения 'тот', во множественном числе *inani-li* 'те', ср. в единственном числе (после перечня добычи); *inani ŠARRU-e pupabi* ['всё] то царю пришло' (Сард. лет. А, стк. 11; С, стк. 45); во множественном числе: 'aaldubi meše ^mSardurie ariede inanili IV Ê.GAL^{meš} 'наложил я дань, Сардuru пусть дает те четыре цитадели' (Сард. лет. А, стк. 18); *inanili arniušinili I šali ^mSarduriše... zaduni* 'те деяния в один год Сардур... совершил' (там же, стк. 29).

В местоимении *inani* можно видеть сложное построение, состоящее из сочетания упомянутого выше местоимения *ini* 'этот', с суффиксом *-ani*, что в итоге слияния привело к выпадению гласного *-i* (*ini-ani*). К такому выводу приводит как наличие в обоих местоимениях общего для них корня *ini*, так и выступление того же суффикса *-ani* в двух других, тоже указательных, местоимениях *ikukani*, *inukani*. Такое объяснение остается условным, все же оно уточняет перевод местоимения *inani* 'этот самый', а при более отдаленном положении предмета — 'тот'. Суффикс *-ani* можно усмотреть также в составе близкого к предыдущим местоимения *ikuk-ani*, которому в текстах вполне соответствует значение 'тот самый', ср.: *ikukanj KASKALU* 'тот самый поход': *biduiaše ikukani KASKALU ḥaubi ÂLU Maqaltuni* 'обратно (на обратном пути) в тот самый поход взял я город Макалтуни' (Даш-Керпи, стк. 5—6); ^mSarduriše alie ikukani šalie šišṭini uštadi MÂTU Eriahiniedi (MÂTU) ebanī ḥaubi 'Сардур говорит: в тот же самый год в третий раз направился я в страну Эрах [и] страну захватил' (Сард. лет. Е, стк. 19—21).

По-видимому к числу тех же указательных местоимений относится также *inukani*, встречаемое в различных контекстах и поддающееся переводу как местоимение, ср.: *aluše giei inukani esinini šiulie* 'кто источник с того места отведет' (Хорхор; Sayce, XLIV, стк. 11—12); ^m*Menuaše* ^m*Išpuiniḥiniše ini esi zaduni... teirdulini inukani esini* 'Менуа сын Ишпуина это место застроил...' (Corpus, 53, стк. 1—2,5; М. Гр. 7, стк. 1—3, 8—9). В первом примере слово *esinini* стоит в аблативе (-ni, в значении исходного падежа). Основа *esini* встречается также в сокращенном написании *esi*, что дает повод видеть в *esini* притяжательную форму 'место-его': *eirsidubi esi'aaldubi mešini pii* 'оставил [я-его] на месте, подвел под дань' (Сард. лет. С, стк. 39); *aluše ini pulusi esini suidulie* 'кто эту стелу с места-ее удалит' (М. Гр. 12, стк. 2—5). Местоимение *inukani* используется в этой полной форме, но имеется и разночтение *inuki* в дефектной надписи: *Ê ini šidišituni inuki...* (Corpus, 10).

Тем самым этимология *inukani* берется под некоторое сомнение. Остаются неясными по своему значению *i-nu-ka-ni e-din* (Сард. лет. В, С, D, E); *i-nu-ka-ḥi-ni-e* ^m*Ru-sa-i-ni-e* (Звартноц, стк. 16). В последнем примере то же местоимение получило притяжательный суффикс -ḥini, выступающий также и в имени царя (*Rusa-ini-e*).

Построению и значению слова *inukani* дают различное объяснение. Так М. Церетели усматривает в *inukani* производную форму от местоимения *ini* 'этот', соединенного с послелогом -uki 'мой' (*ini-uki* 'этот мой') и переводит: *aluše... inukani esinini šiulie* 'кто... с этого места моего уберет'. Местоимения *inukani* и *ikukani* признаются разновидностями одного и того же слова.¹ При таком толковании конструкции указанного местоимения, притяжательная его форма может дать перевод фразы: *inukaḥinie* ^m*Rusainie* 'это принадлежащее мне, Русе', где само собственное имя стоит в дательном падеже притяжательной же формы (*Rusa-ini-e*). И. Фридрих, так же как и

¹ М. v. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften..., стр. 28, 42—43.

Д. Мюллер, выделяет *ikukani* с его значением 'тот самый'.¹ Возможна иная этимология местоимения *inukani*. В нем можно выделять составные части *ini-uki-ani*. В первой из них можно видеть местоимение *ini* 'этот', во второй части — послелог *uki* 'мой', в третьей части — тоже послелог (*-ani*) со значением 'самый', ср. *iniani* (*ini-ani* 'этот самый'). Значение слова *inukani* нуждается в уточнении.

Остальные местоимения выделяются, равным образом, не вполне уверенно. Так в число относительных и определительных местоимений включается *ali*, не везде отчетливо выступающее в значении 'кто, который' и устанавливаемое лишь приблизительно, ср.: *ali meše* ^m*Argištie* ^m*Diauhiniše aruni* 'какую [м. б. всю — ?] дань Аргиштию Диаухини дал' (Sayce, XLV, стк. 19—20), *Ê murili ali AMÊLU ABU-še AMÊLU ABU. ABU-še zaduali* 'сооружения, какие отец [и] дед сделали' (Сард. лет. С, стк. 27—28). Все же не подлежит сомнению, что *ali* в его местоименном значении лишь графически совпадает с глаголом *alie* (*ali*) 'говорит'. Более ясным выступает производное от *ali* определительное местоимение *aliki*, обычно повторяемое два раза в значении 'один... другой', ср.: *aliki zaašgubi aliki BALTU agubi* (Сард. лет. В, стк. 45—46); *aliki zaašgubi aliki šehiri agubi* (Хорхор; Sayce, XL, стк. 37—38) 'одних умертил я, других живыми увел'.

Не вполне ясны встречающиеся в надписях такие слова как *mei*, *meini*, совпадающие по своей основе с энклитическим местоимением первого лица *-me* 'мне, меня'. Выступая самостоятельными словами, *mei* *meini* не имеют отношения к местоимению 1-го лица, что ясно видно из формулы проклятия, где речь идет о 3-м лице, о нарушителе надписи, и где *mei* выступает в заключительных строках, занимая по отношению к связанным с ним словам то препозиционное, то, чаще, постпозиционное положение, ср.: *mei tini mei armuzi mei zilbi* (Звартноц, стк. 44—46); *pini mei arhi uruliani mei inaini mei* (Cor-

¹ I. Friedrich. Einführung..., стр. 18, 39; Г. А. Меликишвили. ВДИ, 1953, № 1, стр. 272—273.

pus, 34, стк. 12—13 и др.). В слове *mei* усматривается или личное местоимение 3-го лица, или же соединительный союз 'и'. Те исследователи, которые видят в нем местоимение, возводят его к основе косвенных падежей местоимения 3-го лица (*me*) и форму *mei* считают за родительный падеж (Сэйс, Леманн-Гаупт, Гётце).¹ Сюда же относят и реже встречающуюся форму *meini*, указывающую на лицо, подлежащее божественной каре: *meini^d Haldiše... kulituni* 'его бог Халд [и другие боги] изничтожат' (Corpus, 13, стк. 30—31). Другая форма, *mekui*, оставляется без объяснения как не получившая в Келишинской билингве соответствующего перевода, тогда как *mei* в заклинательных текстах биайнских надписей имеет в ассирийских формулах проклятия своим соответствием *šu* 'его', повторяемое три раза, так же как и *mei* в биайнских текстах.

И. Фридрих отрицает местоименное значение *mei*, усматривая в нем союз 'и'. Его же он видит и в *meini*, объясняемом как составное слово, состоящее из союза 'и' и объектного показателя 3-го лица *-ni*: *mei-ni* 'и его, также его'. И. Фридрих, как и М. Церетели, сохраняют за *mei* в формуле проклятия и в других текстах значение соединительного союза. В подтверждение приводится текст из летописей, где после перечня добычи, взятой самим царем, говорится: *mei ali AMĒLU A. SI^{meš} -še partu šeri partu* 'и что войска захватили, отдельно захватили-они' (Сард. лет. А, стк. 11—12).²

В биайнском языке устанавливается наличие нескольких энклитических местоимений, прибавляемых не только к именам, но и к глаголам. К числу таких местоимений-энклитик относятся *-me*, *-uki*. Имеются основания причислять сюда же и *ni*, выступающее показателем 3-го лица. Первое из них (*-me*) встречается и в именных и в вербальных формах, означая

¹ ZA NF V, стр. 121; Corpus, стр. 68, 158, 163—164.

² М. Церетели, ук. соч., стр. 35; Caucasia, VII, стр. 82; VIII, стр. 135—136, 140. Г. А. Меликишвили видит в *mei* отрицательную запретительную частицу, употребляемую также в значении союза 'но'; см. ук. соч., стр. 284—285.

действие, направленное в пользу 1-го лица ('мне'): *iu* ^d*Ḫaldiš-me* *ŠARRU-tuḫi aruni* 'Когда бог Халд-мне царскую власть даровал' (Сард. лет. G, стк. 2); *aru-me meše* 'дал-мне дань' (там же E, стк. 54); *ḫašial-me ILU^{meš} zatu-me KASKALU* 'соблаговолили-мне боги, сделали-мне (открыли-мне) путь' (там же E, стк. 47). В именах существительных -*me* ставится после падежного окончания (*Ḫaldiš-me*). В глаголах, обозначая косвенный объект, -*me* заменяет другие объектные показатели, ср.: *aruni* 'дал-его', *aru-me* 'дал-мне'. Субъектные показатели глагола сохраняются: *ḫašia-l(i)-me* 'соблаговолили-они-мне' (непереходный глагол); *za(d)-tu-me* 'сделали-они-мне' (переходный глагол).

В текстах неоднократно встречается -*uki*, выступающее в значении поссесивного энклитического местоимения того же 1-го лица ('мой'), ср.: *terubi ini pulusi* ^d*Ḫaldie euri-uki* 'установил я эту надпись богу Халду владыке-моему' (М. Гр. 10—11, стк. 4—5); *MÂTU AŠŠUR (AMÊLU) ḫuradie (MÂTU) ebani-uki ašdu* 'страны Ассирии войска страну-мою...', (Хорхор; Sause, XXXIX, стк. 25). Заканчивая построение слова, -*uki* предшествует падежным окончаниям, ср. в направительном падеже на -*edi* (*ebani-uki-edi* 'в страну-мою'): *Ë.GAL^{meš} ištini šidiš-tubi (MÂTU) ebani (MÂTU) ebani-uki-edi abilidubi* 'цитадели там я воздвиг, страну к стране-моей присоединил' (Сард. лет. E, стк. 23—24).

То же самое -*uki* усматривается также в составе слова *kauki* со значением 'предо мною': ^m*Sarduriše alie nunabi kauki* ^m*Nidini ŠARRU MÂTU Uelikuḫi suluštibi AMÊLU-bura-aštubi mešini piei 'aaldubi meše* ^m*Sardurie aride* 'Сардур говорит: пришел ко мне Ниди(ни) царь страны Уеликухи, пал ниц, я подчинил [его], под подать подвел, дань Сардурру пусть дает' (Сард. лет. F, стк. 19—21). Выступающее здесь слово *kauki* разлагается на послелог -*kai* и притяжательное местоимение -*uki* (*kai-uki*, отсюда — *kauki*). Эта грамматическая форма нуждается в объяснении. Сомнение вызывает само его построение, в котором, при даваемой ему этимологии (*kai-uki*),¹ полу-

¹ М. Ц е р е т е л и, ук. соч., стр. 36, 40—43, 52; И. Фридрих, *Einführung* . . , стр. 66.

чается стечение гласных *-i-u*, образующих дифтонгизированный звук *-iu*, графически передаваемый или двумя гласными *-i-u*, или же одним *-i*, ср.: *qīura, qīra* 'земля'. Все же в данном случае могла иметь место не дифтонгизация, а выпадение гласного *-i* и сокращенное написание сложного слова, в котором *kaī* сохранило еще значение знаменательного слова, ставшего затем послелогом. За это говорит добавление к нему энклитики *-uki* и постановка всего получившегося слова в направительном падеже на *-d(i)*: *kai-uki-d* 'ко мне', что вполне соответствует положению *-uki*, получающему после себя окончания падежей.¹ Такая форма в полном ее написании имеется, ср.: *ᵐU-tu-ru-ur-ši-ni ŠARRU ᵐDi-i-a-ú-e-ḥi nu-na-bi ka-a-i-ú-kid* 'Утупурши царь Диауехи пришел ко мне' (Corpus, 27, стк. 12—13). Перевод слова *kauki* 'предо мною' подкрепляется ссылками на ассирийские соответствия: биайн. *kaī*, ассир. *ina ra-an* (Келишин, 1/1, 16/14, 25/22); биайн. *kauki*, ассир. *ina râni-ia* (Топсау, 13/12).

В 3-м лице энклитические местоимения слабо прослеживаются благодаря широко развернутой притяжательной суффиксации. Лишь объектный показатель *-ni* выделяется в глаголах, получая соответствующие параллели и в именных формах, аналогично энклитическому местоимению *-me*, но в значении 3-го лица, ср. в 1-м лице: *aluš-me* 'кто-мне', *agu-me* 'дал-мне'; в 3-м лице: *aluš-ni* 'кто-его', *agu-ni* 'дал-его': *aluš-me ŠARRU-tuḥi tarae agu-ni* 'кто-мне царскую-власть могущественную дал-ее' (Corpus, табл. XXXIX, стк. 23—24); *agu-me meše* 'дал-мне дань' (Сард. лет. E, стк. 54), ср. также в формуле проклятия: *aluše ini DUB.TE tulie aluše pitulie* 'кто эту стелу разрушит, кто повредит' (Corpus, 27, стк. 29—30); *aluš-ni tulie aluše pitulie* 'кто-ее (т. е. стелу) разрушит, кто повредит' (Corpus, 29, стк. 6); *aluše tini-ni tulie* 'кто имя-его [на надписи] уничтожит' (Звартноц, стк. 38—39). Исходя из наличного материала, И. Фридрих с полным основанием приходит к выводу о том, что *-ni* в указанном его использовании, так же как и *-me*, выступает энкли-

¹Ср.: *ebani-uki-ed i* 'страну мою'.

тикою с местоименным значением.¹ Возможно, что это же энклитическое -ni выступает в форме т. н. „двойственного винительного падежа“, которому в биайнском языке нет места, как и простому винительному падежу, ср., например, неясное по своему значению слово manini, возводимое к местоимению 3-го лица manī ‘он (сам)’, так же как и упомянутое выше tini-ni возводится к основе tini: ^dHutuinie ^mMenuaše ^mIšruinie-ħinieše ini ABNU pulusi kuguni manī-ni ^dHutuini bidini ‘богу Хутуини Менуа сын Ишпуина эту стелу-надпись начертал, она-его Хутуиново подношение’ (?) (Corpus, 84, стк. 1—4).

В связи с отмеченными выше стилистическими особенностями текстов, избегающих прямой речи, не представляется возможным по наличным письменным памятникам выявить местоимения 2-го лица.

Анализом текстов и сопоставлением их с ассирийскими переводами в билингвах удастся установить в биайнском языке следующие местоимения:

личные: ieš(e) ‘я’; manī ‘он’ (в параллельных формах: meini ‘он’?, в родительном падеже mei ‘его’?);

притяжательные: masi ‘свой’;

относительные: alu ‘кто’, в эргативном падеже aluše, с энклитикой aluš-me ‘кто-мне’, aluš-ni ‘кто-его’; (ali ‘кто, какой?’) aliki(d) ‘один-другой’; ule (uli) ‘другой’, в эргативном падеже: uleše (uleše, uliše), в дательном падеже: ulie (?); aini ‘иной какой-либо’, в родительном падеже: ainiēi, ainiī, aini;

указательные: ini ‘этот’, во множественном числе inili ‘эти’; inani ‘тот’, во множественном числе inanili ‘те’; ikukani ‘тот самый’ (возможное его разночтение: inukani?);

энклитические: -me ‘мне’; -uki ‘мой’; -ni ‘его’.

¹ Caucasica, VIII, стр. 137; Einführung. . ., стр. 17.

СОЮЗЫ И ПОСЛЕЛОГИ

Нередко встречающееся *iū* получило в Келишинской табличке ассирийский перевод *kii* 'когда', ср.: *iū* ^d*Aldi-kāi* 𐎠𐎢𐎺 *Ardinidi* *punali* 'когда пред богом Халдом [Ишпуин и Мешур] в город Ардини пришли' (Келишин, стк. 1—2); *iū* 𐎠𐎢𐎺 *Uhimeame* *ḫaubi* *biduiaše* *ikukani* KASKALU *ḫaubi* 𐎠𐎢𐎺 *Maqaltuni* 'когда я страну Ухimea(ме) захватил, на обратном пути в тот же поход я захватил город Макалтуни' (Даш-Керши, стк. 4—6). Слово *iū* в значении союза 'когда' выступает с полной определенностью. Под некоторым сомнением остается грамматическая форма географического названия *Uhimeame*, в котором последний слог *-me* может и не относиться к самой основе. В нем можно было бы также усмотреть энклитическое местоимение 1-го лица 'мне', поскольку вся речь ведется в этом лице: *MĀTU* *Uhimeame* *ḫaubi* 'страну Ухimea мне (себе) я захватил'(?).

Контексты различного содержания указывают на возможность относить к числу соединительных союзов *e'a*, который в формуле проклятия занимает иногда такое же место, как и слово *mei*, что дает основание считать также и последнее *mei* соединительный союз того же значения, ср.: *mei* *ṭini* *mei* *u* *muzi* *mei* *zilbi* *qiuraidi* *kulituni* 'и имя, и род, и потомство в землю (преисподнюю) низвергнут' (Звартноц, стк. 44—47). В том же союзном значении отмечается также слово *e'a* в тех же контекстах формулы проклятия: . . . *ṭi-ni-e-ni* *ma-a-ni* *e'a* *zi* *ḫi* *ḫi* *qi-i-ú-ra-a-ni* *e-di-ni* 'имя-его, его (самого) и потомство' (Corpus, 29, стк. 10—11). За возможность такого перевода

слова е'а говорит также и нижеследующий контекст: Ê. GAL badusie šidišituni ÂLU šidišituni ui giei ištini šidauri ^mMenuaše ^mIšpuinihišie šidišituni e'a Ê. GAL e'a ÂLU 'цитадель величественную (?) воздвиг, город воздвиг, источника там не было, Менуа сын Ишпуина воздвиг как цитадель, так и город' (Corpus, 69). Если признать за mei и e'a близкие синонимичные значения 'и, как, также', то от первого из них не трудно усмотреть производную форму mei-ni, образованную от названного союза с энклитическим местоимением 3-го лица (-ni 'его'): mei-ni 'и его', как это и делает И. Фридрих,¹ ср.: meini ^aHaldiše... kudituni 'и его Халд [и другие боги] низвергнут' (Corpus, 13, стк. 30—31). И. Фридрих все же не считает такое объяснение данной грамматической формы окончательным. Признание за словом e'a значения союза имеет больше данных, так как другие значения ему менее подходят, между тем mei и по грамматическому построению и по смыслу фраз, где оно встречается, может быть отнесено также к местоимению 3-го лица с его основой ma. В этом случае mei-ni, при том же энклитическом -ni, получает перевод 'его самого'.

Что касается тоже часто встречающегося ui, который некоторые исследователи, равным образом, считают за соединительный союз, то в нем вернее признать частицу отрицания, вполне уместную в этом ее значении, если правильно даваемое И. Фридрихом чтение текстов, повествующих об орошениях мест, очевидно до того бесплодных за неимением водохранилищ. Их обозначение словом giei сопровождается названною частицею ui, указывающею на отсутствие таковых, ср.: qiurani šulie manu ui giei ištini manuri... ieše ini GIŠ-uldie terubi... pili NÂRU Ildaruniani agubi 'земля бесплодная (?), источника там не было сделано... я виноградник разбил... канал от реки Илдаруниани провел' (Звартноц, стк. 7—8, 10—11, 14—15); qiurani quldini manu ui gii ištini šidauri NÂRU Munani IV...

¹ *Caucasica*, VIII, стр. 135, 140; *Einführung...*, стр. 20, 45. Другие исследователи видят в mei родительный падеж местоимения третьего лица. Г. А. Меликишвили считает mei отрицательною запретительною частицею (см. ук. соч. стр. 284).

agubi GIŠ-uldie GIŠ-zarie terubi zadubi arnišinili ištini ^mArgištini ^mMenuaḫi 'земля неплодородная (?), колодцев там сооружено не было. От реки Муна(ни) четыре [канала] я провел, виноградники, фруктовые сады разбил, совершил [эти] деяния там Аргишти сын Менуи' (Ник. XI, стк. 6—11).¹

При господстве в биайнском языке агглютинации не всегда удастся отделить послелогои от широко развитой суффиксации. Наиболее ясно, благодаря Келишинской билингве, выделяется послелог -kai с его ассирийским соответствием ina rāp в значении 'перед, пред'. Послелог -kai присоединяется к именам, стоящим в именительном падеже: ^dHaldi-kai 'пред Халдом', ^mMenua-kai 'пред Менуей': iu iu ^dHaldi-kai ÂLU Ardinidi nu-pali ^mIšruinini ^mSardureḫe ^mMenua ^mIšruiniḫe 'когда наконец пред богом Халдом в город Ардини пришли Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина' (Келишин, стк. 25—27): karuni ^mErikuahī MÂTU-nie karuni ÂLU Luḫiunini tequnⁱ ^mMenua-kai '[войско] покорило Эрикуахи страну, покорило город Лухиуни(ни), повергло пред Менуей' (Corpus, 21, стк. 2—3). Тот же послелог, но в значении самостоятельного слова, усматривается в сочетании с энклитическим местоимением -uki 'мой': kauki 'предо мною, ко мне', передаваемом иногда сочетанием знаков ka-a-i-ú-kid, где полностью выступают обе составные части слова (см. стр. 108).

Келишинская билингва уточняет значение еще одного послелогоа — edin(i) 'ради': ulgušiani edini naḫuni 'жизни ради [он] принес' (стк. 13—14), ассирийское соответствие: ana ruut balâtišu naši (стк. 12); ^dHaldie eurie ini kubuše ^mSarduriše ^mArgištihiniše uštuni ulgušiani edini 'богу Халду владыке этот шлем Сардур сын Аргиштия поднес жизни ради' (Кар.-Бл. II, стр. 50). Хорошо поддающееся переводу в только что приведенных примерах, то же самое edini в других биайнских текстах далеко не везде выступает со столь же ясным значением, хотя отнесение его к числу послелогов и тут не под-

¹ Переводы И. Фридриха см: Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes; т. 47 (1940), стр. 187—198.

вергается сомнению, ср.: MÂTU ŝu-ra-a-ni e-di-ni te-ru-ú-bi 'вселенной ради...' (Сард. лет. G, стк. 3); AMÊLU ú-ru-ur-da-a-ni e-di-ni tu-ru-ú-bi 'ради (для) урурдана', по-видимому какого-то должностного лица (там же, стк. 11). Менее понятно положение edini во фразе, взятой из заключительных строк формулы проклятия: ...ti-ni-e-ni ma-a-ni e-'a zi-li-bi qi-i-ú-ra-a-ni e-di-ni, получающих условный перевод: 'имя-его, его (самого) и потомство (с потомством) земли (преисподней) ради', то есть предназначают его аду —? (Corpus, 29, стк. 10—11). Неясным остается значение edin(i) в его сочетаниях с inukani в заключительных строках летописных столбцов: i-nu-ka-a-ni e-di-ni (Сард. лет. C, стк. 54; E, стк. 56—57); i-nu-ka-ni e-din (там же B, стк. 58; D, стк. 53). Еще менее ясно отношение edini к edia (по-видимому совершенно различные слова), ср.: uš-ta-di MÂTU Ur-me-ú-e e-di-a XI Ê. GAL^{meš} ha-ú-bi (Сард. лет. A, стк. 22). Речь идет о походе в страну Урмию и о захвате в ней ряда крепостей. Здесь слову edia больше всего подходит значение 'внутри': 'Направился я внутрь страны Урмии [и] захватил одиннадцать цитаделей'. Все же и тут не устраняется возможность видеть в edia тот же послелог с его отмеченным выше значением 'ради', 'за'. Правитель Биайны говорит о том, что в тот же год своего царствования (ikukani šali) он выступил в третий раз (šišhini) из-за (edia) страны Урмии, где и взял одиннадцать укрепленных пунктов.¹

Выделение другого послелога -ri 'под', сочетаемого с аблативом на -ni, возбуждает большие сомнения в связи с различными его написаниями и различным значением во встречающихся словосочетаниях. Даваемому этому послелогу значению отвечают его сочетания со словом mešini (аблатив от слова меше 'дань'), где ri, графически ri-i, ri-e-i, всегда стоит после связанного с ним слова: me-š-i-ni ri-i 'a-al-du-bi; me-š-i-ni ri-e-i

¹ Г. А. Меликишвили выделяет послелогя -edia 'к', 'в направлении' с родительным-дательным падежом множественного числа, и -edinu 'из' 'от', 'из-за', 'ради' с творительным падежом. По его мнению, edini и edia употребляются так же самостоятельно, как наречия места: edia 'там', edini 'оттуда'; см. ук. соч., стр. 284.

'a-al-du-bi; 'a-al-du-bi me-ši-ni ri-i (Сард. лет. А, стк. 17—18; С, стк. 39; F, стк. 20). Приурочение -ri значения послелога 'под' в этой фразе допустимо при даваемом переводе: 'я под дань подвел, сделал данником', но обособленную остается грамматическая форма Менуа-rii (Corpus, 55; М. Гр. 12, стк. 8), где тот же послелог -ri присоединяется к собственному имени, стоящему в именительном падеже (ср.: Менуа-kaï 'пред Менуей'), а не в аблативе, как то выдержанно выступает в meši-ni-rii. Включение в число его же разновидностей более сложной формы riēni, графически ri-i-ni, ri-e-i-ni, ri-e-i-ni-e (Corpus, 31, 34, 36), остается без достаточного обоснования. Это слово неоднократно встречается в формуле проклятия после идеограммы бога Солнца: ^aŜAMAŜ-ni riēni, с неясным их переводом. Отнесение сюда же alī-ri с его условным значением 'и кто' еще более сомнительно, как в этимологии alī (местоимение 'кто', 'какой' — ?), так и в выделении слога -ri в позиции послелога: a-lī-ri ku-lu-ar-ši-i-bi (Сард. лет. F, стк. 27).

По действующим внутренним законам развития биайнского языка в нем выдержанно выступает суффиксальная агглютинация, чем этот язык в известной степени отходит от схемы иберийско-кавказских языков. В биайнском языке, следуя тем же закономерностям, служебные частицы занимают постпозиционное место. Поэтому систему предлогов установить в данном языке не удастся.¹ Неясным в связи с этим остается не поддающееся точному переводу слово pari, выступающее в служебном значении и занимающее в то же время препозиционное положение: uštadi MÂTU Babilunie (MÂTU) ebanigidi ĥaubi MÂTU Babiluu (MÂTU) ebanī kuteadi pari MÂTU Baru atainia 'выступил я в страну Бабилу, захватил страну Бабилу...' (Сард. лет. А, стк. 4—6); ĥaubi ÂLU Irdaniuni pari MÂTU Išqigulu 'я захватил город Ирданиуни...' (Ник. V, стк. 4—5)

¹ Все же Г. А. Меликишвили находит возможным выделить и в биайнском языке предлоги, к числу которых он относит ka(i) 'перед' и pari 'до', последнее под сомнением, см. ук. соч., стр. 284.

Послелого, наоборот, поддаются выделению, но до сих пор еще прослежены далеко не в достаточной степени. Присоединение некоторых из них непосредственно к основе имени, что не противоречит послеложной системе, сближает их по своему оформлению с показателями падежей, с которыми они все же не сливаются (ср.: Menua-kai 'пред Менуей', Haldi-kai 'пред Халдом'). В числе послелогов более ясно выделяются только два, а именно: kai 'пред', edini 'ради'.

Что касается союзов, то их число остается крайне ограниченным в связи со стилем речи клинописных памятников, избегающих союзных сочинений как при перечне собственных имен, так и в самом изложении повествуемых событий, ср.: ^mMenua ^mIšpūnieḫinie ^mInušrua ^mMenuaḫinie ulguše risuše alsuišee 'Менуе сыну Ишпуина [и] Инушпуе сыну Менуи жизнь, счастье, величие' (Corpus, 83—84, стк. 5—7); uštali ^mIšpūnini ^mSardurieḫi ^mMeinuani ^mIšpūnieḫi suidutu ^mUteruḫi ^mLušaa ^mKatarzaa 'выступили Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина, повергли они Утерухи, Луша, Катарца' (Corpus, 13, стк. 25—30); uštabe ^mMenuani ^mIšpūnieḫe ḫauni ÂLU Šebeteriani (MÂTU) ebanie ḫauni ÂLU Ḫuzanani (MÂTU) ebanie ḫaun; MÂTU Supani kutuni parie MÂTU Ḫatinaa 'выступил Менуа сын Ишпуина, захватил страну города Шебетериа(ни), захватил страну города Хузана(ни), захватил страну Супа(ни)...' (Corpus, 31, стк. 6—11); nunadi sidištuli inili Ê. GAL^{meš} 'я пришел, восстановил эти цитадели' (Кологран, стк. 15).

Стиль биайнских текстов обуславливает редкое использование союзов. Упоминание покоренных стран и городов одного за другим без соединительных союзов дает основание полагать, что и в формуле проклятия перечень близких преступнику лиц помещается, разным образом, без союза 'и', в связи с чем полная уверенность в правильности отнесения к числу союзов слова meī отпадает. Совершенно неясным остается pari(e), в котором по контексту можно было бы усмотреть разделительный союз (см. приведенные выше примеры: Ник. V, Corpus, 31). Менее спорным в своем значении союза 'и', 'как..., так и' оказывается одно e'a.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН

Парадигма склонения остается общею для всех имен. Окончания падежей присоединяются к основе слова. Падеж завершает его грамматическое построение и в тех случаях, когда имя получает притяжательную суффиксацию, ср.: Menua-*ini-ei*, где собственное имя Menua, оформленное притяжательным суффиксом *-ini*, стоит в родительном падеже единственного числа (*-ei*).

Имеются два падежа подлежащих, употребляемых в зависимости от выражаемых глаголом непереходности и переходности действия (падежи именительный и эргативный). Из числа косвенных падежей выделяются родительный, дательный и направительный. Менее отчетливо выступает аблатив в его инструментальном и транзитивном значениях. Еще менее ясен местный падеж. Формы множественного числа не объединяются общим для них показателем.

Именительный падеж. Неоформленная показателем падежа основа слова. Выступает подлежащим при непереходных глаголах и прямым дополнением при переходных, где подлежащее ставится в эргативном падеже на *-š(e)*: *Ḥaldie eurie* ^mMenuaše ^mIšpuiniḥiniše *ini susi šidištuni* 'богу Халду владыке Менуа сын Ишпуина это сооружение воздвиг' (Corpus, 66, стк. 2—3). При переходном глаголе (*šidištuni* 'воздвиг-его') подлежащее ^mMenua-še ^mIšpuiniḥini-še стоит в эргативном падеже, прямое дополнение *ini susi* 'это сооружение' поставлено в именительном падеже, ср. с непереходным глаголом: *ĀLU Ardinidi nunali* ^mIšpuinini ^mSardureḥe ^mMenua ^mIšpui-

niḫe 'в город Ардини (Мусасир) пришли Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 12, стк. 26—27). Имя Менуа стоит в именительном падеже.

В именах собственных, когда особо выделяется значение этих имен, они получают в именительном падеже суффикс -ni. Так, при глаголах движения царские имена обычно снабжаются данным суффиксом: *ustabi^m Menua-ni* 'выступил Менуа'. Возможно, что таким способом выделялись имена правителей среди других имен; например, в начале Келишинской билингвы говорится о походе в Мусасир Ишпуина и его сына Менуи. Имя первого снабжено упомянутым суффиксом -ni, тогда как второе оставлено с неоформленной своей основой: *iu^a Aldi-kai ÂLU Ardinidi nunalⁱ Iṣpuini-ni^m Sardureḫe ŠARRU DAN.NU ŠAR MÂTU-šuraue ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušraa-ÂLU^m Menua^m Iṣpuiniḫe* 'когда (пред) ради бога Халда в город Ардини (Мусасир) пришли Ишпуин сын Сардура, царь могучий, царь вселенной, царь страны Биайна, властитель города Тушпы, [и] Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 12, стк. 1—5). Можно полагать, что в надписи нарочито выделено имя Ишпуина, снабженное, кроме упомянутого суффикса -ni, еще и царским титулом, в отличие от имени Менуи, лишенного и того и другого. Отсюда можно заключить, что в этом походе Менуа еще не был соправителем Ишпуина и что царствовал один последний, которому и приурочена царская титулатура. В периоды совместного правления оба имени помещаются с тем же дополнительным суффиксом: *uštali^m Iṣpuini-ni^m Sardurieḫi^m Meinua-ni^m Iṣpuinieḫi* 'выступили Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 13, стк. 25—28). Когда тот же Менуа царствует один, имя его, равным образом, снабжается суффиксом -ni: *uštabi^m Menua-ni^m Iṣpuinieḫi* 'выступил Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 21, стк. 5—6).

Такое же выделение собственных имен, которым придается особое значение, наблюдается и в географических названиях.

Например, в Хорхорской летописи (Sayce, XL) идет речь о походе в страну Мана и о ее покорении. Название страны в направительном падеже на -idi (*MÂTU Mana-idi*)

выделяет основу *Mana*, между тем то же имя в положении прямого дополнения, где оно должно стоять в именительном падеже, получает суффикс *-ni* (*MĀTU Mana-ni*), ср.: *uštadi MĀTU Manaīdi* 'я выступил в страну Мана' (стк. 34—35); *karuni MĀTU Manani (MĀTU) ebanie* 'он завоевал страну Мана' (стк. 16—17). Эта страна, расположенная на востоке от Биайны, была ее соседом, вызывавшим постоянные внешнеполитические осложнения и игравшим в истории Биайны значительную роль. О таком же походе и с таким же упоминанием той же самой страны Мана говорится в летописи Сардура сына Аргишти, причем соблюдаются те же грамматические формы: *uš-ta-di MĀTU Ma-na-i-di (MĀTU) e-ba-a-ni ḥa-ú-bi* 'я выступил в страну Мана, страну я захватил' (В, стк. 14—15); *ka-ru-ni MĀTU Ma-na-ni MĀTU-ni-e* 'завоевал страну Мана' (А, стк. 1—2).

Такое выделение названий стран особою суффиксацией (*-ni*) встречается в биайнских надписях неоднократно, ср. упоминание о походах в Этиуни: *uštadi MĀTU Etiuni-edi* (Сард. лет. А, стк. 13); *karuni MĀTU Etiuni-ni* (Ник. VI, стк. 2). Такую же суффиксацию получают и особо отмечаемые города например: *uštali ĀLU Meišta-edi... (ḥa)itu ĀLU Meišta-ni* 'они выступили в город Меишта... захватили город Меишта' (Corpus, 15, стк. 10, 18). В другой надписи (Corpus, 21; Ник. 1) говорится о покорении двух объектов, страны Эридуахи и города Лухиуни. Название последнего поставлено с тем же суффиксом *-ni*: *ka-ru-ni ^mE-ri-du-a-ḥi MĀTU-ni-e ka-ru-ni ĀLU Lu-ḥi-ú-ni-ni* 'завоевал страну Эридуахи,¹ завоевал город Лухиуни' (стк. 2—3). Такое выделение названия города не случайно, так как дальше все внимание обращается, главным образом, на него. Он захвачен и обращен в данника: *a-ru-ni ^aḤal-di-i-še ^mMe-nu-ú-a ^mIš-ru-ú-i-ni-ḥi-ni-e ḥa-ú-bi ĀLU Lu-ḥi-ú-ni-ni* 'даровал бог Халд Менуе сыну Ишпуина, захватил-я город Лухиуни' (стк. 11—13); *'a-al-du-bi ĀLU Lu-ḥi-ú-ni-ni me-e-ši-ni ri-i* 'подвел-я город Лухиуни под дань' (стк. 13—14). Особое значение города Лухиуни подчеркивается также в за-

¹ Дефектное состояние надписи допускает иное чтение имени завоеванной страны: *E-ri-ku-a-ḥi*.

ключительных строках заклинания, в которых предусматривается другое лицо, приписывающее себе взятие данного города: a-lu-še ú-li-še ti-ú-li-i-e i-e-še ÂLU zu-ḥi-ú-ni-ni ḥa-ú-bi 'кто другой скажет: я город Лухиуни захватил'¹ (стк. 18—19); подразумевается: 'того пусть покарают боги'.

Использование упомянутого суффикса -ni в данном его назначении (выделение особо значимых имен) указывает на то, что этот суффикс не является таким же падежным окончанием, как и все остальные. Им отмечается грамматической формой то логическое ударение, которым выделяются из ряда имен заслуживающие особого внимания. Тем самым причисление названного суффикса (-ni) к падежным окончаниям оказывается необоснованным. Следовательно, нет оснований для выделения в падежной парадигме особого -ni casus (падежа на -ni). Тем менее оснований усматривать в нем отдельную форму аккузатива (винительного падежа), функции которого в эргативном строе предложения выполняет тот же именительный падеж.¹

Таким образом, в именительном падеже выступает основа имени. Самостоятельное падежное окончание отсутствует. Во множественном числе именительный падеж получает общий с глаголом показатель этого числа -li, ср.: ebaní 'страна', ebaní-li 'страны'. Особого падежного окончания и здесь именительный падеж не получает.

Эргативный (активный) падеж. Падеж подлежащего при переходном глаголе. Выступает только в этом значении и передается специальной грамматической формой, не повторяющейся в других падежах. Оформляет подлежащее при переходном глаголе в обоих наличных в биайнском языке временах, ср. в аористе: aruni ^dHaldi-še ^mMenua 'даровал бог

¹ И. Фридрих выделяет особый -ni Kasus (Einführung . . . , стр. 11, 14—16). Трудно согласиться также с Г. А. Меликишвили, который противопоставляет неоформленный падеж именительному, получающему в единственном числе окончание -ni, к которому во множественном числе присоединяется li, см. ук. соч., стр. 264—265.

Халд Менуе'; в пермансиве: ^dHaldi-še... ululie 'бог Халд [и другие боги] низвергнут' (Ник. I, стк. 11, 20—24).

Падеж выражается слоговым знаком -še, нигде не получающим дополнительной огласовки, что ставит под сомнение чтение его полным слогом. Произношение этого падежного окончания одним согласным -š (-s) подтверждается отдельными примерами его написания слоговым знаком с этим согласным в исходе, ср. ^mIš-ru-ú-i-ni-iš в надписи из Аралеска (Corpus, 10), вместо более обычного ^mIš-ru-ú-i-ni-še. Равным образом, в Келишинской билингве имя бога Халда передается с таким же падежным окончанием: ^dHal-di-iš, вместо ^dHal-di-še, причем имена двух других богов, представленные идеограммами и стоящие в том же эргативном падеже, оканчиваются на -še: ^dHal-di-iš ^dADAD-še ^dŠAMAŠ-še (стк. 40).

В связи с этим возникает вполне обоснованное предположение о чтении данного падежного окончания во всех разновидностях его написания одним лишь согласным -š (-s), который по силлабарной системе клинописной графики должен был передаваться слоговым знаком, то есть сочетанием согласного с гласным (-iš, -še). Для начертания требуемого согласного писцу приходилось прибегать к названным слоговым знакам в их произношении без гласного компонента. Чтение этих знаков сводилось тем самым к одному согласному звуку. За это говорят и такие формы, как ^dHaldišme, в которых энклитическое -me присоединилось к имени, стоящему в эргативном падеже (Haldiš-me): i-ú ^dHal-di-iš-me ŠARRU-tu-ḫi a-ru-ú-ni когда бог Халд мне царскую власть даровал' (Сард. лет. G, стк. 2).

Во множественном числе сохраняется то же самое падежное окончание -š(e). Показатель множественного числа добавляется иногда при идеограммах в идеографическом же изображении (-meš), но грамматическая форма падежа, которою заканчивается передаваемое идеограммой имя, при этом не изменяется: ^dHal-di-še ^dADAD-še ^dŠAMAŠ-še ILĀNI^{meš}-še... ú-lu-(u)-li 'бог Халд, бог грозы, бог солнца, боги... низвергнут' (Corpus, 34, стк. 11—14). Оформление эргативного падежа

во множественном числе тем же -š(e) подтверждается также нижеследующим примером: qīura-še ILĀNI^{meš} -še 'хтонические божества', где определение qīura-še 'подземелье (подземные)' стоит в том же числе и падеже как и определяемое слово 'боги', в порядке согласования с ним: ^dHal-di-še ^dADAD-še ŠAMAŠ-še qī-ú-ra-a-še ILĀNI^{meš} -še (Corpus, 29 об., стк. 8—9).

По стилю биайнских текстов подлежащее в них при переходных и непереходных глаголах выступает в 3-м лице обоих чисел. При действии в 1-м лице субъект получает свое ясное выражение в самом глагольном окончании. Поэтому постройка отдельно стоящего подлежащего становится необязательной и обычно избегается, ср.: ^mMe-nu-a-še a-li-e ḥa-ú-bi ĀLU Ša-ši-lu-ni te-ru-ú-bi i-ni ru-lu-si ^dHal-di-e e-ú-ri-u-ki 'Менуа говорит: захватил-я город Шашилу(ни), установил-я эту стелу богу Халду владыке-моему' (М. Гр. 10—11, стк. 2—5). Глаголы ḥa-ú-bi 'захватил-я', te-ru-ú-bi 'установил-я' стоят в 1-м лице. Подлежащее при них отсутствует. Все же, в тех более редких случаях, когда действующее лицо специально выделяется падающим на него логическим ударением, в позиции подлежащего ставится местоимение ieše 'я': ^mRu-sa-a-še ^mSar-du-ri-ḥi-ni-še a-li-e i-e-še i-ni-li e-ba-ni-li... bu-ra-aš-tu-ú-li 'Руса сын Сардура говорит: я эти страны... поработил' (Кологран, стк. 1—3); ^mIš-pu-ú-i-ni-še a-li-e ^mSar-du-ri-e-ḥi-ni i-e-še ^mMe-nu-ú-a-še ^mIš-pu-ù-i-ni-e-ḥi-ni-še ^mI-ḥu-uš-pu-a-še ^mMe-nu-ù-a-ḥi-ni-še ^dHal-di-e-i su-si-i-e ši-i-di-iš-tu-še 'Ишпуин говорит: потомки Сардура, я, Менуа сын Ишпуина, Инушпуа сын Менуи бога Халда сооружение воздвигли (Corpus, 11, стк. 2—6, 18—22, 34—38), ср. также в заклинательном тексте: a-lu-še ú-li-še ti-i-ú-li-i-e i-e-še i-ni ri-li a-gu-bi 'кто другой скажет: я этот канал провел' (Corpus, 47, стк. 15—18 и др.).

Глаголы во всех приведенных примерах поставлены в 1-м лице (a-gu-bi 'провел-я-его' и др.), тем не менее, при уже ясно указанном действующем лице, все же оно повторено отдельно поставленным личным местоимением (ieše). В этих фразах подчеркивается приписывание именно себе данного деяния, чем и оправдывается помещение означенного местоимения: i-e-še i-ni

GIŠ-ul-di-e te-ru-bi 'я этот виноградник установил (разбил)' (Звартноц, стк. 10—11).

Такие переходные глаголы с 1-м действующим лицом обращают на себя внимание тем, что стоящее при них подлежащее, выраженное личным местоимением, расходится своим грамматическим оформлением с подлежащим, стоящим при тех же глаголах в 3-м лице, чем вносится существенное уточнение в понимание особенностей эргативного строя предложений биайнского языка. Хотя это личное местоимение (ieše) оканчивается на -še, все же возникает серьезное сомнение в том, что данное местоимение стоит в эргативном падеже. Не устраняется возможность того, что конечный слог -še входит в основу самого местоимения, возможно, равным образом, в его усеченном чтении одним согласным -š (-s). За это говорит также и то, что без такого слогового знака (-še) местоимение 1-го лица в клинописных текстах не прослеживается. При таком понимании грамматической формы местоимения ieš(e) оказывается, что местоимение 1-го лица, выступая подлежащим, не получает падежного окончания эргатива и что эргативная конструкция биайнского языка обуславливает постановку подлежащего в эргативном падеже только при 3-м лице переходного глагола.

Таким образом, окончанием эргативного падежа в биайнском языке выступает -š(e), сохраняющее эту грамматическую форму в обоих числах. Эргативный падеж выступает падежом подлежащего при переходных глаголах во всех временах при действии 3-го лица.

Винительный падеж. При действии эргативной конструкции во всех временах биайнского переходного глагола прямое дополнение, в строгом соответствии с правилами эргативного построения предложения, ставится в именительном падеже, ср.: ^aŠiuiⁿⁱ ^mMenuaše ^mIšpuⁿⁱieḫⁿⁱieše inⁱ ABNU-pul^usi kug^uni 'богу Шиуини Менуа сын Ишпуина эту стелу-надпись (inⁱ ABNU-pul^usi) начертал' (Corpus, 85, стк. 1—3). В связи с этим, встречающееся оформление имен существительных на ni, ср. kar^uni MÂTU Eti^uni-ni 'покорил страну Этиуни' (Ник. VI,

стк. 2), не может рассматриваться как окончание винительного падежа (Г. Капанцян, Б. Грозный, И. Фридрих). Суффикс -*ni*, как отмечалось выше, используется для выделения особо значимых собственных имен, стоящих в именительном падеже. Винительного падежа в языке биайнской клинописи нет.

Родительный падеж. Окончанием родительного падежа служит гласный -*i*, дифтонгизированный в -*ei* (-*eu*) при основах имени на -*i* и сокращаемый в этом своем дифтонгизированном звуке до одного гласного -*e*. Первая из этих разновидностей окончания родительного падежа чаще выступает в именах с основой на -*a*, ср.: ^mMenua-*i* pili tini 'Менуи канал[его] имя' (Corpus, 46, стк. 3 и др.); ^mRusaa-*i* ÂLU TUR Русы городок' (Маку, стк. 7). Дифтонгизированное -*ei* обычно 'выступает в именах с основой на -*i*, ср.: ^mMenua-*ini-ei* 'Менуевой' (Corpus, 57, стк. 1,4), где то же собственное имя, стоящее в притяжательной форме на -*ini*, получает основу с конечным гласным -*i*, ср. также надпись на щите Аргиштия: ^mArgišti-*ni-i* urišḫusi-*ni-ei* ^mMenua-ḫini-*ei* ini aše 'Аргиштиевой крепости сына Менуи этот щит' (Кар.-Бл. II, стр. 51),¹ ^dḪaldi-*ei* susi šidištuni 'бога Халда сооружение воздвиг' (Corpus, 16, стк. 2,7); ^dḪaldi-*ei* ÂLU 'бога Халда город' (Нор-Баязет, стк. 6). То же падежное окончание усекается в своем написании до одного гласного -*e*, ср.: ŠAR MÂTU Biaina-*e* 'царь страны Биайны' (Corpus, 47, стк. 7); alusi ÂLU Tušpa-*e* patari-*e* властитель Тушпы-града' (Corpus, 49, стк. 9—10).

Различную передачу дифтонга -*ei*, полностью и усечением одного из составляющих его гласных, можно отметить не только в падежных окончаниях, но и в основах отдельных слов, например, в написании слова *gi-e-i*, *gi-i*, *gi-e* 'источник, водохранилище', где основа, оканчивающаяся на -*ei*, получает все три указанные разновидности своей передачи клинописными знаками (-*e-i*: -*i*; -*e*):*ú-i* *gi-e-i* iš-ti-ni ši-da-*ú-ri* 'не было источ-

¹ Б. Б. Пиотровский не без основания видит в *urišḫusini* субстантивированное прилагательное, возводимое к *BÎTU* (Ê) *urišḫi* 'дом оружия (арсенал, крепость)', отсюда *urišḫusi-(i)ni* 'оружейный, дом вооруженный, крепость' (Кар.-Бл. II, стр. 55, 63).

ника там устроено' (Маку, стк. 4—5); ú-i gi-i iš-ti-ni ši-da-ú-ri (Ник. IX, стк. 7); ^mMe-i-nu-ú-a-še ^mIš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še i-ni-i gi-e za-du-ni 'Менуа сын Ишпуина это водохранилище сделал' (Corpus, 71, стк. 2—4).

Можно полагать, что и в падежных окончаниях имели место те же варианты передачи в письме одного и того же суффикса, сводимого к его полной форме -еу, графически представленного знаками -e-i и отдельно одним из них, на что до известной степени влияла исходная огласовка основы склоняемого слова: ^mArgišti-ei ^mSarduri-ei tini 'Аргиштия[и] Сардура имя' (ИАК, 37, стк. 11—12); ^mMeinua-i GIŠ-uldie tini 'Менуи виноградник[его] имя' (Corpus, 56, стк. 14—15); terubi tini ^dTEIŠEBA-i ÂLU 'установил имя Тейшебы город' (Кологран, стк. 17—18); teruni ^dḪaldi-i patari tini 'установил бога Халда город имя' (Corpus, 56, стк. 10—11). Имеются некоторые основания усматривать тот же суффикс -е в притяжательном оформлении изафета, ср. приведенный выше пример: ^dḪaldi-ei susi-e 'бога Халда сооружение' (Corpus, 11, стк. 6, 22, 38), где само имя божества поставлено в родительном падеже (-ei), а слово, обозначающее предназначенное ему сооружение (susi-e) получило относящийся к нему же притяжательный суффикс (-e): 'бога Халда сооружение-его'.

Названный притяжательный суффикс сближается по своему значению с падежным окончанием, ср.: karuni ŠARRU ^mEriaḫi (MÂTU) ebanī-e 'покорил царя Эраха страны' (Сард. лет. С, стк. 20); ^mKuštašpili ŠARRU MÂTU Qumaḫalḫie 'Кушташпили царь Кумуха' (там же Е, стк. 41); ŠAR MÂTU Biaina-e 'царь Биайны' (Corpus, 34, стк. 5). В последнем своем написании (-e) окончание родительного падежа графически совпадает с окончанием дательного падежа, в чтении же этого окончания различие, вероятно, имелось, так как в -е родительного падежа можно видеть передачу в письме того же дифтонгизированного звука -e-i.

Во множественном числе тот же гласный -е предваряется гласным -у, в котором можно усмотреть графическую передачу билабиального -w. Окончание родительного падежа множест-

венного числа *-ue (-we)* не получает дальнейших вариантов, ср.: *ŠAR MÂTU Biaina-ue ŠAR er(i)ela-ue* 'царь страны, Биайн, царь царей' (Corpus, 64—65, стк. 6). Название страны, воспринимаемой как конгломерат областей, входящих в ее состав, стоит во множественном числе, ср. в направительном падеже: *ILU^{meš} -ašte MÂTU Biaina-ašte* [я обратился] к богам стран Биайн'. Перечень этих богов дается в надписи Мхер-Капуси (Corpus, 18), где упоминаются как единичные боги, так и они же по отдельным областям и городам.

То же название страны ставится иногда и в родительном падеже единственного числа, ср.: *ŠAR MÂTU Biaina-ue* (Corpus, 31, стк. 20); *ŠAR MÂTU Biaina-e* (Corpus, 34, стк. 5). Постановка этого названия страны в разных числах выступает также и в направительном падеже, ср.: *'aše SAL-lutu ragubi MÂTU Biaina-idi* 'мужчин и женщин увел я в страну Биайну' (Сард. лет. В, стк. 18—19); *ḫutiadi, ^dḪaldi-edi BÊLU-di ^dADAD-di ^dŠAMAŠ-di ILU^{meš}-ašte MÂTU Biaina-ašte* 'я обратился к богу Халду владыке, богу грозы, богу солнца, к богам стран Биайн' (Сард. лет. Е, стк. 44—45). Ясное противопоставление окончаний направительного падежа *-(e)di* в единственном числе и *-ašte* во множественном указывает на то, что и в формах родительного падежа имеется такое же различие по числам: *MÂTU Biaina-e, MÂTU Biaina-ue*.

Проведенный обзор разновидностей окончаний родительного падежа дает основание считать основной его формой в единственном числе дифтонгизированное *-eu*, которое графически передается как парною огласовкою (*e-i*), так и усеченным написанием одного гласного *-e, -i*. Во множественном числе выступает падежное окончание *-ue (-we)*.

Дательный падеж. Окончанием падежа выступает гласный *-e*, ср.: *^dḪaldi-e euri-e* 'богу Халду владыке' (Corpus, 70 и др.). При близости в биайнском языке гласных *-e, -i* и в связи с особенностями передачи в письме дифтонгизированного окончания родительного падежа *-ei* получается совпадение форм дательного падежа с родительным. Возможно, что такое совпадение выступает лишь в графике. Имена, оканчи-

вающиеся на -а, не получают данного падежного окончания и остаются с неоформленной основой: a-ru-ni ^dHal-di-i-še ^mMe-ni-ú-a 'дал бог Халд Менуе' (Corpus, 21; Ник. I, стк. 11); ^dA-na-ar-ša-a 'богу Анапша' (в перечне богов, которым приносятся жертвы; надпись Мхер-Капуси, стк. 7, 40).

Формы дательного падежа во множественном числе установить с полной ясностью не удастся. Допустимость совпадения его и здесь с родительным падежом множественного числа на -ие нуждается в подтверждении. В доказательство такого совпадения названных падежей во множественном числе приводится перечень имен богов в надписи Мхер-Капуси (Corpus, 18, Мелик., 27), в которой исчисляются жертвы, приносимые каждому из них. Их имена стоят в дательном падеже, ср.: столько-то жертв богу Халду (^dHal-di-e; стк. 3—4), богу Хутуину (^dHu-tú-i-ni-e; стк. 5), богу Турану (^dTú-ra-ni-i-e; стк. 5), богу Уа (^dU-a; стк. 6), богу Анапша (^dA-na-ar-ša-a; стк. 7) и др. Все эти имена стоят в дательном падеже единственного числа (на -е), не получая падежного окончания, когда основа их оканчивается гласным -а. Тут же стоят имена богов на -ие: ^dHal-di-na-ú-e (стк. 13, 16), ^dSu-i-ni-na-ú-e (стк. 19), ^dAr-tú-'a-ar-sa-ú-e (стк. 54), ^dU-a-i-na-ú-e (стк. 20) и др. Такую же грамматическую форму получают упоминаемые здесь же географические названия Алгани (^šĀDU Al-ga-ni-na-ú-e; стк. 18), Бабана (^šĀDU Ba-ba-na-ú-e; стк. 20), городов Ардини (^âLU Ar-di-ni-na-ú-e; стк. 14), Тушпы (^âLU Tu-uš-ra-ni-na-ú-e; стк. 14) и т. д.

В числе тех, кому приносятся жертвы, упоминаются не только боги, но также страны и города. Поэтому, наряду с богами всей Биайны, перечисляются боги — покровители отдельных населенных пунктов и сами последние, названия которых в связи с этим могут стоять не в дательном, а в родительном падеже. Все эти наименования стран и городов образованы от основы, осложненной суффиксом -(i)на. Они же встречаются в надписях и без него; так, Алгани (^šĀDU Al-ga-ni) упоминается в летописи Аргиштия (Sause. XL, стк. 36), город Ардини (Мусасир) упоминается в Келишинской билингве,

город Тушпа хорошо известен в своем обычном написании $\hat{A}LU$ Tu-uš-ra-a $\hat{A}LU$. Эти же названия в надписи Мхер-Капуси выступают в указанной более сложной форме, придающей им особое значение. Сама грамматическая форма может быть понята как состоящая из притяжательного суффикса $-(i)ni$, оканчивающегося суффиксом места $(-a)$: $\hat{A}LU$ Tušrap-in-a 'принадлежащие Тушпе места, районы города Тушпы', $\check{S}\hat{A}DU$ Alganī-na 'районы Алгани', ALU Ardini-na 'районы города Ардини'. Этим и оправдывается постановка их во множественном числе: $\hat{A}LU$ Tušrap-ina-ue, $\check{S}\hat{A}DU$ Alganī-na-ue, $\hat{A}LU$ Ardini-na-ue и т. д.

С таким же суффиксом выступают имена некоторых богов, стоящие с тем же падежным окончанием множественного числа $(-ue)$, например: ${}^dHaldi-na-ue$, ${}^dSuini-na-ue$, ${}^dUa-ina-ue$, ср. их же имена без данного суффикса: ${}^dHaldi-e$ (стк. 3), ${}^dU-a$ (стк. 6). Указанные выше производные от них формы могут быть поняты как заканчивающиеся таким же суффиксом принадлежности и места $-(i)na$. Ими обозначаются связанные с богами-покровителями населенные пункты. Так, с именем бога Тушпа (${}^dTú-uš-ri-e-a$; стк. 21) стоит в тесной связи наименование биайнской столицы города Тушпы ($\hat{A}LU$ Tú-uš-ra-a-e ra-a-ta-gi-e (Corpus, 49, стк. 12) и производное от него $\hat{A}LU$ Tú-uš-ra-ni-na-ú-e (стк. 14). Названия этих населенных пунктов снабжены соответствующими детерминативами страны и города, чем свидетельствуется, что имя бога, получив суффикс $-(i)na$, уже означает географическое название определенной местности. Но эти же названия не отрываются окончательно от своих теофорных покровителей, которым и приносится сама жертва. Поэтому такие названия мест могут сохранять детерминатив, соответствующий имени божества, ср.: dUa 'бог Уа', ${}^dUa-ina-ue$ 'бога Уа местность (Уаина)', dHaldi 'бог Халд', ${}^dHaldi-na-ue$ 'бога Халда местность'.¹ Эти имена и снабжаются падежным окончанием $-ue$, значение которого как показателя дательного падежа во множественном числе остается спорным.

¹ См. о том же: Леманн-Гаупт. Corpus, стр. 152—154. Возражения И. Фридриха см.: Einführung..., стр. 13, 30.

Не возбуждает сомнения суффикс дательного падежа единственного числа -e, оформляющий имена за исключением оканчивающихся на -a, не получающих падежного окончания.

Направительный падеж. Суффиксами падежа выступает -edi с разновидностью огласовки -idi и усечением первого гласного -di. Все три указанные написания встречаются иногда при постановке в этом падеже не только слов с одинаковым исходным гласным, но даже одного и того же слова, ср. название страны: *Viaina-idi* *Viaina-di* (Сард. лет. В, стк. 19, 35).

Слова с основой на -i обычно получают окончание -edi: *ebani-edi* 'в страну', ^d*Ḥaldi-edi* 'к Халду', *MÂTU Etiuni-edi* 'в страну Этиуни'. Такое же окончание получают имена на -u: *MÂTU Buštu-edi* 'в страну Бушту' (Хорхор; Sause, XL, стк. 53). Имена с гласным исходом -a снабжаются в большинстве случаев падежным суффиксом -idi, ср.: *MÂTU Mana-idi* (Corpus, 19 об., стк. 2); *MÂTU Viaina-idi*, но встречаются также имена с тем же гласным исходом, имеющие окончание -edi: *ÂLU Meišta-edi* (Corpus, 15 об., стк. 11); *MÂTU Etiuhina-edi* (Corpus, 13 об., стк. 7), и даже усеченное падежное окончание -di: *MÂTU Viaina-di* (Сард. лет. В, стк. 35). Одно и то же слово *qîura* (*qîra*) 'земля', 'преисподня' имеет в надписи из Звартноца окончание -idi: *qîura-idi* (стк. 46), а в Келишинской билингве окончание -edi: *qîra-edi* (стк. 41).

Все три варианта падежного окончания -edi, -idi, -di, при допустимости их свободного использования в одном и том же слове (ср. различные написания имени страны Биайны в направительном падеже, слова *qîura* в том же падеже и др.) указывают на тождество или во всяком случае близость их произношения при различном графическом изображении. Имеются основания предполагать, что все приведенные написания данного падежного окончания передают его фонетическую сторону весьма приблизительно. Более полное его чтение может быть усмотрено в таких сочетаниях клинописных знаков, как *e-ba-ni-gi-di*: *uš-ta-a-di* *MÂTU* *Ba-bi-lu-ni-e* (*MÂTU*) *e-ba-ni-gi-di* *ḥa-ú-bi* *MÂTU* *Ba-bi-lu-u* *MÂTU* *e-ba-a-ni* 'я выступил в Бабилу страну, захватил Бабилу страну'

(Сард. лет. А, стк. 4—5). Основа слова ebanī ‘страна’ отделяется от падежного окончания *-idi* вклинившимся согласным *-g*. Этот дополнительный звук не может относиться к основе слова, встречаясь только при его постановке в направительном падеже.

Отсюда легко прийти к выводу, что в сочетании клинописных знаков *gi-di* передается более полная форма рассматриваемого падежного окончания, в которой представлен наличный в этом окончании начальный спирант (*-hidi*), для передачи которого не имелось соответствующего знака клинописи, почему он или вовсе опускался в письме, или же изображался более близким из числа остальных знаком *-gi* (*-gidi*, *-hidi*). Этот спирант, выступая в произношении, встретил затруднения в его письменной передаче, чем и объясняется различное написание данного падежного окончания даже при одних и тех же словах. При таком объяснении состава окончания направительного падежа тождество его с окончанием 1-го лица единственного числа непереходного глагола *-di* оказывается лишь графическим совпадением.

Во множественном числе направительный падеж выступает в двух различных формах. По-видимому, более распространенным является помещение того же суффикса *-(i)di* в его отмеченных вариантах: *MĀTU Etiuhina-edi ŠARRU^{meš} -di* (Corpus, 13 об., стк. 7), где идеограмма царя, поставленная во множественном числе (*ŠARRU^{meš}*), снабжена тем же, что и в единственном числе, показателем падежа *-di*: ‘к этиунским царям’. При обращении к главным богам Биайны используется в том же значении другой суффикс *-ašte*: *hu-ti-a-di* ^dHal-di-e-di ^dADAD-di ^dŠAMAŠ-di *ILU^{meš}-aš-te* ‘я обратился к Халду, богу грозы [Тейшебе], богу солнца [Шиуини], богам’ (Ник. XXI, стк. 9—10). Идеограмма *ILU^{meš}* ‘боги’, стоящая с показателем множественного числа, получает падежное окончание *-ašte*, в отличие от единичных имен богов, где представлен тот же падеж в единственном числе *-(e)di*. С этой идеограммой согласуется название страны Биайны, когда в том же контексте говорится об обращении к богам этой страны:

hu-ti-a-di ^dHal-di-e-di BĒLU-d ^dADAD-di ^dŠAMAŠ-di ILU^{meš}-ašte MĀTU Bi-a-i-na-aš-te... 'к богам страны Биайны' (Сард. лет. E, стк. 4—5, 44—45). Определение и определяемое стоят здесь в одном и том же падеже: ILU^{meš}-ašte MĀTU Biaina-ašte. Значение этого падежа устанавливается тем самым не по названию страны, а по идеограмме богов ILU^{meš}-ašte (ср. предыдущий пример). Других примеров помещения показателя направительного падежа в этой его форме в точности проследить по надписям не удастся. Направительный падеж во множественном числе встречается исключительно редко.

Таким образом, более точно устанавливается окончание направительного падежа единственного числа, возводимое к полной форме -gidi (в чтении -hidi). Более распространенная его графическая передача -edi, -idi, -di- Во множественном числе выступает тот же суффикс. В отдельных случаях его заменяет суффикс -ašte.

Местный падеж. Выделяется условно. Его окончание -а в своем функциональном назначении продолжает оставаться спорным. И. Фридрих усматривает наличие данного падежа в таких словах, как gunuš-a 'в бою': ÂLU U-i-ta-ni ÂLU ŠARRU-ni-si... gu-ni-ša-a ħa-ú-bi 'город Уита(ни), город царский... в бою я захватил' (Сард. лет. E, стк. 49—50); esi-a 'на месте, в местности': ^{meš}BĒL RĀḤATĪ e-si-a te-ru-bi 'правителей на месте я установил' (Sayce, XLV, стк. 17); ŠARRU-tu-ħi-ni-na-a объясняется как состоящее из слова tuħini 'царство', поставленного в притяжательной форме tuħini-ini и в местном падеже tuħini-(i)n(i)-a.¹ Леманн-Гаупт включает тот же -а в состав суффикса -на, означающего городское поселение, как-то: Ĥaldi-na, Rusa-ħi-na 'Халдина, город Халда', 'Русахина, город Русы' (Corpus, стр. 152—154).

Наименования населенных пунктов передаются постановкою имени в родительном падеже: ^dĤaldi-ei ÂLU 'бога Халда город' (Нор-Баязет, стк. 6); ^mRusaa-i ÂLU TUR 'Русы городок

¹ I. Friedrich. Einführung..., стр. 13—14; ZA, NF, VI, стр. 277—285; Saecula, VII, стр. 72.

(Маку, стк. 7); ^dADAD-i (Teišeba-i) ÂLU 'Тейшебы город' (Кологран, стк. 18), или же именем с притяжательным суффиксом: ^mMenua-ḥini-li tini 'Менуахинили имя' (Ник. III, стк. 6); ÂLU ^dTeišeba-ini ÂLU 'Тейшебы город' (Кар.-Бл. II, стр. 63). Формы на -а встречаются, но значение их не вполне ясно: ^mRusa-ḥina-kai, ^mRusa-ḥina-idi; первое из них стоит с послелогом -kai 'пред', второе — в направительном падеже (Sauce, LXXIX, стк. 13, 29). Нет полной ясности и в самом анализе данной грамматической формы, в частности, нет уверенности в том, что в наименовании городов выделяется суффикс -на, а не один гласный -а, меняющий огласовку суффикса -ḥini, -ini, ср.: Rusa-ḥin-a-idi, Rusa-ḥi-na-idi. Графическая их передача слоговыми знаками требуемого уточнения не вносит. В Келишинской билингве имеются три разновидности написаний: ^dAldina BÂBU, ^dḤaldina-ni BÂBU, ^dḤaldini BÂBU (стк. 22, 29, 34). Все означенные разночтения получили в ассирийском тексте одинаковый перевод: ša ^dḤaldie (стк. 21, 28, 34).

Таким образом, грамматические формы на -а не могут считаться окончательно выясненными. Выделение местного падежа на -а, ср.: esi-a 'на месте' и др., вполне допустимо. Все же локальное его значение ставит вопрос о его связи с только что отмеченным суффиксом имен мест. Но последний выключается из числа падежных окончаний, так как в приведенном выше построении слова ^mRusa-ḥina-idi окончанием падежа выступает -idi (направительный падеж), при котором предшествующее -а не может быть суффиксом падежа.

Аблатив. Выступает в значении инструментального падежа, исходного и транслатива. Падежным его окончанием устанавливается суффикс -ni. Выделение названной падежной формы нуждается в более детальном рассмотрении тем более, что показатель -ni выступает в биайнской письменности в самых различных функциях. Эту форму в значении аблатива усматривают в таких словосочетаниях, как: ^dḤaldini-ni ušmaši-ni 'Хладовою мощью, мощью бога Халда', ^dḤaldini-ni bauši-ni 'Халдовым велением' (И. Фридрих).

В приведенных сложных построениях одинаковый по своей грамматической форме суффикс -ni получает разные значения. Так, в слове Haldinini ясно выделяется основа имени Haldi (в эргативном падеже — Haldi-še). Эта основа снабжена суффиксом -ni, притяжательное значение которого подтверждается рядом примеров, ср. часто встречающееся в надписях: Haldi-ni-li BĀVU-li 'Халдовы ворота', где перед показателем множественного числа -li поставлен суффикс, отмечающий принадлежность предмета определенному лицу (Haldi-ni). Повторное -ni (Haldi-ni-ni) должно иметь иное назначение и потому требует особого объяснения.

По своему местоположению вторичное -ni может быть понято как падежное окончание, лишь по форме совпадающее с предшествующим -ni. Видеть в нем „двойной винительный падеж“ (-ni-ni),¹ при единичном винительном падеже (-ni) не приходится, так как при эргативном строе предложения в биайнском языке винительный падеж отсутствует. Его функции выполняет именительный падеж, который может получать суффикс -ni в тех отдельных случаях, когда особо отмечаются стоящие в этом падеже собственные имена (uštabe ^mMenua-ni 'выступил Менуа'). Но в сочетании слов Haldinini ušmašini названное окончание (-ni) стоит при обоих словах, а не при одном только имени бога Халда. Кроме того, контекст, в котором используются эти слова, не дает основания считать их стоящими в именительном падеже. С этих слов нередко начинается повествовательный текст: ^dHaldi-ni-ni ušmaši-ni ^mSarduri-še ^mArgištiḫini-še alie (Сард. лет. F, стк. 1).

В приведенном контексте последние слова 'Сардур сын Аргиштия говорит' предваряются упомянутыми двумя словами, образуя вместе одно синтаксически связанное целое, после которого следует речь самого царя. Эти два слова не стоят в именительном падеже, но они же не стоят и в дательном. Мои попытки усмотреть здесь дательный падеж 'богу Халду могущественному Сардур говорит' не оправдываются, так как

¹ См. И. Фридрих. *Caucasian*, VIII, стр. 132.

остается не выявленным притяжательное значение первого суффикса *-ni* в имени бога Халда.¹ Кроме того, те же два слова в том же их оформлении встречаются в таких контекстах, в которых постановка дательного падежа вызывает сомнение: ^dḤaldinini ušmašini uštabe ^mMenuani ^mIšpuinieḥe ḥauni ^{ĀLU}Šebeteriani (MĀTU) ebanie'... выступил Менуа сын Ишпуина, захватил страну города Шебетериани' (Corpus, 31, стк. 6—8). К тому же, окончанием дательного падежа в биайнском языке выступает гласный *-e*, точно устанавливаемый такими формами: как: ^dḤaldi-e euri-e 'богу Халду владыке'. Эти же слова, стоящие в дательном падеже, могут занимать место рядом с анализируемым нами словосочетанием: ^dḤaldinini ušmašini ^dḤaldie eurie ^mMeinuaše ^mIšpuiniḥiniše ini ABNU-pulusi kuguni '... богу Халду владыке Менуа сын Ишпуина эту стелу-надпись начертал' (Corpus, 33, стк. 13—20).

Из этих сопоставлений с полной очевидностью вытекает, что первые два слова не могут стоять в дательном падеже. Следовательно, суффикс *-ni* в ^dḤaldini-ni ušmaši-ni взят для передачи другой грамматической формы, в которой и усматривается окончание аблатива. Основанием для этого служит сам контекст и его грамматический разбор, а также анализ наличных грамматических форм, используемых для построения отдельных слов. Так, притяжательное оформление имени Халда обращает это имя в определение к последующему слову, с которым оно и согласуется общим для них падежным окончанием. Ведущим словом в этом словосочетании остается *ušmašini*, образованное от существительного *ušmaše* 'мощь, сила', хорошо известного по другим надписям, ср.: *uš-ta-a-še-e* (Кар.-Бл. II, стр. 52). От существительного *ušmaše* получена падежная форма с изменением гласного исхода самой основы. Отсюда можно прийти к заключению, что суффиксом падежа выступает *-ni* с предшествующим гласным звуком, влияющим на огласовку слова, ср.: *ušmaše* 'мощь' — *ušmašini*; *baūše* 'слово, великие' — *baūšini*; *meše* 'дань' — *mešini*; *alsuiše*

¹ Халдская надпись из Нор-Баязета. ДАН, 1928 г., стр. 171.

‘величие’ — *alsuišini* и др. Возможно, что окончанием падежа является *-ini*, вызывающее усечение огласовки склоняемого слова. Не устраняется также возможность переогласовки основы под влиянием присоединения падежного окончания *-ni* к словам, оканчивающимся на гласный *-e*. Тем самым данное падежное окончание, осложненное в своем фонетическом чтении, выделяется среди других, утрачивая тождество с суффиксом именительного падежа *-ni*, несмотря на формальное с ним совпадение.

Приведенные словосочетания, при невозможности видеть в них дательный падеж, поддаются переводу как стоящие в аблативе: ^d*Haldini-ni bauši-ni* ‘бога Халда велением’, ^d*Haldini-ni ušmaši-ni* ‘бога Халда мощью’ и т. д., ср.: ^d*Hal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-ni* ^m*Me-i-nu-ú-a-še* ^m*Iš-pu-ú-i-ni-ḥi-ni-še* ^d*Hal-di-e e-ú-ri-i-e i-ni* *ABNU* *pu-lu-ú-si-e ku-gu-i-ú-ni* ‘мощью (силою) бога Халда Менуа сын Ишпуина богу Халду владыке эту стелу-надпись начертал’ (*Corpus*, 93, стк. 1—6); ^d*Hal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni* ^d*E-li-ir-ú-ri-e* ^m*Me-i-nu-ú-a-še* ^m*Iš-pu-u-i-ni-ḥi-ni-še* *i-ni pu-lu-si ku-gu-ni* ‘мощью бога Халда богу Елипури Менуа сын Ишпуина эту надпись начертал’ (*Corpus*, 92, стк. 1—5); ^d*Hal-di-ni-ni ba-ú-si-ni* ^m*Ar-gi-iš-ti-še* ^m*Me-nu-a-ḥi-ni-še a-li-e* ‘велением (по велению) бога Халда Аргишти сын Менуи говорит’ (*Кар.-Бл.* II, стр. 52); ^d*Hal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni* ^m*Ru-sa-še*, ^m*SAR-du-ri-ḥi-ni-še a-li ŠARRU MÂTU* *U-e-li-ku-ḥi ka-ru-bi* ‘мощью бога Халда Руса сын Сардура говорит: царя страны Уеликухи я покорил’ (*Нор-Баязет*, стк. 1—3); ^d*Hal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni* ^m*Me-nu-a-še* ^m*Iš-pu-ú-i-ni-ḥi-ni-še* *i-ni pi-li a-gu-ni* ^m*Me-nu-a-i pi-li ti-i-ni* ^d*Hal-di-ni-ni al-su-(i)-ši-ni* ^m*Me-nu-a-ni ŠARRU DAN. NU ŠARRU al-su-i-ni ŠAR MÂTU* *Bi-a-i-na-e a-lu-ú-si ÂLU Tú-uš-ra-e ÂLU* ‘мощью бога Халда Менуа сын Ишпуина этот канал провел, Менуи канал имя [его]. Величием бога Халда Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Биайны, властитель города Тушпы’ (*Corpus*, 34, 35, стк. 1—6).¹

¹Перевод И. Фридриха см.: *Einführung . . .*, стр. 40—41.

В конце последнего из приведенных текстов стоит имя царя в именительном падеже: ^mMenua-ni, в отличие от предыдущих слов, поставленных в аблативе ^dHaldin-i-ni alsuiš-i-ni. Последнее слово имеет форму именительного падежа: alsuiše. Гласный исход основы этого слова, при образовании аблатива, отпал или подчинился переогласовке, ср. в именительном падеже: al-su-i-še-e (Corpus, 84, стк. 7), в аблативе: al-su-i-ši-ni (Corpus, 59, стк. 5). От той же основы образуется прилагательное al-su-i-ni, стоящее в именительном падеже 'великий'. В нем -ni выступает словообразующим суффиксом, так же как и -še в именах существительных: alsui-še 'величие', alsui-ni 'великий', ср. также: ŠARRU-ni ÂLU Pu-i-ni-al-ḥi AMÊLU bu-ra aš-tú-bi me-ši-ni pi-i 'a-al-du-bi me-e-še ^mSARDURI-e a-ri-e-de 'царя города Пуиниалхи я подчинил, данью обложил, дань Сардуре пусть дает' (Сард. лет. А, стк. 17—18). В этом тексте стоит слово meše 'дань' в именительном падеже и оно же в аблативе: meš-i-ni. В дательном падеже поставлено имя Сардура (Sarduri-e).

Приведенные данные могут служить основанием для выделения в биайнском языке особого инструментально-исходного падежа (аблатива) с его суффиксом -ini, -ni в единственном числе. Формы этого падежа во множественном числе не прослеживаются.

ПАРАДИГМА СКЛОНЕНИЯ ИМЕН

Та же парадигма склонения прослеживается в именах существительных, прилагательных и местоимениях. В прилагательных общность падежных окончаний объясняется согласованием определения с определяемым словом, ср.: alusini-ni alsuiši-ni 'властительным величием' (Сард. лет. F, стк. 3). От имени существительного alusi 'властитель, правитель, князь' образовано прилагательное alusini, поставленное в аблативе по согласованию с alsuiši-ni 'величием'. Ср. также в местоимениях: ini pulusi 'эта надпись' [оба слова стоят в именительном (неоформленном) падеже]; ini-li eḫani-li 'эти страны'

(и то и другое слово снабжены одним и тем же показателем множественного числа -li); aluše uliše tiulie 'кто другой скажет' (alu-še, uli-še стоят в эргативном падеже); aluše ulie inili dulia 'кто другому это сделает' (uli-е поставлено в дательном падеже, inili-li стоит с общим для всех имен показателем множественного числа -li 'эти — деяния').

Именительный падеж. Неоформленная основа слова. Падеж подлежащего при непереходном глаголе и прямого дополнения при переходном. Собственные имена, особо выделяемые в тексте, снабжаются суффиксом -ni. Во множественном числе именительный падеж получает показатель множественности -li.

Эргативный падеж. Окончание -š(e). Падеж подлежащего при переходном глаголе. Во множественном числе сохраняет ту же форму.

Родительный падеж. Окончание -ei, передающее дифтонгизированный звук, представляемый в письме также одиночными гласными -e, -i. Падеж определения и косвенного дополнения. Во множественном числе окончание -ue (-we).

Дательный падеж. Окончание -e, в графической передаче может совпадать с окончанием родительного падежа. В именах с гласным исходом -a падежное окончание отпадает. Падеж косвенного дополнения. Формы дательного падежа во множественном числе не ясны.

Направительный падеж. Полное его окончание -hidi, графически -gidi, чаще -edi, -idi, -di. Падеж направленности действия на предмет. Во множественном числе сохраняется та же падежная форма. При перечне богов встречается особая форма множественного числа -ašte.

Местный падеж. Его окончание -a выделяется по единичным примерам и нуждается в уточнении.

Аблатив. Окончание -(i)ni. Падеж выступает в значениях инструментального, исходного и транслатива. Формы множественного числа не прослежены.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН

Основа на -i (esi 'место' ebani 'страна')	Основа на -a	Основа на -e (meše 'дань')	Множеств. число
Им. Ҳалди esi Ҳалди-ni	Menua Menua-ni	meše	ebani-li
Эрг. Ҳалди-š(e)	Menua-š(e)		ŠARRU ^{meš} -š(e)
Род. Ҳалди-ei	Menua-i		ŠARRU ^{meš} -ue (eriela-ue) Biaina-ue
Дат. Ҳалди-e	Biaina-e Menua		
Напр. Ҳалди-edi ebani-gidi ebani-edi Uelikuni-gidi	Mana-idi Biaina-idi Biaina-di		ŠARRU ^{meš} -di ILU ^{meš} -ašte Biaina-ašte
Мест. Ҳалди-a (?), esi-a			
Абл. Ҳалдини-ni, esi-ni		meši-ni	

ОФОРМЛЕНИЕ ИМЕН И ГЛАГОЛОВ

Близость именных и глагольных форм в биайнском языке отмечалась неоднократно, но исследователи, шедшие в этом направлении, не выходили за пределы самого клинообразного письма и ограничивались сопоставлением именных и глагольных суффиксов в их графическом изображении. Анализа самих суффиксов не проводилось. По этому пути шел и я в своих халдоведных работах. Между тем многие из сравниваемых грамматических форм получают сходение лишь в графике.

Наиболее распространенными и в то же время выступающими в различных значениях оказываются суффиксы -ni, -li, -di. Первый из них оформляет: 1) именительный падеж собственных имен, особо выделяемых в текстах надписей: uštabi ^mMe-nua-ni 'выступил Менуа'; 2) аблатив: 'aaldubi meši-ni ri-i 'обложил данью'; 3) притяжательные построения имен, ср. во множественном числе: ^dḤaldi-ni-li BÂBU 'Халдовы ворота, ворота бога Халда'; 4) производные от имен прилагательные, ср.: alusi-ni 'властительный, властный', образованное от имени существительного alusi 'правитель, властитель'; 5) переходный глагол в 3-м лице единственного числа аориста: kaḡu-ni 'покорил-он'. Суффикс -li, равным образом, встречается в нескольких значениях: 1) окончания множественного числа имен в именительном падеже: ini-li ebanī-li 'эти страны'; 2) глагольного окончания во множественном числе: pupa-li 'пришли-они', zadu-li 'сделал-их'; 3) показателя времени (аспекта) в глаголах же, ср.: tiu-li 'скажет' (пермансив). Суффикс -di используется для выражения: 1) направительного падежа имен, ср.: MÂTU

Viaina-di 'в страну Биайну'; 2) 1-го лица в спряжении непереходного глагола в аористе: ušta-di 'выступил-я'.

Схождение приведенных именных и глагольных форм сводится в большинстве случаев к сходству, их передачи одними и теми же клинописными знаками. Лишь немногие именные и глагольные суффиксы оказываются действительно общими не только в их написании тождественными слоговыми знаками. Таковы объектный суффикс -ni и показатель множественности -li. Все остальные совпадения объясняются теми затруднениями в передаче фонетических оттенков, с которыми встретился писец, пользовавшийся ограниченным составом знаков силлабарного письма, заимствованного из семитического источника и не всегда отвечавшего произношению живой несемитической речи.

Общим для имени и глагола оказывается показатель множественности -li, выступающий в именительном падеже имен существительных, прилагательных и местоимений: ini-li ebani-li 'эти страны' (Кологран, стк. 2); inani-li arniušini-li I MU zadubi 'те деяния в один год я совершил' (Сард. лет. E, стк. 35). Оформляя действующее лицо в непереходных глаголах и предмет действия в переходных, этот суффикс используется в том же значении и в глагольных окончаниях аориста, где он выступает в 3-м лице множественного числа непереходного глагола и в том же числе предмета действия переходного глагола, ср. в непереходных глаголах: nuna-li ^mIšruinini | ^mSARDureḫe ... ^mMenua ^mIšruiniḫe 'пришли-они Ишпуин сын Сардура ... Менуа сын Ишпуина' (Келишин, стк. 2—5). В переходных глаголах тот же суффикс, обозначая множественность объекта, выступает при 1-м действующем лице единственного числа и 3-м действующем лице множественного числа: ^mRusaše ^mSARDuriḫiniše alie ieše ini-li ebani-li ... bura aštu-li 'Руса сын Сардура говорит: я эти страны ... в подчинение привел-их' (Кологран, стк. 1—3); ^mArgištiše ali ... zadu-li arnišini-li DAN. NU ištini 'Аргишти говорит ... [я] завершил-их деяния могущественные здесь' (Арин-Берд, стк. 7—9, Кар.-Бл. II, стр. 52). При 3-м действующем лице множественного числа:

^mIšpuiniše ... ^mMenuaše ... ini-li BĀBU^{meš} za-tu-li 'Ишпуин ... Менуа ... эти ворота сделали-они-их' (Corpus, 18, стк. 32—33); ikukani šali šišṭini kieidanu-li AMĒLU ḥuradinie-li MĀTU Eriaḥiniedi (MĀTU) ebani ḥa-itu ĀLU^{meš} ŠARĀPU ḥarḥarš-itu-li 'в тот самый год третий [я] повел-их войска в страну Эриахи. Страну захватили-они, города сожгли, разрушили-они-их' (Сард. лет. В, стк. 26—32).

В переходных глаголах множественность объекта действия, при 3-м лице субъекта единственного числа, обычно передается суффиксом -ali. Тем самым глагольное окончание здесь уже расходуется с именным: ini pulusi ^mMenuaše ^mIšpuiniḥiniše kugu-ni iu ^dḤaldini-li BĀBU šidištu-ali 'эту надпись Менуа сын Ишпуина начертал-ее, когда Халдовы ворота воздвиг-их' (Corpus, 56, стк. 2—7).

Суффикс -li оказывается, таким образом, общим для имен и глаголов лишь в трех случаях его использования, как-то: в именительном падеже имен (ebani-li 'страны'), в окончании 3-го лица множественного числа непереходного глагола (pu-pa-li 'пришли-они') и в объектной суффиксации переходного глагола при субъекте в 1-м лице единственного числа и 3-м лице множественного (zadu-li 'сделал-я-их', ḥarḥarš-itu-li 'разрушили-они-их'). Здесь выступает один и тот же суффикс множественного числа -li, оформляющий имена, лишённые падежных окончаний (именительный падеж) и согласуемые с ними в числе глаголы. Такое согласование происходит со словами, поставленными в именительном падеже, поэтому при переходных глаголах тот же суффикс получает объектное значение, сочетаясь со стоящим в этом падеже прямым дополнением эргативного строя предложения. При непереходных глаголах он же сохраняет субъектное значение, согласуясь с подлежащим. Во всех этих случаях выступает одна и та же грамматическая форма. Этим и ограничиваются схождения именных и вербальных построений на -li. Даже при 3-м лице единственного числа субъекта показатель множественности объекта в глаголе уже выделяется своей вербальной формой -ali: ^mMenuaše ... ^dḤaldini-li BĀBU-li šidištu-ali.

‘Менуа... Халдовы ворота воздвиг-их’ (Corpus, 66, стк. 2—4).

Что касается формы пермансива (-lie, -li), то она имеет совершенно иное происхождение, чем указанные выше показатели множественного числа (-li), и, очевидно, отличалась от них своим произношением. В пермансиве суффикс -li не связан ни с числом субъекта, ни с числом объекта ср. при единственном числе объекта и субъекта: aluše ini DUB. TE tu-lie ‘кто эту надпись уничтожит’; при множественном числе объекта; aluše aipie ini-li du-lie ‘кто для кого-либо эти [поступки] совершит’; при множественном числе субъекта: ^dHaldiše ^dADAD-še ^dŠAMAŠ-še ILU^{meg}-še ... ulu-lie ‘бог Халд, бог грозы, бог солнца, боги ... низвергнут’ (Corpus, 38, стк. 7—9). Здесь суффикс -li (-lie) выступает показателем времени (аспекта), а не лица и не числа. Кроме того, он же получает в своем изображении клинописными знаками различные написания: -li, -lie, -liie, ср.: a-lu-še ú-li-še ti-u-li (Corpus, 34, стк. 9); a-lu-še ú-li-še ti-ú-li-e (Corpus, 87-a, стк. 13); a-lu-še ú-li-še ti-ú-li-i-e (Corpus, 87-b, стк. 13) ‘кто другой скажет’.

Такими разными сочетаниями клинописных знаков передается одно и то же произношение данного суффикса, получающего различные написания иногда в одном и том же слове одного и того же контекста. В глаголах данный суффикс выступает в своей более полной форме -li-i-e, где второй знак -i уточняет огласовку предыдущего слогового знака -li, конечное же -e тем самым выделяется. Получается чтение -li-e, которое иногда в этом виде и передается в письме, ср.: ti-ú-li-e во втором примере. Обособленно стоит, казалось бы, начертание того же суффикса, сходное с показателем множественного числа, одним слоговым знаком -li, но и оно не противоречит проведенному анализу звукового состава данного временного показателя, так как сочетание двух гласных -ie образует дифтонг -ue, который мог в письме передаваться одним гласным -i, читавшимся с тем же дифтонгизированном звуком -ue. Такая передача дифтонгов одним гласным прослеживается в биайнской письменности по многим

другим примерам, ср.: *ku-ú-i-gu-ú-ni* (Corpus, 95, стк. 6,20), *ku-ú-gu-ú-ni* (Corpus, 56, стк. 5), *ku-gu-i-ú-ni* (Corpus, 93, стк. 15), и сокращенно: *ku-gu-ni* (Corpus, 92, стк. 5), в чтении во всех случаях *kuyhuni* с одним и тем же значением 'начертал'; *e-ba-ni-ú-ki-e-di*, *e-ba-ni-ú-ki-di* (Сард. лет. E, стк. 18, 24) 'в страну-мою', в чтении везде *ebaniukyedi*; в пермансиве глаголов: *ti-ú-li-i-e*, *ti-ú-li-e*, *ti-ú-li* 'скажет', в чтении *tiu-lye*. Наличие здесь дифтонга *-ye* подтверждается сопоставлением всех трех различных написаний одной и той же грамматической формы.

Таким образом, показатель пермансива *-lie*, *-li*, в чтении обоих написаний *-lye*, не имеет ничего общего с показателем множественного числа *-li* и может лишь графически совпадать с ним, когда передается одним слоговым знаком *-li*; ср. *a-lu-še a-i-ni-e-i i-ni-li du-li* 'кто для кого-либо эти [поступки] совершит' (Corpus, 34, стк. 8—9). Тут *ini-li du-li* 'эти совершит' получают одинаковое оформление. Ср. далее: *a-lu-še a-i-ni-i i-ni-li du-li-e* (Corpus, 38, стк. 5); *a-lu-še a-i-ni-e-i i-ni-li du-li-i-e* (Corpus, 87-b, стк. 11—12), где в тех же самых окончаниях получается расхождение и в графике: *ini-li du-lie*.

Следовательно, суффикс *-li* в именах и глаголах передает одну и ту же грамматическую форму, выступая показателем множественного числа в именительном падеже имен и в аористе глагола.

Еще более широкое совпадение в графике совершенно различных значений получает суффикс *-ni*. Одну общую для имен и глаголов грамматическую форму можно было бы усмотреть только в объектном показателе аориста переходного глагола *-ni* 'его', выступающем, возможно, также и в именных построениях в том же значении объектного показателя. Наиболее убедительным примером может служить отрывок из формулы проклятия: *aluš-ni tulie aluše pitulie* (Corpus, 29, стк. 6). В этом тексте имеется слоговой знак *-ni*, который может быть присоединен как к предшествующему местоимению, так и к последующему глаголу: *a-lu-uš-ni tu-li-e a-lu-še pi-tu-li-e*. Последнее отпадает, так как в заклинательных текстах

постоянно встречается глагол *tulie* без каких-либо префиксальных придатков. Присоединение же знака *-ni* к местоимению *aluše* оправдывается тем, что оно стоит в эргативном падеже, читавшемся одним согласным *-š*, ср.: ^dHal-diš-me ŠARRU-tuḥi aruni 'бог Халд-мне' царство даровал' (Сард. лет. G, стк. 2). В параллель к Hal-diš-me 'Халд мне' можно привести также и форму *aluš-ni* 'кто-его (ее)':¹ *aluš-ni tulie aluše pitulie* 'кто-его (ее) сотрет, кто повредит'.

Такая интерпретация данного текста оправдывается сопоставлением его с другими, как-то: *aluše ini DUB. TE pitulie aluše tulie* 'кто эту надпись повредит, кто сотрет' (Corpus, 31, стк. 22—23); *aluše ini DUB. TE tulie aluše pitulie* 'кто эту надпись сотрет, кто повредит' (Corpus, 34, стк. 7—8). Последний пример вскрывает значение *-ni* в разбираемом тексте: *aluš-ni tulie aluše pitulie*, где вместо *aluše ini DUB. TE* 'кто эту надпись' поставлено *aluš-ni* 'кто-ее', то есть 'эту надпись', о которой и идет речь в предыдущей строке: *DUB. TE terubi* 'надпись сделал' (стк. 5). Здесь можно видеть объектное значение суффикса *-ni* также и при именных формах. Другим, менее убедительным, примером может служить сочетание того же суффикса *-ni* со словом *mei*, если ему придавать значение соединительного союза 'и': *mei-ni* ^dHal-diše ^dADAD ^dŠAMAŠ *kulitu-ni* 'и-его бог Халд, бог грозы, бог солнца изничтожат-его' (Corpus, 13 об., стк. 30—31).

Остальные обычно приводимые примеры отпадают. Так, в тексте *aluše tini-ni tulie masie tini teli* 'кто имя-его сотрет, свое имя поставит' (Звартноц, стк. 38—40), слово *tini-ni*, получившее перевод 'имя-его', снабжено суффиксом, сближающимся по своему значению с притяжательными, а не объектными, каким тот же суффикс ясно выступает в вербальных формах: *karu-ni* 'покорил-его', *karu-ni MĀTU Etiunini* 'покорил-ее страну Этиуни' (Ник. VI, стк. 2). Приводятся еще такие формы, как *maḥini*, объясняемые как образованные от основы местоимения *ma* 'он' (ср.: *ma-sie* 'свое'), с добавлением двух аналогич-

¹ См.: Caucasia, VIII, стр. 132—143; ср.: Corpus, 29, где *-ni* отнесено к глаголу.

ных суффиксов -*ni*, толкуемых как двойной винительный падеж.¹

Предполагаемые окончания винительного падежа на -*ni* (*mani-ni* и др.), объектные по своему содержанию, сопоставляются с объектным глагольным окончанием -*ni*: *karu-ni* 'покорил-его'. Что в аористе переходного глагола -*ni* означает объект в его единственном числе, в отличие от множественного числа -*ali*, -*li*, в этом сомнения не возникает, но сопоставлять его с окончанием аккузатива не приходится, так как при эргативном строе предложения в биайнском языке винительный падеж отсутствует, в его функции используется именительный падеж. Следовательно, тут -*ni* не может иметь одного только объектного содержания. Между тем все рассуждения о связи вербальных и именных форм на -*ni* строятся на отождествлении глагольного суффикса с окончанием винительного падежа.

В этих построениях глагола и имен выступают значительные расхождения в значениях графически одинаково передаваемых суффиксов, может быть даже и одинаково произносимых. Так, в приведенном выше примере *karu-ni MÂTU Etiuni-ni* 'покорил я страну Этиуни' содержатся окончания имени и глагола, одинаково передаваемые слоговым знаком -*ni*. Название страны образовано от основы *Etiuni*, ср. в направлении падеже *Etiuni-edi: uštadi MÂTU Etiuni-edi* 'я выступил в страну Этиуни' (Сард. лет. А, стк. 13). К этой основе добавлен суффикс -*ni*, не имеющий специального объектного значения, так как название страны стоит в именительном падеже. Оно только в этом положении могло бы получать объектный показатель, так как именительный падеж при переходном глаголе оформляет прямое дополнение: *karu-ni MÂTU Etiuni-ni*. Но этот же именительный падеж, с тем же суффиксом -*ni*, оформляет также и действующее лицо, ср. при непереходном глаголе: *uštabe Menua-ni* 'выступил Менуа' (Corpus, 31, стк. 6—7).

Суффикс -*ni* здесь, в именах, оттеняет особо значимые наименования, поставленные в именительном падеже. Следова-

¹ Славянен, VII, стр. 56; VIII, стр. 132—133.

тельно он, сам по себе, не является падежным окончанием, тогда как в глаголе окончание *-ni* передает единственное число предмета действия, выступая личным показателем в объектном строе глагольного спряжения (окончание 3-го лица единственного числа), ср. в единственном числе: *karu-ni MÂTU Qumahaḥali MÂTU-ni tequ-ni* ^mSAR *duri-kai* 'покорил-ее страну Кумух, поверг-ее пред Сардуром' (Сард. лет. E, стк. 36—37); во множественном числе объекта: *karu-ali IV ŠARRU*^{meš} 'покорил-их четырех царей' (там же D, стк. 47). Таким образом, в данных построениях выступают грамматические формы, хотя и одинаково передаваемые, но совершенно различные по своему содержанию.

Еще значительнее расхождение между тем же глагольным суффиксом *-ni* и его именными параллелями поссесивного значения. В глаголах суффикс *-ni* везде остается объектным показателем и никогда не получает содержания притяжательного, тогда как в именах, напротив, он же широко применяется именно в последнем значении, обращаясь даже в словообразовательный суффикс имен прилагательных (ср.: *alusi* 'властитель', *alusi-ni* 'властительный, властный'). Кроме того, притяжательный суффикс в именах имеет ряд разночтений и сходится с глагольным лишь в своем усеченном начертании, восходя к иной, более сложной основе, которая иногда сокращается в письме до однослогового *-ni*, тогда как глагольный объектный показатель *-ni* иных вариантов в своем написании не получает. Отсюда можно прийти к выводу, что *-ni* в глагольных окончаниях и оно же в притяжательном оформлении имен совершенно различного происхождения.

Притяжательная суффиксация в именах, в отличие от глагольного *-ni*, выделяется более полной формой *-ini*, которая ясно выступает в основах на *-a*, ср.: ^mMenua-*ini*, в родительном падеже ^mMenua-*ini-ei* 'Менуевой' (Corpus, 57, стк. 1). По отдельным, реже встречающимся написаниям притяжательных суффиксов их можно свести к еще более полной форме с начальным спирантом *-h*¹ (*-hini*), который, за отсутствием соответствующего клинописного знака, передается заднеязыч-

ным -g, графически -gini, ср.: giššur-gini-kaini, где от существительного giššuri условно переводимого словом 'войско', образована притяжательная форма с послелогом -kai 'перед' — 'перед тем, что относится к войску, перед воинством, перед воинами' (Сард. лет. F, стк. 26).

Таким образом, притяжательный суффикс -hini, -ini, -ni отличается от глагольного суффикса -ni не только по своему содержанию, но и по форме. С глагольными сближаются, и то только в графике, те притяжательные суффиксы, которые присоединяются к именам на -i, ср. во множественном числе: Ḥaldi-ni-li BĀVU 'Халдовы ворота'; но и тут гласный исход основы на -i не лишает возможности чтения суффикса -ini, давшего в письме слияние гласных (Ḥal-di-ini).

Из всего сказанного следует, что глагольный объектный показатель -ni (ср.: karu-ni 'покорил-его') сближается с именными формами только при использовании в именах энклитического объектного же показателя (ср. -aluš-ni 'кто-его'), с притяжательными же формами расходится не только по своему содержанию, но и в самом чтении, что получило свое отражение также и в графике.

Другой суффикс, выступающий как в именах, так и в глаголах, -di, обязан своим схождением чисто графическим особенностям клинописи. Суффикс -di в именах служит окончанием направительного падежа единственного и множественного чисел и чаще передается в письме с гласным ^e/_i в начале (-edi, -idi). Стечение огласовок суффикса и основы слова могло образовывать дифтонгизированный звук, изображаемый в письме как парными гласными, так и первым из них, что при гласном исходе основ на -a приводит к написанию с полной передачей стекающихся звуков (... a-idi), равно как и одним гласным -a (... a-di), читавшихся одинаково -audi, ср.: Ḥaldi-edi 'к Халду', MĀTU Mana-idi 'в страну Мана', MĀTU Biaina-idi 'в страну Биайна', но также и MĀTU Biaina-di в том же значении. Можно полагать, что все приведенные различные написания одного и того же падежного окончания -edi, -idi, -di передают одинаковое произношение данного

суффикса, имевшего в начале спирантизованный звук *-hidi*, который, выступая в написании некоторых имен, представлен знаками *-gi-di*, ср.: *e-ba-ni-gi-di* (Сард. лет. А, стк. 5), при более часто встречающемся *a-ba-ni-e-di* 'в страну' (там же Е, стк. 49); *MĀTU U-e-li-ku-ni-gi-di* 'в страну Уеликуни' (там же F, стк. 17), ср.: *uš-ta-a-di MĀTU Iš-te-lu-a-ni-gi-di MĀTU Qa-di-a-i-ni-e-di*, 'выступил я в страну Иштелуани, в страну Кадиани', где названия обеих стран стоят в направительном падеже, окончание которого передается в одном случае суффиксом *gidi*, в другом *-edi* (там же F, стк. 13—14).

Можно полагать, что окончания направительного падежа имен восходят к полной форме *-hidi*, графически изображаемой различными сочетаниями клинописных знаков, тогда как окончание 1-го лица непереходного глагола *-di* выступает в одной только этой форме, никогда не получая начального гласного, и потому никаких дифтонгов с конечным гласным глагольной основы образовать не может. Слоговая форма *-di* глагольного суффикса сохраняется полностью. Отсюда легко прийти к выводу, что *-di* в глаголах и оно же в именах сходятся только в их графической передаче.

Тождественными остаются энклитические местоименные окончания, выступающие в одном и том же значении как в именных, так и в глагольных построениях, например, местоимение *-me* 'мне', ср.: *iu Ḫaldiš-me ŠARRU-tuḫi aruni* 'когда бог Халд-мне царство даровал' (Сард. лет. G, стк. 2); *aru-me meše* 'принес-мне дань' (там же Е, стк. 54). Основа одного и того же глагола *aru* 'давать, даровать, приносить' в первом примере стоит с объектным показателем *aru-ni* 'дал-его', во втором примере с энклитическим местоимением *aru-me* 'дал-мне', выступающим также в собственном имени *Ḫaldiš-me* первого примера: 'Халд-мне'. Общность у имен и глаголов суффикса *-ni* с его объектным содержанием у тех и у других (*aluš-ni* 'кто-его', *aru-ni* 'дал-его') и отнесение данного суффикса к числу энклитических местоимений нуждается в дополнительном исследовании.

Говорить о широко развитых схождениях в глагольной и именной суффиксации оказывается, при таких условиях, преждевременным. Наоборот, в их суффиксах прослеживаются значительные расхождения. Окончание 3-го лица единственного числа непереходного глагола (-bi, -be) повторяется в формах 1-го лица единственного числа переходного глагола (объектного спряжения), но не имеет себе соответствий в словоизменительной морфологии имен. Равным образом, окончание 3-го лица субъекта множественного числа переходного глагола -itu параллелей в именных образованиях не имеет. Окончание 1-го лица множественного числа субъекта переходного глагола -še продолжает оставаться неустановленным, поэтому утверждать о схождениях его с окончанием эргативного падежа -š(e) и словообразовательным суффиксом имен существительных -še пока не представляется возможным. Объектный показатель глагола -ni и его именные соответствия, после их более детального анализа, могут быть отнесены к разным основам: 1) -ni в оформлении 3-го лица единственного числа переходного глагола включается в число объектных показателей; 2) -ni в притяжательном оформлении имен восходит к полной форме притяжательной суффиксации -ini, -hini; 3) -ni в словообразовании прилагательных может быть объединено с притяжательными суффиксами; 4) -ni в именительном падеже и оно же в аблативе выделяются из числа предыдущих и остаются по своему происхождению неясными. Окончание 1-го лица единственного числа непереходного глагола -di лишь графически совпадает с одним из написаний окончания направительного падежа, имеющего, в отличие от глагола, ряд разночтений: -di, -edi, -idi, -gidi.

Общими для имен и глаголов грамматическими формами остаются показатель множественности и энклитические местоимения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Список сокращений	7
Графические приемы в передаче фонетических особенностей при написании имен и их грамматических форм	9
Имена существительные	73
Имена прилагательные	87
Числительные	97
Местоимения	99
Союзы и послелоги	111
Склонение имен	117
Парадигма склонения имен	136
Образцы склонения имен	138
Оформление имен и глаголов	139

ИВАН ИВАНОВИЧ МЕЦЦАИИНОВ
Грамматический строй Урартского языка

*Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии Наук СССР*

Редактор издательства *А. А. Зырин*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *А. А. Гельфанд* и *Л. М. Романова*

Сдано в набор 25IV 1958 г. Подписано
к печати 1/IX 1958 г. РИСО АН СССР
№ 26—95 В. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бум. л.
4³/₄. Печ. л. 9¹/₂ = 9¹/₂ усл. печ. л. Уч.-изд. л.
7.52. Изд. № 775. Тип. зак. № 640. М-36693.
Тираж 1200.

Цена 6 р. 50 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1)

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

И.И.МЕЩАНИНОВ

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
УРАРТСКОГО
ЯЗЫКА

Часть вторая

СТРУКТУРА
ГЛАГОЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · Ленинград
1 9 0 2

А Н Н О Т А Ц И Я

Книга содержит подробное описание системы спряжения урартского глагола. Рассматриваются также глагольные наклонения и прочие случаи развития глагольных основ. В самостоятельных главах проводится сопоставление синтаксических конструкций урартского и живых кавказских языков, а также анализируется Келишинская надпись (билигга).

Издание рассчитано на специалистов по древним языкам Кавказа и Передней Азии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Структура урартского глагола в ведущих разновидностях его грамматических форм детально разработана А. Гётце и И. Фридрихом. Их выводы, дополненные собственными, легли в основу соответствующих глав фундаментального труда Г. А. Меликишвили „Урартские клинообразные надписи“. Тщательно им собранный лексический материал, сведенный в словарь, учитывает все варианты графической передачи слова с используемыми в нем грамматическими формами. Тем самым уточняется их значение в строении предложения и выполняемая ими синтаксическая функция, что, благодаря этому труду, создает исключительно благоприятные условия для проведения анализа действующих в языке грамматических построений.

Присоединяясь к даваемым объяснениям наличных в урартском языке грамматических форм, я позволяю себе дополнить их своими отдельными замечаниями. В целях уточнения выступающих в данном языке глагольных построений мною привлекается здесь к сравнению их синтаксическое использование в других языках. В первую очередь я останавливаюсь на типологических сопоставлениях строя урартского предложения с ним же в структурно близких картвельских языках Кавказа. В истории развития их грамматических форм исследователи этих языков устанавливают периоды, предшествующие образованию временных вербальных форм. В предшествующие периоды выделяются аспекты длительного незаконченного действия и законченного в своем движении (пермансив и аорист). Эти два аспекта получили свое отражение и на современном построении предложения в тех же картвельских языках с их делением на временные группы глагола. В сходном положении выступает и урартский глагол в письменных памятниках Биайны. Но такие же аспекты, с тем же их содержанием, прослеживаются не только в древних периодах истории развития упомянутых языков Кавказа. Они выступают и в ряду не родственных с ними младописьменных языков в их ныне действующем грамматическом строе. Это дает основание к привлечению материалов также и этих языков, чем расширяются рамки проводимых мною типологических сопоставлений.

Группы времен, выделяемые в картвельских языках, сводятся по своему содержанию к тем же аспектам. Незаконченное дей-

ствие (1-я группа времен, ср. пермансив) сочетается в грузинском языке с номинативным строем предложения. Ему противопоставляется завершенное действие, получающее эргативную конструкцию при переходном глаголе. В мегрельском языке пермансивная группа сохраняет номинативный строй предложения, тогда как аористная выделяется единым активным падежом подлежащего. В чанском языке эргативная конструкция при переходном действии выступает в обеих временных группах в отличие от непереходного с именительным падежом подлежащего.

Эргативная конструкция получает в приведенных языках различные синтаксические построения. В одних она связана и с временным делением по группам и с семантикой глагола, различающей переходность и непереходность действия. В других та же конструкция предложения сочетается только с видо-временными аспектами (ср. мегрельский язык). Приведенные сопоставления различных систем построения предложения картвельских языков выявляют близость к ним грамматического строя урартского языка и уточняют особенности его синтаксической структуры, а также выступающего в ней глагола.

В урартском, как и в картвельских языках, глагол может получать и одноличные и двухличные грамматические формы. Но в урартском языке глагол может оформляться не только одним субъектным суффиксом, но и одним объектным, передавая им двусторонние субъектно-объектные отношения и тем самым не образуя пассивного построения вербальной формы. Конструкция урартского предложения соответствует синтаксической конструкции чанского. Эргативный падеж подлежащего имеет специальную грамматическую форму активного падежа, в ином значении не употребляемого. Этот падеж выделяет переходное действие во всей структуре предложения при всех выступающих в нем временах. Что касается самих времен, то по урартским письменным памятникам их выделяется только два: настоящее-будущее и прошедшее совершенное, ср. аспекты длительного действия и законченного в своем движении. При их паличии отпадает деление на залого, но сохраняются модальные оттенки наклонений.

В отдельной главе даю анализ текста Келишинской билингвы, устанавливая место, занимаемое ею в корпусе урартских надписей царствования Инпуина.

СОКРАЩЕНИЯ

- АН — Академия наук.
- Аргишти — летопись Аргиштия I, ее текст см.: Г. А. Меликишвилн, Урартские клинообразные надписи. М., 1960, под № 127 (стр. 210—232).
- ДАН-В — Доклады Академии наук СССР, серия „В“.
- ЭВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.—Пг.—Л.
- Кар.-Бл. — В. В. Пиотровский. Кармир-Блур. Ереван, т. I — 1950, т. II — 1952.
- Келишин — Келишинская билингва, текст ее см.: Г. А. Меликишвилн. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, под № 19 (стр. 125—131).
- Кологран — И. И. Мещанинов. Кологранская надпись. Известия АН СССР, ООН, 1932, № 1, стр. 79—90.
- лиц. — лицевая сторона (надписи).
- М. Гр. — Г. В. Церетели. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939.
- Над. — Г. А. Меликишвилн. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
- Ник. — М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья. Материалы по археологии Кавказа, вып. V, М., 1896.
- Нор-Баязет — И. И. Мещанинов. Халдская надпись из Нор-Баязета. ДАН-В, 1925, № 8, стр. 167—174.
- оборот. — оборотная сторона (надписи).
- ООН — Отделение общественных наук.
- Сард. лет. — Н. Я. Марр. Надписи Сардура Второго из раскопок ниши на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пб., 1922. (Заглавными буквами обозначены соответствующие столбцы надписи по их нумерации, проведенной Tseretheli).
- стрк. — строка (надписи)
- Сурб-Погос — И. И. Мещанинов. Стела Сардура в Ване, Сурб-Погос. Известия АН СССР, ООН, 1932, № 2, стр. 161—166.
- Caucasica — J. Friedrich. Beiträge zur Grammatik und Lexikon des Chaldischen. „Caucasica“, VII, VIII, Leipzig, 1931.
- Corpus — C. F. Lehmann-Haupt. Corpus inscriptionum chaldicarum [альбомы надписей]. Berlin—Leipzig, I — 1928, III — 1953.
- IRAS — A. H. Sayce. The Cuneiform Inscriptions of Van. Journal of the Royal Asiatic Society, London, 1882, 1884, 1894, 1901, 1906.
- NF — Neue Folge.
- Orientalia — J. Friedrich. Aus verschiedenen Keilschriftsprachen. 1—2. Orientalia. Nova Series, IX, fasc. 3. Roma, 1940.
- RIIA — Revue Hittite et Asiatique, Paris.
- WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.
- ZA — Zeitschrift für Assyriologie, Leipzig.

СПРЯЖЕНИЕ УРАРТСКОГО ГЛАГОЛА

Глагол в урартском языке, в точном соответствии с присущим этому языку эргативным строем предложения, противопоставляет переходные формы спряжения непереходным, ясно противопоставляя основы глаголов по их значению переходности и непереходности действия.

В урартском языке выделяются два строя спряжения. Один образуется от основ, снабженных показателем переходности действия (гласный *u*), и получает личные окончания по строго выдержанной схеме. Другая система личных окончаний выступает при непереходных основах глаголов, получающих исходный гласный-а (-*ai*, -*i*). Благодаря особенностям повествовательных текстов урартской клинописи в центре структуры речи становится сам повествователь. Поэтому в построении предложения 1-е и 3-е лица выделяются четко. Формы 2-го лица выступают только в повелительном наклонении.

Парадигмы спряжения переходных и непереходных глаголов различны, но некоторые их грамматические формы совпадают. Наблюдается также сходство ряда показателей лиц в глаголе с падежными окончаниями в именах. Таков суффикс -*bi*, выступающий в переходных глаголах показателем 1-го лица, а в непереходных — 3-го лица. Окончание же 1-го лица непереходного глагола -*di* соответствует грамматической форме направительного падежа. Равным образом, редко встречающееся окончание 1-го лица множественного числа переходного глагола -*še* аналогично такому же окончанию активного (эргативного) падежа. Показатели объекта при переходных глаголах в 3-м лице единственного числа -*ni* и множественного числа -*li* повторяют показатели именительного падежа, получающего при переходных глаголах объектное значение (винительный падеж отсутствует). Эти особенности языка урартской клинописи характеризуют строй изучаемого языка, генезис же наличных грамматических форм продолжает оставаться неясным. По материалам самих клинописных текстов установить историю их развития не удастся, соответствующих же параллелей с родственным языком систематически не проводилось. Имеются лишь отдельные сопоставления с малодийскими языками (А. Гюль, П. Фридрих, М. Шреттер, Гр. Ка-

панцян, Г. А. Меликишвили) и иберийско-кавказскими (Н. Я. Марр, Г. В. Церетели, А. С. Чикобава).

Урартский глагол полисинтетичен, так же как и глагол в иберийско-кавказских языках. Построение одного и того же глагола может содержать в себе не только показатель действующего лица (подлежащего), но и показатель предмета действия (прямого дополнения). Возможно также включение показателя косвенного объекта,¹ что, равным образом, свойственно иберийским языкам Кавказа. За отсутствием лингвистических классов, которые в языке урарту не прослеживаются, согласование глагола с именами проводится личными показателями, субъектными и объектными. Глагол, таким образом, управляется соответствующими именами, согласуясь с подлежащим и дополнениями, но он в свою очередь и управляет ими же, так как переходный глагол требует при себе подлежащего в особом активном (эргативном) падеже, а прямого дополнения — в именительном, тогда как при непереходном глаголе подлежащее получает ту же падежную форму, какую имеет прямое дополнение при глаголе переходного действия (именительный падеж). Личные окончания глагола, выражая полностью указываемое ими лицо, в особенности субъекта и объекта, устраняют необходимость помещения соответствующих местоимений в позициях подлежащего и дополнений, чем и объясняется сравнительно редкое использование личных местоимений. Единственное и множественное числа различаются как в показателях лиц субъекта, так и в показателях объекта, но при единственном числе объектного показателя в глаголе допускается постройка нескольких объектов, в особенности при перечне покоряемых стран. Форма 1-го лица множественного числа непереходного глагола по наличным текстам не устанавливается.

Во всех четырех сотнях биайнских текстов удается в глагольной форме установить лишь два времени, соответствующие аспектам картвельских языков. Одно из них выражает длительное действие, передаваемое в процессе его совершения (дюративный аспект, пермансив), другое же констатирует совершившийся акт, представляющийся говорящему лицу уже в застывшем, законченном состоянии (аорист).

Наиболее ясно выступают грамматические формы аориста, что объясняется содержанием наличных текстов. Надписи, в своем подавляющем числе, содержат описание завершенных урартскими царями деяний. В качестве говорящего лица выступает автор данного повествовательного текста. Поэтому речь ведется в 3-м лице, иногда в 1-м. Описания совершенных действий (покорение стран и городов, сооружение каналов и отдельных зданий) излагаются

¹ Примеры приводятся ниже.

в законченном виде, передаче которых соответствует аорист. Формы его и превалируют в урартских текстах. Другое время — аспект (дюративный, пермансив) используется преимущественно в формуле проклятия, в которой царь грозит пагубными последствиями всем тем, кто покусится на цельность надписи или же припишет себе те достижения, о которых повествует победный текст. В этом случае имеются в виду действия не завершенные в прошлом, а возможные в будущем. В полном соответствии с содержанием этих формул проклятия встречающиеся в них глаголы ставятся только в 3-м лице и во 2-м лице повелительного наклонения. Соответствуя скривам несовершенного вида картвельских языков,² урартский пермансив объединяет как настоящее, так и будущее время, являющиеся оба, в отличие от аориста, незаконченными. Ту же форму пермансива (-le), тоже в 3-м лице, получает глагол, начинающий повествовательный текст: ^mSardu-riše a-le 'Сардур говорит (повествует)'.

СПРЯЖЕНИЕ НЕПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА В АОРИСТЕ

Окончания лиц непереходного глагола прибавляются к основе, обычно снабжаемой показателем непереходности действия -а, который иногда заменяется гласным -і и написанием двух гласных -іа. Можно согласиться с И. Фридрихом, сводящим все эти три равноправно используемые формы к общему для них дифтонгу -аі, дающему на письме выпадение одного из сочетаемых гласных.³

Широкое использование дифтонга -аі и различная его передача в графике клинописных текстов подтверждается сопоставлением ряда несомненно однозначных слов. Примером такого рода использования названного дифтонга может служить написание имени страны Биайны, ср. в направительном падеже: *Viain-aidi*, *Bianaidi*, *Viainadi* (Сард. лет. В, стк. 19, 35; Е, стк. 23), где различное начертание дифтонга -аі выступает как в самой основе собственного имени (*Viaina*, *Biana*), так и в падежном окончании, в котором возникло такое же стечение гласных (*Viaina-idi*, *Biana-di*), ср. также в род. пад. множ. ч.: *Viainaue*, *Bianaue* (Над. № 170, стк. 8; № 134, стк. 8; № 130, стк. 20).

Такое же использование дифтонга -аі в его полном и усеченном написании прослеживается и в глагольных формах, ср.: *ulušt-ai-bi* (Corpus, 14, стк. 15), *ulušt-a-bi* (Corpus, 21, стк. 7),

² См.: А. Г. Шанидзе. Изменение системы спряжения глагольной категории вида в грузинском и его наследии. Сообщение АН Грузинск. ССР, III, 1942, № 9, стр. 954—958.

³ J. Friedrich. Einführung ins Urartäische. Mitteilungen der Vorderasiatischen-Aegyptischen Gesellschaft, Bd. XXXVII, III. 3, Leipzig, 1933, §18, стр. 4—5; ср.: Г. А. Меланишвили. Урартские глагольные формы. М., 1960, стр. 66.

sulušt-i-bi (Corpus, 27, стк. 14). Наглядным примером могут быть два текста одного и того же содержания с использованием одних и тех же слов: uštabi ^mMenuani ^mIšpuinieḫi uluštaibi ^dHaldini 'выступил Менуа сын Ишпуина, впереди шел бог Халд' (Corpus 27, стк. 5—6); uštabi ^mMenuani ^mIšpuinieḫi uluštabi ^dHaldini (Corpus, 21, стк. 5—7). В совершенно аналогичном контексте стоит один и тот же глагол в отмеченных двух его написаниях: ulušt-ai-bi, ulušt-a-bi. Однозначимость данного написания (-ai, -a) выступает с полной ясностью.

Подтверждается отнесение сюда же И. Фридрихом глагольной формы с окончанием основы -i (ср. *sulušt-i-bi*), понимаемой как усечение того же дифтонга -ai, -i не имеется, равным образом начертания *sulušt-a-bi* не встречается. Все же приводимый одиночный пример с глаголом *suluštibi*, в котором основа непереходного глагола оканчивается не на -a, а на -i (*sulušt-i*), обращает на себя внимание и может показаться убедительным. Этот глагол встречается в ряде текстов одного и того же содержания, в которых описываются действия побежденного врага, ср.: ^mUtupuršini ŠARRU ^mDiaueḫi nunabi kaiukid šatuali kurieli *suluštibi* (Corpus, 27, стк. 12—14). Этому контексту дается перевод: 'Утупурши царь Диауехи пришел ко мне, обнял колени-мои [и] пал ниц' (Caucasica, VIII, стр. 147), ср.: nunabi ^mMurinini ^mAbilianihī šatuali ^mSardurini kurili *suluštibi*, что в даваемом переводе значит: 'пришел Мурини Абилианихи обнял колени Сардура пал ниц' (Сард. лет. С, стк. 36—38). Общее содержание текста, описывающего поведение покоренного царя, понятно, но значение отдельных слов продолжает оставаться спорным. Тем не менее, при всех делаемых оговорках, отнесение *suluštibi* к числу непереходных глаголов сомнения не вызывает. За это говорят и другие сходные контексты, ср.: nunabi kauki ^mNidini ŠARRU MĀTU Uelikuḫi *suluštibi*, где выступают два непереходных глагола, стоящие оба в 3-м лице ед. ч. (-bi), но с различными огласовками глагольной основы (-a, -i): nun-a-bi, *sulušt-i-bi*; перевод: 'пришел ко мне Нидини царь страны Уеликухи, пал ниц (умолял)' (Сард. лет. F, стк. 19—20, ср. там же близкое по контексту E, стк. 53).⁴

Приведенный материал свидетельствует, что исходная огласовка основы -i, так же как -ai, -a, относится к числу вербальных грамматических форм, выступающих в аористе. Помещение в одной фразе двух глаголов (nun-a-bi, *sulušt-i-bi*), передающих дей-

⁴ См.: M. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Heidelberg, Bd. XXX, 1928, стр. 48—49; J. Friedrich. Einführung ins Urartäische, стр. 60, 66.

ствие одного и того же лица, дает возможность уверенно говорить о непереходном значении обоих. И тот и другой глагол оформлены по непереходному спряжению. Оба они оканчиваются на *-bi*, которое только в непереходных глаголах передает 3-е действующее лицо, а так как непереходное значение глагола *lip-a-bi* 'пришел-он' не подлежит сомнению, то и тут же стоящее *sulušt-i-bi*, снабженное тем же показателем лица, может быть лишь непереходным глаголом. Все это заставляет считать огласовку *-i* равным образом огласовкою непереходного глагола. Остается невыясненной причина постановки в данном случае гласного *-i* вместо обычного *-a* и более редких *-ai*, *-ia*.

Видеть в окончании глагольных основ *-i* грамматическое выражение наклонений и видов не приходится, так как при аористном аспекте, передающем завершённое действие, видовая разновидность является излишнею. Что же касается наклонений, то усматривать в гласном *-i* придачу глаголу модального содержания затруднительно. В других непереходных глаголах не прослеживается подобного построения, поддающегося точному истолкованию; что же касается самого глагола *suluštibi*, то он в иной форме не используется.

В урартских надписях встречается еще другой глагол с той же огласовкой основы: *aištibi* (М. Гр. 12, стк. 9; Corpus 55), но перевод этого глагола продолжает оставаться неясным. К. Ф. Леманн-Гаупт видит в *aištibi* переходный глагол в 1-м лице аориста и переводит его 'назначил, предоставил, отвел-я' ('*ich habe bestimt, zugewiesen*' Corpus, стр. 82—83). И. Фридрих считает тот же глагол, по аналогии с *suluštibi*, непереходным, стоящим в 3-м лице, и склоняется к переводу его: 'проскакал-он' ('*galopriert?*', *Caucasica*, VIII, стр. 146). Мой перевод этого глагола 'поставил-я' (ДАН, 1929, стр. 35—36) может, равным образом, вызывать сомнения. Точное значение названного глагола продолжает оставаться спорным.

Встречается еще одна форма *kuluar-šibi*, напрашивающаяся на параллель с *šibu* и *šiabi*. Если была бы уверенность в таком вербальном построении слова *šibi*, то мы имели бы три искомые разновидности грамматических форм от одной и той же основы: *ši-i-bi*, *ši-u-bi*, *ši-a-bi*, но такой уверенности нет. Последние две формы явно глагольные. Из них первая (*ši-u-bi*) представляет собой переходный глагол в 1-м лице аориста со значением близким к глаголу *paq-u-bi* 'увел, утратил', ср.: 'aše SAL-lutu paqubi MĀTU Biainaidi 'мужчин и женщин увел в страну Биайну' (Сард. лет. В, стк. 18—19); 'aše SAL-lutu ištini paqubi 'мужчин и женщин там я увел' (Сард. лет. С', стк. 9—10); 'aše^{meš} SAL-lutu^{meš} ištini šibi MĀTU Biainaidi (Сард. лет. I', стк. 9—10); 'aše SAL-lutu^{meš} paqubi MĀTU Biainaidi (Сард. лет. I', стк. 22—23).

Глагол *šīabi* выступает в значении непереходного глагола 'пришел-он', ср.: *šīabi kauki suluštibi* 'пришел-он ко мне, пал-он ниц' (там же, стк. 53). Что же касается слова *kuluaršibi*, то по редкому его употреблению и по контексту трудно с уверенностью относить его вообще к сложным глагольным формам. В таком построении *kuluaršibi* его восстанавливает Г. А. Меликишвили (Урартские клинообразные надписи, стр. 286, 400). Этот глагол встречается только два раза в одной и той же строке Сардуровых летописей (F, стк. 27). Г. А. Меликишвили дает ему в тексте самих летописей условный перевод 'бежать, сбежать'.

Таким образом явно глагольной формой с основой на *-i* и с более достоверным переводом остается пока одно *suluštibi* 'пал ниц, умолял-он'. Все же наличие этого бесспорно непереходного глагола дает основание считать исходную огласовку основы *-i* также за показатель непереходности действия. Ясным показателем непереходности действия в аористе остается наиболее часто встречающееся *-a*, восходящее к дифтонгу *-ai*, *-ia*.

Личные окончания непереходного глагола в аористе: *-di* — 1-е л. По форме совпадает с направительным падежом имен. В текстах часто встречаются в этой форме глаголы с семантикой направления: *uštadi* 'выступил-я', *nunadi* 'пришел-я', сочетаемые с указанием соответствующего места, что дает стечение глагола с именем, стоящим в такой же грамматической форме. И глагол и имя в этом случае оканчиваются на один и тот же суффикс *-di*. Это дало основание М. Церетели считать *-di* в глагольном оформлении не показателем субъекта, а суффиксом направленности, повторяющим в глаголе падежное окончание имени.⁷ Но в переходных глаголах, при наличии имени в направительном падеже, глагол выступает со своими личными окончаниями и не повторяет суффикса направительного падежа соответствующего имени существительного. При непереходных глаголах сохраняется данное его оформление и в том случае, когда в тексте отсутствует указание на место, куда действие направлено, что дает основание считать *-di* личным глагольным окончанием, тем более, что в формах 3-го л. обоих чисел тот же непереходный глагол получает не показатель направленности действия, а свои личные окончания (*-bi*, *-li*), ср.: *ušta-di MĀTU Etiuni-edi* 'выступил-я в страну Этиуни' (Сард. лет. А, стк. 13); ^m*Sarduriše ali ušta-di hau-bi* ^m*Arquqini MĀTU-nie* 'Сардур говорит: выступил-я [и] захватил страну Аркукини' (Ник. XV, стк. 3—4), *ĀLU Ardini-di nuna-be* ^m*Išpuinini* 'в город Ардини (Мусасир) пришел Ишпуини' (Corpus, 12, стк. 17); *ušta-li ĀLU Meišta-edi* ^m*Išpuinini* ^m*Sardurieḫe* ^m*Meinuani* ^m*Išpuinieḫe* 'выступили в город Меишта Ишпуин сын Сардура

⁷ М. Tsereteli, Die neuen halditschen Inschriften... , стр. 30.

[и] Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 15, стк. 10—12). Локативный суффикс-di, наличный в именах, не передается также и в спряжении переходного глагола, ср.: 'aše SAL-lutu paru-bi MĀTU Bīaina-idi 'мужчин и женщин увел-я в страну Биайну' (Сард. лет. V, стк. 18—19).

-bi — окончание 3-го действующего лица в ед. ч. По грамматической форме совпадает с окончанием 1-го л. переходного глагола в том же ед. ч. аориста, ср. непереходный глагол: ušta-bi ^mMeinani ^mIšpuiniehi 'выступил-он Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 27, стк. 5), в переходном глаголе: ^mSarduriše ale hau-bi III Ê.GAL 'Сардур говорит: захватил-я три цитадели' (Сард. лет. A, стк. 7).

-li — окончание 3-го действующего лица во множ. ч. По форме совпадает с окончанием 3-го л. объекта во множ. ч. переходного глагола и показателями множ. ч. имен существительных и прилагательных, ср. непереходный глагол: ušta-li ^mIšpuinini ^mSarduriehi ^mMeinani ^mIšpuiniehi 'выступили-они Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 13, стк. 25—28); переходный глагол и имена во множественном числе: zadu-li arnišini-li DAN.NU 'совершил-я-их деяния могучие' (Над. № 138, стк. 8—9).

Основа непереходного глагола снабжается соответствующим показателем (-a, -ai), к которому прибавляются окончания лиц в единственном числе — 1-е лицо -di, 3-е лицо -bi, во множественном числе — 3-е лицо -li: ušt-a-di 'направился-я', ušt-a-bi 'направился-он', ušt-a-li 'направились-они'.

Возможно, что суффикс множественного числа непереходного глагола имеет грамматическую форму общую с переходным -ali, ср. такое написание, как uš-ta-a-li (Над. № 24, лиц., стк. 10). Постановка этого суффикса при основе глагола, получающего показатель непереходности действия -a, дает стечение двух одинаковых гласных -a, что могло привести к отпадению одного из них, ср. uš-ta-li (Над. № 23, стк. 2).⁶ Глагольная основа (ušta-) подлежит сохранению. Следовательно, суффиксом множественного числа и в этом случае остается одно -li. При переходном глаголе такого стечения одинаковой огласовки не получается и суффикс множественного числа в 3-м лице имеет свою полную форму -ali: šidištu-ali.

Все три показателя глагольных лиц используются и в ином назначении: суффикс -di соответствует окончанию направительного падежа, суффикс -bi при переходном глаголе выражает не 3-е, а 1-е лицо, суффикс -(a)li служит в то же время показателем

⁶ Можно полагать, что и в uš-ta-a-li имеет место лишь графический повтор гласного -a, часто помещаемый в аналогичных случаях.

именительного падежа во множественном числе, ср: *ušta-di MĀTU Urmeie-di* 'направился-я в страну Урмию' (М, Гр. 9 С, стк. 2—3).

Здесь и глагол и место направления действия снабжены одинаковым суффиксом *-di*. Непереходный глагол *ušta-bi* 'направился-он' и переходный глагол *ħau-bi* 'захватил-я' оканчиваются оба одним и тем же показателем *-bi*, означающим в первом случае 3-е действующее лицо, а во втором — переход действия с 1-го лица на 3-е. Построение глагола *ušta-li* 'направились-они' можно сопоставить с именными формами, ср.: *inani-li arniušini-li I šali zadubi* 'эти деяния в один год завершил-я' (Сард. лет. С, стк. 18). Здесь показателем множественности и в глаголе и в именах выступает суффикс *-li*, выражая в именах множественное число именительного падежа, а в глагольной форме 3-е лицо во множественном числе. Таким образом, из всех показателей лица непереходного глагола только *-bi* оказывается исключительно вербальным, но и он выступает в различных значениях в переходных и непереходных глаголах.

Как и в иберийско-кавказских языках глагол в урартском одноличен и многоличен. Глагол своими личными окончаниями передает отношения к субъекту и объекту, прямому и косвенному (ср. то же, например, в чанском языке). „Чанский глагол может быть одноличным, двуличным и трехличным; в одноличном глаголе обозначается только одно лицо, лицо субъекта (*v-ore* 'есмы'); двуличный глагол в процессе спряжения обозначает лица субъекта и объекта (*m-ošlet'in-u* 'он спас меня'); ...с трехличным глаголом помимо субъекта внутренне связаны два объекта, .. но из этих объектов в глаголе обозначаются лица субъекта и одного из объектов, .. флексией второй объект в глаголе не представлен; следовательно, строго морфологически нет разницы между двуличным и трехличным глаголом... Чанский глагол может быть непереходным и переходным. Все одноличные глаголы являются непереходными, все трехличные — переходными, из двуличных глаголов — одни переходные, другие — непереходные“.⁷

Урартский глагол отличается таким же полиперсонализмом. В нем выступают субъектное спряжение и объектное. Субъектное свойственно непереходному глаголу, который снабжается упомянутыми выше показателями действующего лица. Непереходный глагол может иметь также и суффикс косвенного объекта. Следовательно, он может быть одноличным и двуличным, ср. одноличные построения: *ušta-di*, *ušta-bi*, *ušta-li* 'направился-я, направился-он, направились-они' и двуличные построения: *ħašialme LU^{moš}* 'прислушались ко мне (соблаговолили) боги', где непереходный

⁷ А. С. Чикобава. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта. Тбилиси, 1936, стр. 218, 220.

ходный глагол hašī-a-l-me стоит в 3-м лице множественного числа с показателем непереходности действия (-a) и 3-го лица во множественном числе (-li, усечено -l). Глагол заканчивается энклитическим местоимением -me 'мне, меня'. Таким образом непереходный глагол в урартском языке одноличен, когда выражает одно только действующее лицо (субъект), и двухличен в том случае, если сверх того получает показатель косвенного объекта.

СПРЯЖЕНИЕ ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА В АОРИСТЕ

Структура переходного глагола значительно сложнее. Показателем переходности действия выступает гласный -u, завершающий глагольную основу. По содержанию своих личных окончаний переходный глагол одноличен, двухличен и трехличен, передавая как субъект, так и объекты, прямой и косвенный. В глаголе получает свое выражение лишь один из этих объектов, поэтому и трехличное содержание сводится, как и в иберийско-кавказских языках, к двухличной грамматической форме (обозначением косвенного объекта устраняются показатели прямого).

Более ясно выделяются окончания лиц в единственном числе — при 1-м действующем лице -bi, при 3-м -ni, во множественном числе 3-е лицо субъекта -i(tu), объекта -(a)li. Менее ясно выступает 1-е л. множ. ч. -še, встречающееся в одиночных надписях, ср.: ^mIšpuiniše ale ^mSardurieḫini ieše ^mMenuaše ^mIšpuinieḫiniše ^mInušruaše ^mMenuaḫiniše ^dHaldiei susie šidištuše (Corpus, 11, стк. 2—6, 18—22, 34—38). В надписи говорится о сооружении святилища бога Халда тремя лицами, следовательно, глагол, передающий их действие (šidištuše), должен стоять во множественном числе. Но в этом повторяющемся три раза тексте названный глагол не может передавать действия 3-го лица, для выражения которого используется иная суффиксация, ср.: ^mIšpuiniše ^mSardurieḫiniše ^mMenuaše ^mIšpuiniḫiniše ^dHaldiei susi šidištuni 'Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина Халдово святилище построили-его' (Corpus, 16, стк. 1—2, 6—7). Кроме того, своеобразное окончание глагола šidištu-še сочетается с необычным написанием царского имени.

При анализе данного текста следует иметь в виду, что встречающиеся в урартских надписях повествования, начинающиеся после слова ale 'говорит', излагают совершенное деяние или в 3-м лице, или в 1-м. Царь описывает то, что сделано, или то, что он сам сделал, ср.: ^mMenuaše ale ^mUtupuršini ŠARRU ^mDiaueḫi nunabi kaiukid šatuali kurieli suluštibi 'Менуа говорит: Утупурши царь Диауехи пришел ко мне, обнял колени, пал ниц' (Corpus, 27, стк. 12—14). При переходном глаголе (ale 'говорит') подлежащее стоит в эргативном падеже (^mMenua-še). Имя царя Утупурши, стоящее при непереходном глаголе nun-a-bi 'пришел-он', постав-

лено в именительном падеже, как и следует подлежащему при глаголе непереходного действия.⁸ Переходный глагол *šat-u-ali* согласован с объектом во множественном числе *kurie-li* 'колени'. Здесь урартский царь излагает имевшее место событие в 3-м лице, ср. также в 1-м лице, когда царь говорит о своих собственных действиях: ^mMenuaše ale haubi ^mDiauehi MĀTU-nie 'Менуа говорит: захватил-я Диауехи страну' (Corpus, 27, стк. 6—7); ^mSarduriše ali uštadi haubi ^mArquqini MĀTU-nie 'Сардур говорит: направился [и] захватил-я страну Аркукини' (Ник. XV, стк. 3—4). Рядом поставлены два глагола в одном и том же 1-м лице, но с различными его показателями в зависимости от непереходности и переходности передаваемого глаголом действия: *ušt-a-di* — непереходный глагол, *ha-u-bi* — переходный.

В упомянутой выше ванской надписи Тебриз-капуси (Corpus, 11), с ее необычным написанием глагола *šidišt-u-še*, Ишпуин после слова *ale* 'говорит' упоминает не полное свое имя с отчеством, как это обычно для остальных надписей, а только одно отчество, в связи с чем последующее *ieše* может быть выделено как самостоятельно стоящее местоимение 1-го лица,⁹ за которым следуют поставленные в эргативном падеже имена сына Ишпуина Менуи (^mMenua-še ^mIšruiniehini-še) и внука Инушпуя (^mInušrua-še ^mMenuahini-še). Весь текст, при этом вполне допустимом толковании, получает следующий перевод: 'Ишпуин говорит: сын Сардура (потомки Сардура) я, Менуа сын Ишпуина [и] Инушпуа сын Менуи Халдово святилище соорудили (воздвигли)-мы'. Глагол в таком случае может быть понят как стоящий в 1-м лице множественного числа (*šidišt-u-še*).¹⁰ Эта редко встречающаяся глагольная форма с суффиксом *-še* еще нуждается в исследовании. В надписи corpus 86 (М. Гр. 15—16—17) встречается еще и другая форма — *zaduše*, в которой можно было бы усмотреть сходное глагольное построение с суффиксом лица *-še* от глагольной основы *zadu* 'делать', ср.: *zadi-bi* 'сделал-я', но эта надпись не поддается дешифровке. Равным образом возникает сомнение в возможности отне-

⁸ Конечный слог *-ni* может входить в основу имени (*Utupuršini*), но может выступать и в качестве суффикса имен собственных, стоящих в именительном падеже при глаголах, ср.: *napabe* ^mIšruini-ni 'пришел Ишпуини', где имя царя снабжено дополнительным суффиксом *-ni* (Corpus, 12, стк. 17, билингва Келишина), ср. также: *uštabi* ^mMenuani 'направился (выступил) Менуа' (Corpus, 27, стк. 5). Здесь имя царя Менуа снабжено тем же суффиксом (^mMenua-ni).

⁹ Местоимение *ieše* в этом его значении неоднократно встречается в урартских текстах, ср.: *ieše ini pile agubi* 'я этот канал провел'. (Corpus, 34, стк. 10 и др.).

¹⁰ Такого мнения придерживается Гётце (ZA NF, V, стр. 105), основываясь на чтении Леманн-Гаупта (Corpus, стр. 23). Сомнения имеются у И. Фридриха (Caucasica, VII, стр. 66), ср.: Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 67—68.

сения встречающегося в надписи Мхер-Капуси слова *manuše* к глагольной основе *manu-* (*Corpus*, 18, стк. 2, 34). Гораздо больше оснований отнести *manuše*, так же, как и стоящее ранее его *ardiše*, к именам существительным, основы которых на *-še* хорошо известны, ср.: *alsuiše* 'всличие', *bauše* 'слово', *meše* 'побить, дань', *ulguše* 'жизнь' и др.¹¹

Что касается других личных глагольных окончаний, а именно 1-го лица *-bi*, 3-го лица *-ni* в единственном числе, 3-го лица субъекта во множественном числе *-(i)tu* и объекта в том же числе *-(a)li*, то их значение устанавливается рядом контекстов и сравнительными сопоставлениями с двуязычными ассиро-урартскими надписями. Со времен Сэйса (*JRAS*, 1882) за этими глагольными окончаниями закрепилось значение субъектных показателей. Опыт более детального к ним подхода сделан в 1928 г. М. Церетели, использовавшим указания А. Гётце.¹² По мнению М. Церетели, названные глагольные суффиксы выступают показателями не субъекта, а объекта. Объектное значение суффиксов *-ni* и *-li* признал также и И. Фридрих (*Caucasica*, VII).¹³ Все же эти объектные показатели сочетаются в построении глагола с активным (эргативным) падежом подлежащего на *-še* и именительным падежом прямого дополнения, давая тем самым, как утверждает Г. В. Церетели, активное построение предложения с переходным глаголом (М. Гр. стр. 18—19). Г. В. Церетели, издавая биайнские(урартские) надписи Музея Грузии, приходит к выводу, что „в спряжении урартского переходного глагола мы имеем полную аналогию с картвельскими языками“ (там же). Все эти отдельные замечания и разъяснения заслуживают особого внимания.

Наличные грамматические формы урартского переходного глагола стоят в тесной связи с выражением как деятеля, так и предмета действия, поэтому в построениях переходного глагола выступают и субъектные и объектные показатели. Их значение наиболее ясно видно в примерах использования глаголов с личными окончаниями *-ni* и *-(a)li*.

Эти два показателя лица устанавливаются в своем значении более точно. Они выражают не 3-е действующее лицо, а направ-

¹¹ Слово *ardiše* стоит в названной надписи после глагола *teruni* в позиции прямого к нему дополнения: *teruni ardiše* 'установил-он жертву (закон?)'. Перевод слова *ardiše* 'жертва' дается мною условно, с учетом контекста всей надписи, говорящей о жертвоприношениях богам биайнского пантеона. По тому же контексту у слова *ardiše* возможно также значение 'закон, правило'.

¹² М. Tseretheli. Die neuen haldtschen Inschriften... , стр. 63—69; А. Goetze, ZA NF, V, 1929; его же статья в RHA, VI, fasc. 22, 1936, стр. 179—198; RHA, VI, fasc. 24, 1936, стр. 266—282.

¹³ Объектное значение этих же показателей лица переходного глагола (*-bi*, *-ni*, *-li*) признает также и Г. А. Меланишвили, см. ук. соч., стр. 68.

ленность действия 3-го лица на объект, стоящий в том же лице, причем в зависимости от числа объекта может меняться указанный выше показатель, выступая при единственном числе объекта (-ni) и при множественном его числе (-li, -ali). Действующее же лицо остается в том же единственном числе, если нет специального его показателя, который включается в глагольную форму при множественном числе 3-го лица субъекта, ср. построение глагола при одном действующем лице: karuni ŠARRU ^mEriaḫi MĀTU-ebanie karuni ^mAbilianihī MĀTU-ebanie tequali ^mSardurika 'победил он царя страны Эриахи, победил страну Абилианихи, поверг их пред Сардуром' (Сард. лет. С, стк. 20—22). Речь идет о походе халдова воинства (воинство бога Халда), которое покорило эрахского царя и страну Абилианихи. Глагол при каждом из этих объектов стоит в единственном числе (karu-ni), но эти же два покоренных объекта повергнуты пред Сардуром: ^mSardurika(i). Поскольку в последнем случае говорилось уже о множестве объектов (царь и страна), то и глагол получил показатель -li, -ali (tequ-ali), хотя деятелем продолжает оставаться одно и то же лицо (воинство). Следовательно, показатели -ni и -(a)li, прибавляемые непосредственно к глагольной основе, связаны с 3-м действующим лицом в его единственном числе, но передают число объекта.

Не менее ясно значение названных глагольных суффиксов выступает в надписи из с. Гюзак (Corpus, 56): ^dHaldie eurie ini pulusi ^mMenuaše ^mIšpuiniḫiniše kuguni iu ^dHaldinili BĀBU šidištuali Ê. GAL šidištuni baduse teruni ^dHaldii patari tini 'богу Халду владыке эту надпись Менуа сын Ишпуина начертал, когда Халдовы ворота соорудил-он [и] цитадель построил главенствующую (?). Установил-он имя города Халда' (стк. 1—11).¹⁴ Действующим лицом остается один и тот же Менуа (^mMenua-še в эргативном падеже), но объект меняется. При множественном числе халдовых ворот (^dHaldini-li BĀBU) глагол получает показатель множественного числа (šidištu-ali), при единичном объекте Ê. GAL 'цитадель' тот же глагол оканчивается на -ni (šidištu-ni). Таким образом оба приведенные суффикса передают число объекта (-ni в ед. ч., -ali во множ. ч.), но они же связаны с единственным числом субъекта в 3-м лице. Следовательно, ими передаются субъектно-объектные отношения единой грамматической формой.

Такое грамматическое значение суффиксов -ni и -ali, передающих действие 3-го лица единственного числа на 3-е же лицо предмета действия в различных его числах, подтверждается тем,

¹⁴ Обычно даваемый слову baduse перевод 'разрушенный' возбуждает сомнения. Ему более соответствует значение: крупное, величественное, господствующее над местностью сооружение, являющееся центром резиденции.

что при других лицах глагольное построение изменяется. При действии 1-го лица на 3-е в том же единственном числе выступает другой суффикс (-bi), а при действии 3-го лица множественного числа включается специальный суффикс -(i)tu, к которому в свою очередь могут присоединяться те же самые объектные показатели. Последние, сочетаясь в данном случае с субъектным показателем, уже сохраняют за собою одно лишь объектное содержание. Следовательно, при нулевом показателе субъекта суффиксы -ni и -ali сами являются носителями субъектно-объектного значения, передавая соответствующее число объекта, на который направляется действие единичного субъекта в его 3-м лице. Таково построение урартского переходного глагола при единственном числе 3-го лица субъекта.

При действии 1-го лица субъекта в том же единственном числе субъектно-объектные отношения передаются равным образом одной грамматической формой. Действие, направленное на один объект, оформляется суффиксом -bi (zadu-bi 'сделал-я-его'). Для передачи же действия, направленного на множество объектов, используется тот же суффикс -ali, но лишенный начальной огласовки (-li). Этот суффикс (zadu-li 'сделал-я-их') выступает без специально выраженного субъектного показателя и замещает суффикс -bi, передающий действие 1-го лица на 3-е в единственных числах, ср. примеры использования суффикса -li при 1-м действующем лице; этот суффикс выступает со значением множественного числа как в глаголе, так и в именах, присоединяясь к их основе: ^mRusaše ^mSarduriḫiniše ale ieše ini-li e bani-li . . . bura aštu-li 'Русасын Сардура говорит: эти страны. . . покорил-я-их' (Кологран, стк. 1—3); nunadi šidištu-li ini-li Ē.GAL^{mes} 'пришел [и] построил-я эти цитадели' (там же, стк. 15); šali šišṭini kieidanu-li ^{lu}ḫuradinie-li MĀTU Eriaḫiniedi 'на третий год отправил-я войска в страну Эриахи' (Сард. лет. В, стк. 27—30; то же Corpus, 19 обор., стк. 4); ^mArgištiše ali. . . zadu-li arnišini-li DAN.NU 'Аргишти говорит. . . совершил-я дела великие (букв.: мощные)' (Над. № 138, стк. 7—9).

Суффикс -bi получает в урартских надписях более широкое, чем суффикс -li, употребление, обозначая действие 1-го лица на 3-е в любых его числах, следовательно, выступает и при множестве объектов, в особенности, когда глагол отделяется от них другими словами или стоит после них, ср.: inanie-li arniušini-li šusini šali zadu-bi 'эти дела в один год совершил-я' (Сард. лет. В, стк. 53—55); ^{lu}ḫuradini-li uelidu-bi 'воинов собрал-я' (Сард. лет. F, стк. 2) и др. Но и суффикс -li, в указанном его значении, встречается неоднократно. Оба эти суффикса прибавляются к самой основе.

Помещение при первом действующем лице двух различных суффиксов в зависимости от грамматического числа объекта по-

зволяет прийти к заключению, что как *-li* при множественном числе объекта, так и *-bi* при любом его числе, передают субъектно-объектные отношения одной грамматической формой. Тождество *li* с показателем множественного числа не подлежит сомнению, но при *-li* отсутствует показатель субъекта, и этот суффикс, применяемый при 1-м действующем лице, получает иную грамматическую форму, чем суффикс того же значения при 3-м действующем лице, ср.: *zadu-li* 'сделал-я-их', *zadu-ali* 'сделал-он-их'. Тем самым оттеняется грамматической формой отношение данного объектного суффикса к действующему лицу.

Что касается суффикса *-bi*, обычного для обозначения объекта в единственном числе, то и его субъектно-объектное значение тоже не подлежит сомнению, так как он никогда не сочетается с соответствующим объектным показателем, всегда выступает самостоятельно и всегда выражает действие, переходящее на другой предмет.

Суффикс *-bi* означает 'я-его', суффикс *-li* — 'я-их'. Таким образом и *-bi* не является исключительно субъектным показателем. Им передается действие 1-го лица на 3-е лицо, чем, возможно, и объясняется совпадение этого суффикса в переходном и в непереходном глаголе; в последнем этот суффикс обозначает 3-е лицо, ср.: *hau-bi* 'взял-(я)-его', *nuna-bi* 'пришел-он'. Подтверждением этому может служить и то, что падеж подлежащего при непереходном глаголе (падеж субъекта) служит в то же время и падежом прямого дополнения при переходном (падеж объекта). Падеж субъекта непереходного глагола и падеж объекта при переходном совпадают. В построении глагола наблюдается та же схема: субъектный показатель непереходного глагола выступает объектным в переходном. Ср.: ^mUtupuršini ŠARRU ^mDiauehi nuna-bi kaiukid 'Утупурши царь Диауехи пришел-он ко мне' (Corpus, 27, стк. 12—13); *hau-bi* ^mDiauehi MĀTU-nie 'захватил-(я)-его Диауехи страну' (там же, стк. 7).

Проведенный анализ материала приводит к следующему выводу: значение имеет как число субъекта (в данном случае единственное), так и число объекта. При единственном числе действующего лица субъектно-объектные отношения передаются одной грамматической формой, которая изменяется в зависимости от того, действует ли 1-е лицо или 3-е, и от того, на какое число объекта направлено действие. Таким образом показатели меняются в зависимости от числа объекта, но они же зависят и от лица субъекта, хотя последний не выявлен специальным показателем, к которому присоединялся бы соответствующий объектный суффикс.

При одном действующем лице выступает различная суффиксация в зависимости как от лица субъекта, так и от числа объекта.

1-е действующее лицо получает суффикс *-bi* при единичном объекте и *-li* при множестве объектов;¹⁵

3-е действующее лицо получает суффикс *-ni* при единичном объекте и *-ali* при множестве объектов; ср.: *Ê.GAL baduse šidištu-bi* 'цитадель величественную (?) построил-(я)-ее' (Нор-Баязет, стк. 5; Кологран, стк. 17); *nunadi šidištu-li inili* *Ġ.GAL^{meš}* 'пришел [и] построил-я-их эти цитадели' (Кологран, стк. 15); *Ê.GAL šidištu-ni baduse* 'цитадель построил-(он)-ее величественную (?)' (Corpus, 56, стк. 8—9); *Ḥaldinili BĀBU šidištu-ali* 'Халдовы ворота построил-(он)-их' (Corpus, 56, стк. 6—7).

Суффиксы *ni* и *-(a)li* оказываются общими для имен и глаголов. Первый из них многозначен. Он выражает принадлежность, имея в этом употреблении притяжательное значение, ср. приведенное выше: *Ḥaldinili BĀBU* 'Халдовы ворота (врата)', где имя бога *Ḥaldi* получило суффикс *ni* (*Ḥaldi-ni*) для придания ему значения принадлежности. Тот же суффикс служит окончанием аблатива в значении исходного и инструментального падежей, ср.: *Ḥaldinini alsuišini* 'величием бога Халда (Халдовым величием)'. Названным суффиксом заканчиваются оба слова: *alsuiše* 'величие' и *Ḥaldini*. Последнее стоит в притяжательной форме (*Ḥaldi-ni* 'Халдово', 'принадлежащее Халду'), представляя тем самым стечение двух *-ni* в их двойном значении (*Ḥaldi-ni-ni*). Первое передает притяжательность, а второе — орудийность. Тот же суффикс *-ni* оформляет в именах собственных именительный падеж, выступающий также падежом прямого дополнения при переходном глаголе, выражая в данном случае объект, ср.: *karu-ni MĀTU Etiuni-ni* 'победил страну Этиуни' (Ник. VI, стк. 2), где имя страны Этиуни заканчивается названным суффиксом, так же как и глагол *karu-ni* 'победил-(он)-его'. В обоих словах данный суффикс получает объектное значение.

Оба суффикса, *-ni* и *-(a)li*, выступая в глаголе и именах, образуют в предложении группировки слов с одинаковым окончанием, получившимся в итоге согласования, в котором соответствующая суффиксация оказалась сходной. Глагол в этом случае выделяется показателем переходности действия *-u*, завершающим его основу и стоящим перед личными окончаниями: *kar-u-ni MĀTU Etiuni-ni* 'покорял-(он) страну Этиуни'; *Ḥaldi-ni-li BĀBU-li šidišt-u-ali* 'Халдовы ворота построил-(их)'. Объект во множественном числе (*Ḥaldini-li BĀBU-li*), как и относящийся к нему глагол (*šidištu-ali*), снабжены одним и тем же суффиксом *-li*, *-ali*. Объект в единственном числе, передаваемый именем собственным (*Etiuni-ni*), сопровождается глаголом с таким же суффиксом *-ni* (*karu-ni*).

¹⁵ Как уже отмечалось выше, суффикс *-bi*, обычно выступающий при одном объекте, используется и при их множественном числе.

Те же два показателя выступают и при множественном числе субъекта в 3-м лице, но в этом случае они передают одностороннее отношение к объекту, так как во множественном числе субъекта включается особый его показатель — суффикс *-(i)tu*. Являясь окончанием 3-го лица множественного числа переходного глагола, этот суффикс выступает как самостоятельно, так и в сопровождении указанных объектных показателей: *-itu* 'они', *-itu-ni* 'они-его', *itu-li* 'они-их'.

Субъектный показатель *-itu* присоединяется к глагольной основе без обычного показателя переходности действия (*-u*). Тем самым обнажается глагольная основа с ее исходным согласным звуком, например: *at-itu* 'пожрали, изничтожили-они', основа *-at*, ср. в 1-м лице *at-u-bi* 'изничтожил-я'; *ḥarḥarš-itu-li* 'разрушили-они-их'; основа *ḥarḥarš*, ср. *ḥarḥarš-u-bi* 'разрушил-я'; *ḥa-itu* 'захватили-они', основа *ḥa*, ср. *ḥa-u-bi* 'захватил-я'.

Суффикс *-itu* может выступать в усеченном виде, утрачивая начальный гласный (*-tu*). Присоединение названного суффикса в этом виде к основе глагола дает стечение согласных, например: *par-tu* 'увели-они', от основы *par-*, ср. *par-u-bi* 'увел-я'; *ter-tu* (графически *teirtu*) 'поставили, установили-они', основа *ter*, ср. *ter-u-bi* 'поставил, установил-я'. Наличное написание *teirtu*, вместо ожидаемого *tertu*, находит себе объяснение в особенностях используемой графической системы. Показатель 3-го лица множественного числа переходного глагола *-(i)tu*, благодаря слоговой системе клинописи, имеющей однозвучные знаки только для гласных, затруднил написание стоящих рядом двух согласных, что и отразилось в отмеченном выше *tertu*, представленном в письме сочетанием трех согласных звуков *te-ir-tu*.¹⁶

Стечение согласных получается от присоединения суффикса *-itu*, утратившего свою начальную огласовку *-i*, к основе глагола, заканчивающегося согласным звуком. Такое сближение двух согласных может видоизменять глагольную основу также и независимо от действовавшей системы письма. В формах единственного числа переходного глагола, в которых сохраняется показатель переходности действия (*-u*), такого соединения согласных не получается, так как глагольная основа завершается названной огласовкой, ср. *zad-u-bi* 'сделал-я'. В формах же 3-го лица множественного числа личное окончание *-tu* присоединяется непосредственно к глагольному корню без упомянутого выше окончания с гласным показателем переходности действия (*-u*), что сближает

¹⁶ В надписи Мхер-Капуси (Corpus, 18) повторяется дважды один и тот же текст, причем глаголу *te-ir-tu* во второй части надписи (стк. 34) соответствует *te-gu-ni* в первой части (стк. 2). Тем самым устанавливается их основа *ter-*. Едва ли в ней имеется дифтонг *-ei*, давший написание *teirtu*, так как соответствующих ему вариантов типа *te-ir-u-ni* и т. д. нигде не встречается. Огласовка основы *-e* выступает устойчиво.

согласные звуки, отражаясь тем самым на устойчивости глагольной основы. В связи с этим получились такие формы, как *zatumē* 'сделали-они-мне' и *zatuli* 'сделали-они-их', образовавшиеся в итоге сочетания глагольного корня *zad-* (ср. *zad-u-bi* 'сделал-я') и окончания 3-го лица множественного числа субъекта (*i*)*tu*, что дало *zad-itu*, а с утратой начальной огласовки личного окончания (*-i*) привело к стечению двух согласных *zad-tu* и к выпадению конечного согласного самой глагольной основы, сохранив наличные в клинописных текстах *zatumē* (*za-tu-me*)¹⁷ и *zatuli* (*za-tu-li*), ср.: *zatumē* 𐎠𐎢𐎰𐎠𐎢𐎰𐎠𐎢𐎰 'сделали-они мне дорогу, открыли-они-мне путь' (Сард. лет. Е, стк. 47). Форма *zatuli* 'сделали-они-их' (*za-tu-li*) встречается в надписи Мхер-Капуси (Corpus, 18, стк. 33), в которой цари Ишпуин и Менуа говорят о сооружении ими *inili BĀVU^{mes}* 'этих ворот', где множественному числу объекта *inili BĀVU^{mes}* соответствует глагол с тем же показателем объекта *-li* и субъекта во множественном числе *-tu* (*za-tu-li*). Изменение глагольной основы имеет место и с глаголом *kugu-* 'чертить, писать (?)',¹⁸ который в единственном числе, благодаря наличию показателя переходности действия (*-u*), сохраняет полный вид своей основы, ср. *kug-u-ni* 'начертал-(он)-его', тогда как во множественном числе субъекта 3-го лица, даже при наличии разделяющей согласные звуки огласовки, сохранившейся в личном показателе *-itu*, получилось выпадение исходного согласного в основе глагола (*ku-itu*, вместо *kug-itu* 'начертали-они'), ср. в единственном числе субъекта: ^m*Meinuaše* ^m*Išruiniḫiniše* *ini pulusi kuguni* 'Менуа сын Ишпуина эту надпись начертал' (Corpus, 48, стк. 5—7), и во множественном числе субъекта: ^m*Išruiniše* ^m*Sarduriḫiniše* ^m*Menuaše* ^m*Išruiniḫiniše* *ini puluse kuitu* 'Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина эту надпись начертали' (Corpus, 14, стк. 1—4). В единственном числе субъекта глагол *kug-u-ni* сохраняет исходный *-g* своей основы, тогда как во множественном числе субъекта этот согласный звук выпадает (*ku-itu*). Неустойчивое положение интервокального *-g* отмечается не только в глаголах, ср. параллельные написания: *tuagi* и *tuaie* 'блестящий', *ebanigidi* и *ebaniedi* 'в страну', *uštadi... MATU Uelikunigidi ḫaubi MĀTU Uelikunini*

¹⁷ В этой глагольной форме конечное *-me* является энклитическим местоимением 3-го лица в его косвенном падеже со значением 'мне, меня'. Такое глагольное и даже именное построение встречается в урартской клинописи несколько раз, о чем см. ниже.

¹⁸ Г. А. Меликишвили восстанавливает основу *kuū-*, исходя из таких ее начертаний, как: *ku-u i-tu-u-ni*, *ku-u-i-gu-u-ni*. Между тем повторная огласовка уничтожает слоговые знаки, образуя однобуквенное чтение *kuituni*, *kuiguni*. Тем самым восстанавливается основа *kuig-*, в которой дифтонг *-ui* мог передаваться одним *-u*, что и дало наличное написание *ku-u-gu-u-ni* (*kuguni*). Г. А. Меликишвили дает восстанавливаемой им основе условный перевод 'воздвигать (?)' (Урартские клинообразные надписи, стр. 69, 400).

‘направился-я... в страну Уеликуни [и] захватил страну Уеликуни’ (Сард. лет. F, стк. 17) и др.

По той же причине получилось совпадение форм 3-го лица единственного и множественного чисел в глаголе *šidištu-* ‘воздвигать, построить’, от которого образуется форма единственного числа субъекта с требуемой в этом случае огласовкой *-u*, присущей переходным глаголам (*šidišt-u*). К этой полной основе в единственном числе действующего лица прибавляются, как указывалось выше, показатели объекта в единственном числе *-ni* (*šidištu-ni* ‘построил-(он)-его’) и во множественном числе *-ali* (*šidištu-ali* ‘построил-(он)-их’). Суффикс субъекта в этих глагольных формах отсутствует. Во множественном числе того же 3-го действующего лица к той же глагольной основе, но без показателя переходности действия (*-u*), присоединяется личное окончание *-tu*, что и дало стечение двух одинаковых согласных (*-t*): *šidišt-tu-ni* ‘построили-они-его’ и затем выпадение одного из этих согласных: *šidiš-tu-ni*. В итоге получилось совпадение форм единственного числа субъекта со множественным.

Такое совпадение двух форм различного значения объясняется тем, что основа данного глагола оканчивается на согласный *-t*, который входит как в состав самой глагольной основы *šidišt-*, так и в состав упомянутого личного окончания *-tu* (3-е лицо субъекта во множественном числе), огласовка которого совпадает с показателем переходности действия *-u*. Когда образуются формы спряжения с единственным числом субъекта, глагольная основа сохраняет показатель переходного действия (*šidištu*), когда же образуются формы со множественным числом субъекта, то его личное окончание *-tu* прибавляется непосредственно к основе глагола без показателя переходного действия, что приводит к стечению двух *-t* и отпадению одного из них. Получилось *šidištu*, то есть та же форма, но с иной ее разбивкой по слагаемым частям: *šidišt-u*, *šidiš-tu*. К обеим одинаковым глагольным формам (*šidištu*) добавляется один и тот же показатель объекта в единственном числе *-ni*, что и дает отмечаемое совпадение, ср.: ^mMenuaše ^mIšpuniḥiniše ini Ê.GAL *šidištuni* baduse ‘Менуа сын Ишпуина эту цитадель построил величественную (?)’. Глагол *šidišt-u-ni* стоит в единственном числе субъекта с показателем объекта в том же числе (Corpus, 59, стк. 2—4): ^mIšpuiniše ^mSardurieḥiniše ^mMenuaše ^mIšpuiniḥiniše ^dHaldiei susi *šidištuni* ‘Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина халдово святилище построили’ (Corpus, 16, стк. 1—2, 6—7). При двух действующих лицах глагол получает их показатель во множественном числе (*-tu*), сохраняя показатель единичного объекта (*-ni*). В одном случае имеется *šidišt-u-ni* ‘построил-он-его’, а в другом *šidiš-tu-ni* ‘построили-они-его’, в чтении же — *šidištuni* в обоих случаях.

Расхождение получается в формах со множественным числом объекта, показатели которого различаются. При одном действующем лице используется объектный показатель *-ali*, при многих действующих лицах — *-li*, ср. *šidišt-u-ali* 'построил-он-их', *šidiš-tu-li* 'построили-они-их': ^mMenuaše ^mIšpuiniḥiniše ^dḤaldinili BĀBU-li šidištuali 'Менуа сын Ишпуина Халдовы ворота построил' (Corpus, 67, 68, стк. 2—4); ^mIšpuiniše ^mSardurieḥiniše ^mMenuaše ^mIšpuiniḥiniše (^dḤaldi)inili BĀBU šidištuli 'Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина Халдовы ворота построили' (Corpus, 17, стк. 2—5).

Приведенные примеры указывают, что при 3-м действующем лице множественного числа показатели лиц различаются. Показатель объекта сохраняется тот же, что и при единственном числе субъекта, но последний получает свое особое выражение, ср. оформление глагола *kug-u-ni* в тексте, где Менуа говорит о начертании надписи на сооруженной им стеле (Corpus, 48, 56 и др.), и тот же глагол в тексте двух царей, Ишпуина и Менуа, повествующих о таком же действии. В последнем примере показателю объекта в единственном числе (*-ni*) предшествует показатель субъекта во множественном числе: *ku-itu-ni*, получившееся из *kugitu-ni* (Corpus, 15). В обоих глагольных формах, *kug-u-ni* и *ku-itu-ni*, выступает один и тот же показатель объекта *-ni*, но положение его различно. Включение показателя объекта при единственном числе действующего лица оказывается необходимым, так как одним объектным суффиксом передаются субъектно-объектные отношения. При множестве действующих лиц, когда показатели субъекта и объекта обособляются, употребление последнего оказывается уже необязательным, ср.: ^mIšpuiniše... ^mMeinuaše... *ini puluse kuitu* (Corpus, 14, стк. 2—4) и ^mIšpuiniše... ^mMeinuaše... *ini puluse kuituni* (Corpus, 15, стк. 2—4), 'Ишпуин... [и] Менуа... эту надпись начертали'. В обоих совершенно аналогичных текстах наличествует суффикс субъекта *-itu*, но объектный показатель *-ni* в первом примере отсутствует.

Таким образом при 3-м действующем лице во множественном числе его выступают субъектные и субъектно-объектные формы с одноличными окончаниями в первых и двухличными во вторых. Суффикс субъекта сохраняется в той же форме, а суффиксы объекта, когда они выступают в глаголе, меняются в зависимости от числа предмета, на который направлено действие. В текстах преобладают одноличные формы с одним только субъектным показателем, но встречаются и двухличные построения, причем и те и другие могут выступать в одном и том же тексте, ср.: MĀTU-ebani ḥaitu ĀLU^{meš} ŠARAPU ḥarḥaršituli MĀTU-ebani atitu 'aše SAL-lutu MĀTU Biainadi partu 'страну захватили, города сожгли, разрушили-они-их, страну разорили, мужчин [и] женщин в страну

Биайну увели-они' (Сард. лет. В, стк. 31—35). Речь идет о войнах, направленных в страну Эрах. Они захватили страну (*ḥa-itu*), разорили ее (*at-itu*), мужское и женское население увели (*par-tu*), города разрушили (*ḥarḥarš-itu-li*). Только последний из перечисленных глаголов имеет, кроме субъектного показателя, также и объектный (*-itu-li*).

Детальный обзор построения урартского переходного глагола приводит к определенным выводам. Личные окончания в глаголе занимают, как мы видели, различное положение в формах переходного глагола единственного и множественного чисел. Построение глагола полисинтетично. Оно связано и с субъектом и с объектом, поэтому признание личных глагольных окончаний за показатели только объекта (М. Церетели, А. Гётце) нуждается в значительных уточнениях. Это утверждение оправдывается приведенным выше разбором суффиксов *-ni* и *-li*, но и по отношению к ним следует иметь в виду особый характер передаваемых глаголом субъектно-объектных отношений. Суффикс *-itu*, как мы видели, к числу объектных показателей отнесен быть не может.¹⁹ При нем объектные показатели выступают самостоятельно. Следовательно, *-itu* передает лишь субъект в 3-м лице множественного числа. Только он один остается однозначным суффиксом, обращая в такие же однозначные суффиксы сопровождающие его объектные показатели *-ni* и *-li* в случаях их присоединения к глагольной форме. Но при единственном числе действующего лица выступают одни лишь суффиксы объекта и значение их тем самым осложняется, так как отсутствие отдельно выраженного показателя действующего лица возлагает на них одних передачу субъектно-объектных отношений.

Можно полагать, что в том же положении оказывается и окончание 1-го лица переходного глагола *-bi*. Отсутствие при одном действующем лице показателя субъекта придает лицу объекта двухличное значение, ср.: *ku-itu-ni* 'начертали-они-его' и *kigu-ni* 'начертал-(он)-его', *teku-ni* 'поверг-(он)-его', *teku-ali* 'поверг (он)-их'. Эти формы при единственном числе субъекта выступают настолько выдержанными в языке урартской клинописи, что, по аналогии с ними, сходное положение можно видеть и в суффиксе *-bi*, ср.: *karu-ni MATU Qumahaḥalii* 'победил-(он)-ее страну Куммух'; *karu-ali VI SARRU^{mes}* 'победил-(он)-их четырех царей'; *karu-bi^m Arquqini ebane* 'победил-(я)-ее Аргукини страну' (Сард. лет. D, стк. 47; E, стк. 36—37; F, стк. 22). Все выступающие здесь переходные глаголы различаются показателями лиц объекта; ср.

¹⁹ Этот суффикс и М. Церетели признает за показатель субъекта, хотя лишь в определенной группе глаголов, см. его: *Die neuen haldischen Inschriften...*, стр. 66.

тот же текст с глаголами непереходными и переходными, стоящими в одном и том же действующем лице, но, равным образом, с разными личными окончаниями: ^mSarduriše ale ikukani šali šišṭini ušta-di ^mArquqinie MĀTU-nidi (ebanidi) karu-bi ^mArquqini MĀTU-nie (ebanie) 'Сардур говорит: в том же году третьем направился-я в Аргукини страну, победил-я-ее Аргукини страну' (Сард. лет. F, стк. 21—22). Понимание суффикса -bi как объектного при 1-м действующем лице переходного глагола, направляющего свое действие на 3-е лицо (я-его), вводит этот суффикс в общую схему построения переходного глагола с единственным числом субъекта, не получающего в этом глаголе особого суффикса для своего выражения.

Передавая 3-е лицо объекта при субъекте в 1-м лице, этот же суффикс -bi совпадает с такой же формой окончания 3-го лица непереходных глаголов, ср.: ušta-bi 'направился-он', šidištu-bi 'построил-(я)-его'. Не один только показатель лица -bi выступает в двух противоположных значениях, выражая действующее лицо непереходного глагола и объект действия при переходном. В том же положении оказывается и суффикс -ali, ср.: ušta-ali 'направились-они' (Corpus, 14, стк. 9); šidištu-ali 'построил-(он)-их' (Corpus, 56, стк. 7). Тот же суффикс -(a)li, как и в единственном числе -ni, используются и в соответствующих именных формах единственного и множественного чисел субъекта при непереходном действии и прямого объекта при переходном. Такое положение не противоречит общей структуре эргативного предложения.

Личные окончания переходного глагола в аористе

-bi — показатель направленности действия 1-го л. ед. ч. на 3-е л. в обоих числах: ^mSarduriše ale... MĀTU-ebani ašgu-bi Ê. GAL^{mes} ḥarḥaršu-bi ĀLU^{mes} ŠARAPU-bi MĀTU-ebani atu-bi 'aše SAL-lutu ištini paru-bi 'Сардур говорит:... страну захватил-я, цитадели разрушил, города сжег, страну разорил, мужчин и женщин туда (к себе на родину, то есть в Биайну) увел' (Сард. лет. С, стк. 5—10). Все глаголы, независимо от числа объекта, оформлены суффиксом -bi.

Переходные и непереходные глаголы имеют общий показатель лица -bi, но в различном его значении, ср.: šia-bi kauki suluštibi terulubi arume meše 'пришел ко мне [Кушташпили, царь страны Куммух], пал ниц, установил-я: дал-он-мне дань' (Сард. лет. E, стк. 53—54). В этом предложении выступают три глагола с одинаковым окончанием -bi: šia-bi, sulušti-bi, terulu-bi. Первые два — непереходные, с соответствующей огласовкой основы (ši-a-bi, sulušt-i-bi). Последний — переходный, с соответствующей огласовкой (terul-u-bi). Первые два говорят о действии 3-го лица —

покоренного царя, который пришел и пал ниц (умолял); глагол же *terulubî* относится к самому урартскому царю, Сардуру, повествующему от своего имени, то есть в 1-м лице — 'установил-я его (то)'.

-*nî* — показатель объекта 3-го л. ед. ч. при субъекте в 3-м же л. Когда действует одно лицо, этот суффикс присоединяется непосредственно к глагольной основе, снабженной показателем переходности действия (гласный -*u*); когда же действует множество лиц, тот же суффикс присоединяется к личному окончанию -*itu*, ср.: *kug-u-nî* 'начертал-он-его', *ku-itu-nî* 'начертали-они-его'. Тот же суффикс -*nî* оформляет именительный падеж в именах собственных лиц и в топонимических названиях, ср.: *karu-nî MÂTU Etiuni-nî* 'покорил-он-ее страну Этиуни'. Показателем множественного числа объекта выступает суффикс -(*a*)*li*.

-(*a*)*li* — показатель объекта 3-го л. множ. ч. При субъекте в 3-м л. ед. ч. данный суффикс в форме -*ali* присоединяется непосредственно к глагольной основе с ее показателем переходности действия (-*u*), то есть в том же положении, как и суффикс -*nî*, ср.: *kar-u-nî MÂTU Etiuni-nî* [Халдово войнство] победило страну Этиуни' (Ник. VI, стк. 2); *kar-u-ali IV ŠARRU^{mes}* [Халдово войнство] победило четырех царей' (Сард. лет. D, стк. 47); ^m*Menuaše* ^m*Išpuiniḫiniše ini susi šidišt-u-nî* ^d*Haldini-li BÂBU-li šidišt-u-ali* 'Менуа сын Ишпуина это святилище построил-его, Халдовы ворота построил-их' (Corpus, 66, стк. 2—4, 7—9); *ini Ê. GAL zad-u-nî* 'эту цитадель воздвиг-он-ее' (Corpus, 20, стк. 3); *ini-li BÂBU zad-u-ali* 'эти ворота воздвиг-он-их' (Corpus, 18, стк. 2). При деятеле в 1-м л. ед. ч. выступает показатель множественности объектов -*li*, ср.: *ieše inili ebanili ... bura ašt-u-li* 'эти страны ... покорил-я-их'²⁰ (Над. № 266, стк. 2—3); ^m*Argištiše ali ... zad-u-li arnišinili DAN. NU* 'Аргишти говорит: ... совершил-я-их дела великие (букв.: мощные)' (Над. № 138, стк. 7—9). Приведенные примеры указывают на тождество данного объектного показателя в глаголе (*aštu-li*, *zadu-li*) с показателями множественного числа в именах (*ini-li*, *ebanili*, *arnišini-li*). При множественном числе субъекта в 3-м лице, где выступает специальный его показатель -*itu*, тот же суффикс -*li* может к нему присоединяться, обозначая множество объекта.

-*i(tu)* — показатель 3-го л. субъекта во множ. ч. переходных глаголов (-они). Прибавляется непосредственно к глагольной основе, лишенной показателя переходности действия (-*u*): *paḡ-tu* „увели-они“, в ед. ч. *paḡ-u-bî* „увел-(я)-его“. Встречающееся в отдельных случаях стечение согласных звуков может приводить

²⁰ Словосочетание *bura aštubî* 'в раба превратил-я-его'.

к видоизменению основы глагола: *za-tu-li* получившееся из *zad-tu-li* (Над. № 27, стк. 33), ср. в ед. ч. *zad-u-ni* 'сделал-(он)-его'. К суффиксу субъекта *-itu* могут прибавляться соответствующие показатели 3-го лица объекта, упомянутые выше *-ni* для единственного числа и *-li* для множественного: *itu* „они“, *itu-ni* „они-его“, *itu-li* „они-их“. В одних и тех же контекстах глаголы встречаются как с субъектными и объектными показателями, так и с одними лишь субъектными (в 3-лице множественного числа), ср.: *ini puluse ku-itu* 'эту надпись начертали-они' (Сурб-Погос; Corpus, 4, стк. 3—4); *ini puluse ku-itu-ni* 'эту надпись начертали-они-ее' (Corpus, 15, стк. 4); *ĀLU^{mes} ... ħarħarš-itu-li* 'города разрушили-они-их' (Сард. лет. В, стк. 32).

-še — показатель 1-го л. субъекта во множ. ч. Приводится условно, так как эта грамматическая форма не устанавливается с достаточной ясностью.²¹

Общим для переходных и непереходных глаголов является показатель косвенного объекта *-me*.

В непереходных глаголах встречается выражение двухличных отношений (субъект и косвенный объект), ср. уже приводившуюся форму *ħašialme* 'прислушались-они ко мне, помогли-они-мне', где основа непереходного глагола с соответствующим показателем непереходности действия *ħašia-* снабжена еще и показателем множественности числа *-li* (*ħašia-li*) и получает сверх того местоименную приставку со значением косвенного объекта *-me* 'мне'. Такое же двухличное построение можно встретить и у переходных глаголов, ср. *zatumē* 'сделали-они-мне', от основы *zad-*, снабженной окончанием 3-го лица субъекта во множественном числе и тем же энклитическим местоимением (*za-tu-me*).

Особенностью таких глагольных образований является то, что прибавление косвенного объекта устраняет показатели прямого объекта. Поэтому при наличии показателя субъекта в 3-м лице множественного числа показатель косвенного объекта присоединяется непосредственно к нему (*za-tu-me*). Поэтому же в непереходных глаголах, где показатели прямого объекта отсутствуют, показатель косвенного объекта следует за субъектным показателем (*ħašia-l-me* 'помогли-они-мне'), а при действии одного лица в переходных глаголах, в которых субъектно-объектные отношения передаются одними объектными показателями, последние отпадают и показатель косвенного объекта присоединяется непосредственно к глагольной основе, ср.: *arū-ni* 'дал-(он)-его', *arū-me* 'дал-(он)-мне', при множественном числе субъекта *ar-tu-me* 'дали-они-мне' (Над. № 264, стк. 30).

²¹ Подробнее см. стр. 15 сл.

Парадигма спряжения урартского глагола в аористе

Непереходный глагол (показатель непереходности действия -а, -ai, -i):

- 1) ušt-a-di 'выступил (направился)-я'
- 2) ušt-a-bi ' " " " -он'
- 3) ušt-a-li 'выступили (направились)-они'

Переходный глагол (показатель переходности действия -u):

1) 1-е л. ед. ч. на 3-е л. ед. ч.	šidišt-u-bi	'построил-(я)-его'
2) 1-е " " " " 3-е " множ. "	šidišt-u-li	' " " -(я)-их'
(Над. № 266, стк. 15) ²²
3) 3-е " " " " 3-е " ед. "	šidišt-u-ni	'построил-(он)-его'
4) 3-е " " " " 3-е " множ. "	šidišt-u-ali	' " " -(он)-их'
(Corpus, 56, стк. 7)
5) 1-е " множ. "	šidišt-p-še	'построили-мы' (?)
(Corpus, 11, стк. 6, 38)
6) 3-е " "	(šidiš-tu)	'построили-они'
(в этой форме не встречается, но имеются нижеследующие производные от нее)
7) 3-е л. множ. ч. на 3-е л. ед. ч.	šidiš-tu-ni	'построили-они-его'
(Corpus, 16, стк. 2, 7)
8) 3-е " " " " 3-е " множ. "	šidiš-tu-li	'построили-они-их'
(Corpus, 17, стк. 5, 11).

Приведенные формы встречаются в текстах от различных глаголов: zadu- 'делать', ħau- 'захватывать', kugu- 'начертывать';²³ ħarħaršu 'разрушать':

1) zad-u-bi	ħa-u-bi	ħarħarš-u-bi
2) zad-u-li	ħa-u-lie	ħarħarš-u-lie
3) zad-u-ni	ħa-u-ni	kug-u-ni
4) zad-u-ali (Corpus, 18, стк. 2)	ħa-u ali (Над. № 39, стк. 15)	
5) za-tп-me		
6)	ħa-itu (Сард. лет. В, стк. 31)	ku-itu (Corpus, 14, стк. 4)
7)		ku-itu-ni (Corpus, 15, стк. 4)
8) za-tu-li (Corpus, 18, стк. 33)		ħarħarš-itu-li (Сард. лет. В, стк. 32)

²² У часто встречающихся форм источники не указываются.

²³ В основе глагола, по-видимому, имеется дифтонг kuig-, в письме иногда опускаемый. Конечный согласный основы выпадает с прибавлением личного окончания -tu, присоединяемого непосредственно к глагольной основе с пропуском показателя переходного действия -u: kui-tu-ni; ср. такое же выпадение конечного согласного » za-tu-li при полном окончании основы zad-u-ni.

Значение приведенных форм можно видеть в следующем примере: ^mSarduriše ale ištiedi uštadi MÂTU Manaidi MÂTU-ebani ĥaubi ÂLU^{meš} ŠARAPU-bi ĥarĥaršuli MÂTU-ebani atubi 'aše SAL-lutu parubi MÂTU Biainaidi . . . ikukani šali šišhini kieidanuli ^{lu}ĥuradinie-li MÂTU Eriaĥiniedi MÂTU-ebani ĥaitu ÂLU^{meš} ŠARAPU ĥarĥaršituli MÂTU-ebani atitu 'aše SAL-lutu MÂTU Biainadi partu 'Сардур говорит (ištiedi): направился-я в страну Мана, страну захватил, города сжег, разрушил, страну изничтожил, мужчин и женщин угнал в страну Биайну, . . . в тот же год третий направил-я воинов в страну Эриах, страну захватили-они, города сожгли, разрушили, страну изничтожили, мужчин и женщин в страну Биайну угнали' (Сард. лет. В, стк. 12—19, 26—35). Речь держит сам Сардур. Вначале он говорит в 1-м лице. В этой части его повествования стоят глаголы в единственном числе, выражая действия 1-го лица как в непереходном (ušt-a-di), так и в переходных глаголах (ĥa-u-bi и др.). Этим же переходным глаголам в дальнейшем изложении соответствуют их же формы во множественном числе субъекта 3-го лица. Продолжая речь от своего имени, царь использует глагол kieidan-u-li, стоящий в том же 1-м лице ('направил-я'), но согласованный с прямым дополнением ^{lu}ĥuradinie-li, поставленном во множественном числе ('воинов'). Поэтому и глагол в 1-м действующем лице оказался с показателем множественного числа -li. Дальше говорится о действиях посланных воинов, в связи с чем и соответствующие глаголы получили форму 3-го л. множ. ч.: ĥa-itu 'захватили-они' (ср. ĥa-u-bi 'захватил-я'); at-itu 'изничтожили-они' (ср. at-u-bi 'изничтожил-я'); par-tu 'угнали-они' (ср. par-u-bi 'угнал-я'). Только один глагол в этой серии взят с двумя показателями лиц (субъекта и объекта): ĥarĥarš-itu-li 'разрушили-они-их'; ср. в первом тексте — ĥarĥarš-u-bi 'разрушил-я'.

Приведенные парадигмы показывают, что непереходный глагол строится по субъектному спряжению, а переходный по объектному, за исключением глагола с 3-м действующим лицом множественного числа, спряжение которого проходит по субъектному строю. В связи с этим от переходного глагола 3-го лица множественного числа могут образоваться глагольные формы с двумя личными окончаниями (субъекта и прямого объекта). Пассивного построения глагола здесь нет. Его нет и в объектном строе спряжения переходного глагола при единственном числе действующего лица, так как объектные суффиксы и здесь передают направленность действия со стороны определенного лица: -bi 'я-его', -ni 'он-его', -ali 'он-их'. Поэтому при всех формах переходного глагола подлежащее ставится в одном и том же активном (эргативном) падеже на -še, ср.: ^mIšpuiniše . . . ^mMenuaše . . . ini puluse kuitu 'Ишпуин . . . [и] Менуа . . . ъту надпись начертали'

(в глаголе суффикс субъекта -tu; Corpus, 14, стк. 1—4); ^mIšruiniše... ^mMenuaše...ini puluse kuituni (в глаголе суффиксы субъекта и объекта -tu-ni; Corpus, 15, стк. 2—4); ^mMenuaše...ini puluse kiguni (в глаголе суффикс объекта -ni; Corpus, 89, стк. 5—8 и др.). Переходные глаголы в приведенных примерах выступают носителями одного (-tu, -ni) и двух личных окончаний (-tu-ni).

Переходный глагол в урартском языке остается при двухличном окончании также в том случае, когда в глагольную форму включается косвенный объект. Отстраняя показатель прямого объекта, косвенный объект (местоименная энклитика) присоединяется, как мы видели, к субъектному показателю, а там, где его нет, — непосредственно к основе глагола. Поэтому при деятеле в единственном числе косвенный объект становится на место прямого и тем самым сохраняет одноличное глагольное построение, ср.: agu-ni 'дал-(он)-его' и agu-me 'дал-(он)-мне'; во множественном же числе субъекта выступает двухличная грамматическая форма: ar-tu-me 'дали-они-мне'. Таким образом трехличные отношения (к субъекту, прямому объекту и косвенному объекту) сводятся в урартском языке к одноличным и двухличным построениям глагола.

Грамматическая форма глагола рассматривалась здесь по его синтаксическому положению и по его же лексическому содержанию, передающим отношения к субъекту и объекту. В основу легло противопоставление переходного действия непереходному. Глаголы непереходные и переходные получили различные построения. Те же грамматические формы используются в соответствующих временных группах. В урартском языке, по его наличным памятникам, образуются только два времени. Одно из них выделяет законченное действие, другое передает действие в процессе его совершения. Тем самым выделяются времена — аорист и настоящее-будущее. Урартский глагол различается в своих построениях также и по этим группам времен.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УРАРТСКОГО ГЛАГОЛА В АОРИСТЕ

Грамматическое построение урартского глагола ставит его в тесную связь с картвельскими языками, в которых глагол равным образом полиперсонален — он может быть одноличным, двухличным и трехличным. Так, например, в спряжении чанского глагола обозначаются лица субъекта и объекта (прямого и косвенного), причём показатели одного из объектов устраняют показатели другого. „Флексией второй объект в глаголе не представлен; следовательно, строго морфологически нет разницы между

двухличным и трехличным глаголом".²⁴ Та же система выступает и в языке Биайны. Кроме того резкое различие между глаголами переходного действия и непереходного в этом языке в точности соответствует основным свойствам глагола иберийско-кавказских языков. Эргативный строй предложения и построение в нем глагола выдержанно выступают в сравниваемых нами языках. Но, тогда как в чанском языке „в одноличном глаголе обозначается только одно лицо, лицо субъекта“,²⁵ в урартском языке в одноличном глаголе морфологически может быть выражено также и одно лицо объекта, ср.: *karu-ni MĀTU Etiuni-ni* 'покорил-(он)-ее страну Этиуни'. Все же и в этом случае передается отношение субъекта 3-го лица единственного числа к объекту в том же лице и числе. Таким образом двухперсональность глагола морфологически и здесь сводится к единоличному построению.

Одноличными являются непереходные глаголы, но они же могут иметь и показатели двух лиц, когда к суффиксу субъекта добавляется суффикс косвенного объекта, ср. пример с одним только субъектным показателем без косвенного объекта: *ĀLU Ardinidi pupa-li* 'в город Ардини (Мусасир) пришли-они' (Corpus, 12, стк. 1—2, 26) и с косвенным объектом, дающим двухличное построение: *hašia-l-me (hašia-li-me) ILU^{mes}* 'помогли-они-мне боги' (Сард. лет. Е, стк. 7, 47; М; Гр. 18).

Переходный глагол в аористе может быть по своей грамматической форме: 1) одноличным, когда выступает один субъект в 3-м л. множ. ч., ср.: *'aše^{mes} SAL-lutu^{mes} MĀTU Biainadi par-tu* 'мужчин и женщин в страну Биайну увели-они' (Сард. лет. В, стк. 34—35); 2) одноличным, когда субъектно-объектные отношения передаются одним объектным показателем, что имеет место при действующем лице в ед. ч., ср.: *karu-ni MĀTU Etiunini* 'покорил-(он)-его страну Этиуни' (Ник. VI, стк. 2), суффикс *-ni* указывает на действия 3-го лица на 3-е же лицо в ед. ч. (он-его); *karu-ali IV ŠARRU^{mes}* 'покорил-он-их четырех царей' (Сард. лет. D, стк. 47), суффикс *-ali* обозначает действия 3-го л. ед. ч. на 3-е же л. множ. ч. (он-их); 3) одноличным, когда косвенный объект, замещая показатель прямого объекта, присоединяется непосредственно к глагольной основе, что имеет место при ед. ч. субъекта, ср.: *agu-me meše* 'дал-(он)-мне дань' (Сард. лет. Е, стк. 54). Местоимение *me* 'мне' следует за глагольной основой; 4) двухличным, когда выступают оба показателя (субъекта и прямого объекта). Такое построение возможно при 3-м лице субъекта во множ. ч., ср. с объектом в ед. ч.: *ini puluse ku-itu-ni* 'эту надпись начертали-они-ее' (Corpus, 15, стк. 4), с объектом во множ. ч.: *ĀLU^{mes}...*

²⁴ А. С. Чикобава, ук. соч., стр. 218.

²⁵ Там же.

ḥarḥarš-itu-li 'города . . . разрушили-они-их' (Сард. лет. В, стк. 32); 5) двухличным, когда косвенный объект присоединяется к субъект-ному показателю, что возможно при том же 3-м действующем лице множ. ч., ср.: ar-tu-me ILU^{mes}-še 'дали-они-мне боги' (Над. № 264, стк. 30). Подлежащее стоит в эргативном падеже на -še, в отличие от ḥašia-l-me ILU^{mes} 'помогли-они-мне боги', где подлежащее при непереходном глаголе стоит в именительном падеже. Глагол ar-tu-me, так же как и ḥašia-l-me, имеет показатель косвенного объекта (-me), присоединенный к показателю субъекта.

ГЛАГОЛ В НАСТОЯЩЕМ-БУДУЩЕМ ВРЕМЕНИ (ПЕРМАНСИВ)

Пермансив в зависимости от стиля урартских клинописных текстов, излагающих завершённые события, выступает в начале повествования: ^mSarduriše ale 'Сардур говорит' и в заключительной формуле проклятия. В последней встречается ряд глаголов, не имеющих в других текстах. Наличие таких глаголов в названной формуле объясняется ее содержанием, направленным против возможных разрушителей надписи и противников излагаемых в ней деяний урартского царя. Все эти глаголы переходные и стоят в 3-м лице. Большинство их говорит о совершителе предполагаемых враждебных действий и потому стоит в единственном числе субъекта. Форму со множественным числом субъекта можно усмотреть в глаголе kulituni, поставленном в конце надписи, где автор ее обращается к богам Халду, Тейшебе и Шивини²⁶ и просит их возмездия. Глагол в этом случае стоит в 3-м лице субъекта множественного числа.²⁷

Все глаголы, стоящие в пермансиве, снабжены суффиксом -le (графически -lie, -li). Варианты его написания (-lie, -li) встречаются иногда в одной и той же надписи, ср.: ^mMenuaše ali aluše ini DUP. TE tu-lie aluše pitu-lie aluše ainiei inili du-li aluše uliše tiu-li ieše ini pile agubi 'Менуа говорит: кто эту стелу сломает, кто повредит, кто кому-либо (для кого-либо) это сделает, кто другой скажет: я этот канал провел' (Corpus, 34, стк. 7—10); ср. в другой надписи: aluše ainiei inili du-lie aluše uliše tiu-lie ieše ini pili

²⁶ О чтении Шивини вместо обычно принятого Ардини, см.: J. Friedrich, *Orientalia*, IX, fasc. 3, стр. 214—216.

²⁷ В подавляющем числе надписей на том же месте, в конце заклинательного текста, ставится глагол в обычной форме пермансива (uli-lie). Постановка здесь же глагола не в пермансиве получила свое объяснение в работах А. Гётце и Г. А. Меликишвили. В глаголе kulituni усматривается ими запретительная форма повелительного наклонения 3-го л. множ. ч., совпадающая с такой же формой аориста, см.: Г. А. Меликишвили, *ук. соч.*, стр. 73—74; А. Goetze. *Indefinites and Negations, Prohibitive and Imperative in the Urartean Language*. RHA, VI, 1936, fasc. 22—23, стр. 190—195. — Мое объяснение той же грамматической формы дается ниже.

agubi (Corpus, 35, стк. 8—11). Все приведенные глаголы, стоящие в пермансиве, оканчиваются суффиксом *-le*: *tu-lie*, *pitu-lie*, *du-li(e)*, *tiu-li(e)*. Названный суффикс прибавляется к основе переходного глагола с его показателем переходности действия *-u*. Исключение составляет глагол *a-le* 'говорит, повествует', но построение данного глагола продолжает оставаться неясным, так же как и его основа.²⁸

Материал для анализа пермансивных форм ограничен и сосредоточивается в заключительной части повествовательных текстов, весьма сходных по своему содержанию (формула проклятия). Тем не менее имеются разночтения, обращающие на себя особое внимание и в известной степени поясняющие структуру пермансивных форм. Одно из них содержится в последних строках заклинательного текста, там, где боги биайнского пантеона призываются к мщению. В этом месте обычно ставится глагол в приведенной выше форме пермансива: *ulule*. Названным глаголом передается ожидаемое от богов действие, направленное на преступное лицо — 'низвергнут-они' (*auie ululie* 'куда-нибудь уведут'), но в некоторых надписях для выражения карательного действия сходного содержания используются другие глаголы и с несколько иной грамматической формой: *kulituni* (Corpus, 13 обор., стк. 31), *turini* (Над. № 36, стк. 33).

Основа тех же глаголов выступает также и в обычной форме пермансива, ср.: *aluše ini DUB.TE tu-lie* 'кто эту стелу сломает' (Corpus, 34, стк. 7); *aluše ini Ê.GAL ku-lie aluše ḥarḥaršu-lie* 'кто эту цитадель забросит (раздробит), кто разрушит' (Над. № 169, стк. 15—16). Из приведенных здесь трех глаголов один образован от часто встречающейся в надписях основы *ḥarḥaršu* 'разрушать'. От нее имеется аорист *ḥarḥaršu-bi* 'разрушил-я', от нее же образован пермансив *ḥarḥaršu-le* 'разрушит', ср. аорист: *Ê. GAL ḥarḥaršu-bi* 'цитадель разрушил-я'; пермансив: *aluše (ini Ê. GAL) ḥarḥaršu-le* 'кто (эту цитадель) разрушит'. В пермансиве суффикс *-le* по отношению к глагольной основе занимает то же место, что и личное окончание в аористе, но *-le*, как увидим ниже, не является личным окончанием.

В том же пермансиве выступают глаголы *tu-le* 'сломает, разобьет' и *ku-le*, которому, судя по контексту, можно дать перевод 'покинет, забросит, изничтожит'. Оба глагола стоят в пермансиве на *-lie (-le)*, показатели которого присоединяются к их основам-

²⁸ Можно видеть в *ale* пермансивную форму от основы *ar* (ср. *ar-u-ni* 'дал-он'). Показатель пермансива (*-le*), прибавленный непосредственно к основе глагола *ar-*, дал стечение двух согласных (*ar-le*). В итоге ассимиляции осталось одно *-l*. Получился пермансив *a-le* 'дает', в значении 'преподает, излагает', ср. аналогичное образование с глаголом *ter* 'установить, поставить' (*ter-u-ni* 'установил-он'), в пермансиве *te-lie* из *ter-lie*; см.: J. Friedrich, WZKM, XLVII, 1940, стр. 198—201.

Приведенный выше глагол с основой *ku-* выступает в той же формуле проклятия в контексте, где ставится пермансив. Он получает здесь грамматическую форму *ku-le-tu-ni*. Тот же глагол, стоящий в пермансиве (*ku-le*), оказался в данном случае носителем еще двух личных суффиксов *-tu-ni*. Эти суффиксы уже известны по их использованию в аористе для передачи субъектно-объектных отношений, ср. *ku-itu-ni* 'начертали-они-его'. В том же значении эти два суффикса получают свое объяснение и в приведенной осложненной форме пермансива *ku-le-tu-ni* 'забросят-они-его': *qiraidi ku-lie-tu-ni* '[боги преступника] в землю (преисподнюю) забросят-они-его' (Над. № 19, стк. 41; № 20, обор. стк. 31—33; № 281, стк. 46—47). При наличии двух личных показателей — субъекта (*-tu* 'они') и объекта (*-ni* 'его') предшествующий суффикс *-le* (*-lie*) не может быть отнесен к числу личных окончаний. Не оказываясь таковым, этот суффикс, выступающий во всех пермансивных формах глагола, устанавливается в значении показателя пермансива, ср. аналогичные построения пермансива: *aluše... šiu-lie* 'кто ...унесет' (Над. № 127, VIII, стк. 11—12) и его же с суффиксом объекта во множ. ч.: *aluše raḥani-li ištini šiu-li-ali* 'кто быков оттуда уведет-их' (Над. № 63, стк. 6—7).

Таким образом пермансив в урартском языке образуется в переходных глаголах прибавлением к глагольной основе особого показателя *-le* (графически *-lie*, *-li*). В 3-м лице единственного числа пермансив не получает личных окончаний, в 3-м же лице множественного числа может получать соответствующие показатели субъекта (*-tu*) и объекта (*-ni*, *-li*). Впрочем, такое его построение, осложненное дополнительными суффиксами, не обязательно. В большинстве текстов та же формула проклятия заканчивается другим глаголом (*ulu-le*), стоящим без показателя субъекта во множественном числе, но с тем же значением карательного действия, обращаемого богами на разрушителя воздвигнутого памятника. Пермансив от непереходных глаголов установить по наличным текстам не удается.

НАКЛОНЕНИЯ И ОСОБЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ОТ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Поскольку два описанных грамматических времени, выступающие в урартском языке (пермансив и аорист), уже содержат в себе видовые отличия аспектов (длительность действия и завершенность его), развитие грамматических видов в этом языке проследить не представляется возможным. Их значения полностью передаются названными двумя временами с ярко выраженным содержанием аспектов. Что же касается модальных оттенков, то они в той или иной степени всё же прослеживаются, причем устанавливаются как контекстом, так и грамматическими формами. Наличие последних выделяет наклонения.

Пермансив, по смыслу контекста, может иметь значение желательного, понудительного наклонения, но специальной грамматической формы наклонения пермансив в данном случае не получает ни морфологически, ни синтаксически. Придаваемое ему особое содержание модальности не отмечается ни специальными суффиксами, ни местом в предложении, ср. пермансив без особо придаваемого ему оттенка: *aluše ini DUB.TE tu-le* 'кто эту надпись сломает' (Над. № 30, стк. 15—16); пермансив с оттенком понуждения: *(turinini) ḫaldiše ḫADAD-še ḫŠAMAŠ-še ILU^{mes}-še... ulu-le* [да уничтожат] Халд, Адад, Шамаш, боги... пусть низвергнут' (Corpus, 34, 35, 36, 38, 47 и др.); *meini ḫaldiše ḫADAD ḫŠAMAŠ ku-li-tu-ni* 'боги Халд, Адад, Шамаш пусть не оставят-они- его' (Corpus, 13 обор., стк. 30—31).

Повелительное наклонение глагола выступает в той же формуле проклятия, как и приведенные выше слова, стоящие в пермансиве и получившие значение понуждения. Повелительное наклонение выделяется своими грамматическими формами. Их удалось установить анализом одного фразеологического оборота, получившего ассирийский перевод в Келишинской билингве. Биайнский текст представлен следующими словами: *aluše ainiei inili dylie tiulie ulie turi* 'кто кого-либо принудит эти [деяния] совершить [и] скажет: иди, разрушь!' (Corpus, 12, стк. 38—40).¹

Слова *uli(e) turi*, значение которых выясняется билингвой, встречаются и в других контекстах, причем одно из них в том же

¹ Перевод И. Фридриха (Caucasica, VIII, стр. 143—145).

грамматическом оформлении *uli(e)* совпадает с написанием местоимения, что и затруднило его понимание как глагола, стоящего в повелительном наклонении. Форма *turi*, равным образом, оставалась бы непонятною без привлечения соответствующих параллельных форм.

Тот же приведенный выше текст имеет несколько вариантов, взаимнопоясняющих друг друга в их словарном составе и используемых грамматических формах, ср. без глагола в повелительном наклонении: *aluše ainiei inili duli aluše tiuli ieše ini pile agubi* 'кто кого-нибудь эти [деяния] заставит совершить, кто скажет: я этот кагал провел' (Corpus, 34, стк. 8—10); с глаголом в повелительном наклонении: *aluše ainiei inili dulia tiulie turi ališe ulieše tiulie ieše zadubi* 'кто кого-либо принудит эти [деяния] совершить [и] скажет: разрушь!, кто другой скажет: я сделал...'. (Corpus, 13 обор., стк. 27—30); *aluše uli inili dulia tiulie uli turi turinini...* 'кто [кого-либо] другого эти [деяния] заставит совершить [и] скажет: иди, разрушь!, да уничтожат...'. (Над. № 169, стк. 22—24).

Вторыми словами в каждом из приведенных примеров стоят соответственно *ainiei* и *uli*: *aluše ainiei inili dulia aluše uli inili dulia*. Оба эти слова, очевидно, синонимы в значении 'другому, иному, кому-либо'. Последнее из них (*uli*) встречается дальше в эргативном падеже: *alu-še uli-še tiulie* 'кто другой скажет'. Такого же написания слово стоит в третьем примере после глагола *tiulie* 'скажет': *tiulie uli turi*. Значение этих трех слов и их грамматическое оформление поддаются объяснению.

Слово *tiulie* (*tiule*) в своем значении 'говорит, скажет' устанавливается текстом Келишинской билингвы, где, судя по наличной грамматической форме, этот глагол стоит на стк. 39 в пермансиве: *tiule*; в начале же заклинания, там, где в других надписях ставится *ale* 'говорит', в билингве помещена аористная форма того же глагола *tiaitu*, ср.: *tiaitu aluše niribe^d Ĥaldinani BĀBU ĥaule* '[Ишпуин и Менуа] сказали: кто скот (*niribe*) ворот бога Халда захватит' (Келишин, стк. 28—29); *ale aluše raĥani ištiniⁿi šiuli* '[Менуа] говорит: кто быков оттуда уведет' (Corpus, 53, стк. 6—7).

Следующие два слова *uli turi* имеют в той же билингве ассирийское соответствие *a-lik ĥi-pi* 'иди сломай'. Отсюда делается вывод, что *uli* и *turi* в данном предложении выступают глаголами в повелительном наклонении.² Из них *turi* образовано от той же основы, что и неоднократно встречающийся в текстах заклинаний глагол *tulie*, ср.: *aluše ini DUB.TE tulie aluše pitulie* 'кто эту надпись

² См.: J. Friedrich, *Caucasica*, VIII, стр. 143; С. F. Lehmann-Haурt. *Corpus...*, стр. 159. См. также: А. Goetze, *PNA*, VI, 1936, fasc. 22—23, стр. 195—197; Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, стр. 72—74.

сломает, кто (ее) повредит'. Здесь глагол *tulie* поставлен в пермансиве с его окончанием *-le* (*-lie, -li*). Возможно, что у глагола *tu-lie* произошло в пермансиве выпадение согласного основы (*tur-*), ср. приведенные выше *te-lie* (из *ter-lie*), *a-lie* (из *ar-lie*). В этом случае в форме повелительного наклонения могла выступать полная основа глагола *tur-*, окончанием же повелительного наклонения 2-го лица остается в этом переходном глаголе одно *-i* (*tur-i* 'разбей, разрушь, уничтожь').

Второе слово (*uli*), в его глагольном значении 'иди!', графически совпадает с рядом стоящим *uli* со значением 'другой, иной, кто-либо', ср.: *aluše uli inili dulie tiulie uli turi* 'кто другого эти [деяния] заставить совершить [и] скажет: иди, сломай!' (Над. № 169, стк. 22—24). Оба наличные в этом тексте *uli*, стоящие в одной и той же фразе, но в двух различных значениях, возводятся к двум разным основам. Одно из них образовано от местоименной основы *uli* 'другой', в эргативном падеже *uli-še*, ср.: *alu-še uli-še tiuli* 'кто другой скажет' (Corpus, 34, стк. 9 и др.). Во втором *uli* усматривается непереходный глагол от основы *ula-* 'идти', часто встречающейся в урартских текстах, ср.: ^m*Sarduriše ale ula-di MÂTU Etiu-niedi* 'Сардур говорит: пришел-я в страну Этиуни' (Сард. лет. F, стк. 4). От этой основы (*ul-a*), с ее показателем непереходности действия (*-a*), образовано 2-е лицо повелительного наклонения заменю гласного исхода *-a* гласным *-i*. Глагольная форма *ul-i* может быть возведена к полной основе непереходного глагола *ula-*, в которой добавление гласного *-i* могло образовать дифтонг *-ai*, графически передаваемый также и одним гласным, ср. различные написания глаголов с указанными вариантами графического изображения названного дифтонга: *ušt-a-bi* ^m*Menuani*... *ulušt-ai-bi* ^d*Haldini*... (^m*Utupuršini ŠARRU* ^m*Diaueḫi*) *sulušt-i-bi* 'выступил Менуа, предшествовал бог Халд... [Утупурши царь Диауехи] пал ниц' (Corpus, стк. 5—6, 14). Таким образом выясняется наличие в урартском языке 2-го лица повелительного наклонения непереходного глагола с тем же гласным *-i* в исходе, что дает общую форму повелительного наклонения 2-го лица для переходных и непереходных глаголов: *ul-i* 'иди', *tur-i* 'уничтожь'.³

Менее ясны встречающиеся в надписях глагольные формы на *-diani* и на *-de*. В этих формах восстанавливается поставленный в заключительной части заклинания Келишинской билингвы глагол, в котором читаются лишь его начальные знаки: *ku-lu-di-i*. Исследователи восстанавливают недостающие знаки добавлением *-a-ni* (А. Гётце, Г. А. Меликишвили) или *-i-e, -e* (К. Ф. Леманн-Гаупт, И. Фридрих, М. Церетели). Таким образом намечаются два варианта чтения этого глагола: *kulu-diani* и *kulu-die* (*kulu-de*).

³ См.: Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 72—74.

В обоих предлагаемых чтениях имеется в виду финитная форма глагола, выражающая повеление 'забрось!' (стк. 36). Восстановление в Келишинской билингве окончания глагола *-diani-* подтверждается ясным написанием этого суффикса при том же глаголе в другой надписи (№ 169), где на стк. 4 стоит: *mei ini Ê.GAL ku-ul-di-a-ni* (*kul-diani*). Поставленное в начале слово *mei* точному переводу не поддается; по-видимому, оно выражает отрицание. Общее содержание приведенного текста имеет в виду действие, совершение которого воспрещается повествователем: 'пусть эту цитадель не забросит'; ср. там же: *aluše ini Ê.GAL kulie* 'кто эту цитадель забросит', где тот же глагол с основой *kul-* стоит в пермансиве *ku(l)-lie*, выступая с оттенком условности 'если кто...' (стк. 15). Таким же пермансивом, но с оттенком повеления, заканчивается в том же тексте все заклинание *ulu-li* 'пусть уведет' (стк. 28); ср. текст Келишинской билингвы с его восстанавливаемыми урартскими грамматическими построениями: ...⁴*Haldisē zilbe qiraedi kulu-diani*. После неясного чтения одного или двух слов следует обращение к карающему божеству 'бог Халд потомство-(его) на земле пусть не оставит' (стк. 35—36), ср. ту же грамматическую форму в надписи № 169 (стк. 4). В заключительной строке той же билингвы восстанавливается форма пермансива с тем же его оттенком повелительного пожелания: *zilbi qiraedi ku-li-tu-ni*⁴ '[сонм богов] потомство-(его) в землю да забросят-они-его' (стк. 41). Текст восстанавливается по аналогии с Звартноцкой надписью (№ 281), где стоят те же слова в том же их трафаретном сочетании: *zilbi qiraedi ku-lie-tu-ni* (стк. 46—47).

В Келишинской билингве глагол *kulu-diani* стоит перед заклинательным текстом и включается в предложение с действующим лицом в единственном числе: ⁴*Haldisē zilbe qiraedi kulu-diani* (стк. 35—36). Отсюда можно заключить, что глагол поставлен в 3-м лице единственного числа, так же как и в Над. 169, где он имеет ту же грамматическую форму и стоит вне заклинательной формулы (стк. 4). В самом заклинании тот же глагол выступает с тем же сочетанием слов: *zilbi qiraedi kulituni* (стк. 41), но подлежащим при нем оказывается весь сонм богов, в связи с чем изменяется и оформление глагола. Тот же глагол получает грамматическую форму *kulituni*, наличную также в Звартноцкой надписи (№ 281, стк. 47) и в билингве царя Русы (№ 264, стк. 38), где глагол в такой его форме предшествует перечню карающих богов, с чем связана его постановка в 3-м лице множественного числа субъекта (*-tu*) и в том же лице объекта единственного числа (*-ni*), которым отмечается лицо, подлежащее каре (*aluše* 'кто'). Изменение грамма-

⁴ К. Ф. Лемани-Гаунт и М. Церетели восстанавливают и тут грамматическую форму *ku-lu-dl-c*.

тической формы глагола связано с помещением его в самом тексте заклинания, которое предусматривает наказания, предстоящие в будущем. В большинстве остальных надписей в том же примерно значении использованы другие слова: *aiie ululie*. Первое из них получает условный перевод 'где, куда-нибудь'.⁵ Вторым выступает переходный глагол в форме пермансива *ulu-lie* 'куда-нибудь уведет' (Над. № 30, стк. 24 и др.). Можно полагать, что с тем же назначением при сходном содержании фразы выступает также и *ku-li-tu-ni*. Оба глагола — *ulu-lie* 'уведут' и *ku-lie-tu-ni* 'забросят-они-его' стоят в пермансиве, употребленный же в Келишинской билингве глагол *kulu-diani* показателя пермансива (-*lie*, -*li*) не содержит. Отсюда можно прийти к заключению, что построение глагола *kulu-diani*, передающего понуждение и не стоящего в пермансиве, представляет собою форму повелительного наклонения 3-го лица единственного числа.⁶

К числу неясных грамматических формантов относится суффикс *-de*, встречаемый дважды в летописях Сардура в аналогичных построениях сочетаемых слов: (*ŠARRU ĀLU Puinialhi*)¹ *bura aštubi mešini pii 'aaldubi meše* ^m*Sardurie ariede* (А, стк. 17—18; F, стк. 20—21). Выступающее в этом тексте слово *ariede*, с отстранением суффикса *-ede* (*-de*), обнажает основу *ari-*, наличную в часто встречающемся глаголе *aru-ni* 'дал-он', основа которого заканчивается показателем переходности действия *ar-u*. Отпадение конечного гласного *-u* и замена его гласным *-i* приводит исследователей к отрицанию наличия в *aride* финитной вербальной формы. И. Фридрих относит выступающую здесь форму на *-ede* (*-de*) к инфинитиву⁷ и предлагает словам *meše* ^m*Sardurie ariede* соответствующий перевод: 'чтобы давать дань Сардура'. Г. А. Меликишвили считает возможным видеть в формах на *-idi*, *-ide*, *-ede* падежное оформление отглагольного имени (масдар). Он полагает, что слово *ari-ede* можно признать стоящим в направительном падеже на *-di*. Прибавление этого падежного окончания к имени действия дает наличную форму *ari-ede*, *-de*. Само отглагольное имя образовано, как указывает Г. А. Меликишвили, присоединением гласного *-i* к основе переходного глагола *aru-*, лишенной показателя переходности *-u*.⁸ При таком толковании данной грамматической формы получается приемлемый перевод приведенной выше цитаты: 'царя города Пуиниалхи в раба превратил-я, под данью (обложив его данью) пощадил-я для поднесения дани Сардура'.

⁵ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 77, 153.

⁶ Выступающий здесь суффикс *-diani* остается неясным в своем построении. Возможно, что конечный слог *-pi* выступает в качестве суффикса объекта.

⁷ J. Friedrich. Einführung ins Urartäische, стр. 8.

⁸ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 75—76.

Признание в суффиксе *-de* 3-го лица повелительного наклонения привело бы, равным образом, к приемлемому переводу 'дань Сардура пусть даст', но наличие такого построения глагола только в двух местах Сардуровых летописей не представляет для этого достаточных оснований. Кроме того, при *Verbum finitum* в 3-м лице переходного глагола ожидается постройка подлежащего в эргативном падеже, чего нет в данном предложении, в котором речь ведется в 1-м лице и подлежащее в 3-м лице субъекта отсутствует. Отсюда можно прийти к выводу, что *ari-ede* не является глагольной формой, ср. в Келишинской билингве, где суффикс *-diani* оформляет переходный глагол при подлежащем на *-še*: ^d*Hal-di-še zilbe qiura-edi kulu-diani*.⁹

В последнее время ряд исследователей высказался за выделение формы 3-го лица повелительного наклонения на *-inini* (*-nini*). Одним из примеров такой формы приводится наличное в заклинательном тексте слово *turinini*. Еще Н. Я. Марр видел в нем форму повелительного наклонения множественного числа от родственной с картвельскими языками основы *turini-* 'гневаться, проклинать'. А. Гётце и Г. А. Меликишвили, усматривая в *turinini* также глагольную форму повелительного наклонения, выделяют окончание *-inini* и относят его к 3-му лицу единственного числа, при 2-м лице *tur-i*, в котором окончанием лица считается одно *-i*.¹⁰ Вербальное значение *turinini* и возведение его к основе *tur-* сомнения не возбуждает. Этот глагол с такой его грамматической формой встречается в ряде надписей. В одной из них (№ 167) *turinini* поставлено перед перечнем богов, после которого стоят два слова: ^d*ŠAMAS-ni pini* 'под солнцем', чем и заканчивается все предложение. В нем, при наличии подлежащего на *-še*, которым оформлены все имена богов, требуется присутствие переходного глагола. Таковым, среди остальных слов, может быть только *turinini*, ср. полный текст: ^m*Sarduriše alie aluše haulie turinini* ^d*Hal-di-še* ^d*ADAD-še* ^d*ŠAMAS-še* ^{ILU}^{meš}-*še* ^d*SAMAS-ni pini* 'Сардур говорит: кто похитит, да уничтожат- (его) боги Халд, Тейшеба, Шивини, боги многие под солнцем' (стк. 9—11), ср. аналогичный текст, начинающийся со слова *turinini*, в котором после перечня тех же богов стоит местоимение *mani*, выступающее в позиции прямого дополнения со значением 'его': *turinini... mani* ^d*ŠAMAS-ni pini* 'да уничтожат-его [боги] под солнцем' (Над. № 36, стк. 33—34). Лицо, подлежащее каре, выделяется здесь постановкой местоимения, но указание на это лицо содержится и в са-

⁹ См. выше, стр. 39.

¹⁰ Н. Я. Марр. Надпись Русы II из Маку. ЗВОРАО, XXV, 1921, стр. 16—17; Г. В. Церетели. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939, стр. 44; Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 72—73; А. Goetze, RHA, VI, 1936, fasc. 22—23, стр. 195—197.

мой глагольной форме, снабженной объектным суффиксом -ni: tur-ini-ni 'да уничтожат-его'. Суффиксом повелительного наклонения 3-го лица остается -ini. Такое же окончание повелительного наклонения 3-го лица образуется от глагола manu- 'быть'. Форма повелительного наклонения получается от него, так же как и от глагола turu 'уничтожать'. Исходный гласный основы -u (показатель переходности действия) отпадает с присоединением окончания повелительного наклонения -ini (man-ini): man-ini ^dHutuini bidini 'да будет со стороны бога Хутуини' (Над. № 94, стк. 4). В последнем примере суффикс -ini передает 3-е лицо единственного числа. В том же числе выступает глагол turinini в надписи № 89: turinini ^dHaldisē mani 'да изничтожит бог Халд его' (стк. 18—19). Тем самым устанавливается, что суффикс -ini используется в единственном числе 3-го лица повелительного наклонения.

Его показателями выступают -i во 2-м лице единственного числа и -ini в 3-м лице того же числа. Отмечается также близкая к tur-inini форма turu-tinieni. В ее суффиксе усматривается прибавление показателя множественного числа -t, наличие которого устраняет стечение гласных и тем самым восстанавливает полную основу переходного глагола turu-. Написание первого слогового знака дефектно, но по остальным знакам и здесь выступает форма повелительного наклонения, что вполне соответствует контексту: (tu)rutinieni mani e'a zilibi qurani edini 'да уничтожат его, так же потомство на земле' (Над. № 99, обор., стк. 10—11). Глагол стоит после перечня богов и грамматически связан с ними, чем и объясняется постановка его во множественном числе в отличие от turinini, помещаемом перед именами богов и начинающим текст без согласования с ними. Что касается упомянутого выше суффикса -diani, то А. Гётце видит в нем запретительную форму повелительного наклонения, сочетаемую с частицей mei: mei ini Ê.GAL kul-diani mei šeruiar-diani 'эту крепость пусть не забросит, пусть не испортит' (Над. № 169, стк. 4—5).¹¹

Некоторые другие глагольные формы продолжают оставаться неясными и даваемые им объяснения нуждаются в подтверждении. Так, некоторые исследователи (И. Фридрих, А. Гётце, М. Церетели, Г. А. Меликишвили)¹² выделяют медио-пассивные формы на -ugi. Основанием к этому послужило сопоставление глаголов, носителей этих форм, с их иными грамматическими построениями в различных контекстах. К сравнению можно привлечь следующие: Ê.GAL ^mArgištehinili šid-u-bi 'цитадель Аргиштиеву я зало-

¹¹ А. Goetze, RHA, VI, 1936, fasc. 22—23, стр. 188—192.

¹² J. Friedrich; WZKM, XLVII, 1940, стр. 194—198; А. Goetze, RHA, VI, 1936, fasc. 24, стр. 266—269; Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 71—72.

жил (построил)' (Corpus, 111); *ui giei ištini šid-a-uri* 'ничего не было там заложено (построено)' (Corpus, 69, стк. 2); ¹³ *Menuaše ini pile ag-u-ni* 'Менуа этот канал провел' (Corpus, 34 и др.); *ui PA ištini ag-a-uri* 'канал там не был проведен' (Corpus, 148, стк. 30); *ini kubuše* ^m*Argištiše ušt-u-ni* 'этот шлем Аргишти направил (подарил)' (Над. № 148); *ui aini ŠARRU ištini ušt-uri* 'никакой царь туда не направлялся' (Сард. лет. E, стк. 42—43); *qiurani quldini manu ui gi ištini šid-a-uri* 'почва бесплодная имеясь (быв), ничего там не было построено' (Над. № 137, стк. 6—7); *qiurani šulie manu ui giei ištini man-uri* 'почва необработанная имеясь, ничего там не было' (Над. № 281, стк. 7—8).

Предполагается, что пассивное содержание, придаваемое этим грамматическим формам переходного глагола, ведет к их сближению с непереходными глаголами (медиио-пассив), в связи с чем показатель переходности действия (*u-*) или заменяется показателем непереходности (*-a*), ср.: *ag-u-ni* 'провел-он' и *ag-a-uri* 'проведен-он', или же отпадает, ср.: *ušt-u-ni* 'направил-он' и *ušt-uri* 'направился-он'.

Ряд слов, оканчивающихся также на *-uri*, не может быть отнесен к числу глаголов, например *šukuri*, по контексту условно восстанавливаемое в своем значении 'вероломный'; III^{lu}*BEL.PANĀTI*^{meš} *šukuri manuli* III. . . *uštipe zadubi* 'три наместника вероломными (?) бывшие, в три [места] поход провел-я' (Сард. лет. D, стк. 19—21). Но такие слова, как упомянутые выше *šidauri*, *agauri*, *ušturi*, имеют другие производные от глагольных основ финитные формы: *šid-u-bi*, *ag-u-ni*, *ust-u-ni*, и потому отнесение и их к числу финитных глагольных форм представляется вполне возможным. Имеются еще иные, судя по контексту также глагольные формы с тем же окончанием *-uri*, но не прослеживаемые в других глагольных построениях, например, *ai-uri* в надписи из Каракала: *ini pile aguni qirani širabae manu ui ainii ištini aiuri* ^a*Haldinini baušini* ^m*Argištiše aguni* '[Аргишти] этот канал провел. Земля бесплодная быв, ничто там не произрастало (*aiuri*?). По Халдову слову (велению) Аргишти [канал] провел' (Над. № 136, стк. 3—7). В этой надписи, так же как и в ряде тут же приведенных, спорным продолжает оставаться значение глагола *manu-*.

К числу инфинитных форм относятся глагольные основы, лишённые личных показателей. Такие формы редки и значение их не вполне ясно. К их числу принадлежит чаще других встречающееся *manu-*, снабжаемое также дополнительными суффиксами: *manu*, *manu-li*, *manu-ri*, *manu-ni*, *manu-še*. Первое из них (*manu*) выступает лично неоформленным, второе же (*manu-li*) имеет показатель во множественном числе. Третья форма (*manu-ri*) своим

¹³ Слову *ui* рядом исследователей придается значение частицы отрицания (А. Гётце, И. Фридрих, Г. А. Меликишвили).

построением соответствует приведенным выше медио-пассивным глаголам. Четвертая форма (manu-ni) подходит к обычному построению переходного глагола с объектом в единственном числе, ср. agu-ni 'провел-он-его'.

Ясная по своему построению форма глагола с объектным суффиксом в единственном числе (manu-ni) встречается в формуле заклѣтия, где передается законченное действие, предусматриваемое в будущем: me kui tini manuni ^aŠAMAŠ-ni kai 'даже имя-(его) не будет под солнцем' (Над. № 280, стк. 12). Та же форма выступает в нескольких надписях с дефектным написанием. Она же стоит в неясной и не поддающейся переводу строке Армавирской надписи: meī ešimešī elmuše manuni (Над. 143, стк. 2) и повторяется в том же контексте в надписи № 169 (стк. 13). Последняя из упомянутых выше форм (manuše), по-видимому, исключается из числа глагольных. Она встречается в сакральной надписи Мхер-Капуси (№ 27) и поставлена перед перечнем жертв, где находится и другое слово с тем же конечным ·še. Им оформлено существительное ardiše 'повеление'. Можно полагать, что manuše относится к той же части речи, ср.: teruni (teirtu) ardiše. . . manuše (стк. 2, 34). Во всей фразе глаголом выступает только teruni (teirtu), при котором ardiše и manuše могут быть лишь существительными.

К числу уже отмеченных явно глагольных форм относится также образованное от той же основы manu- повелительное наклонение 3-го лица man-ini 'да будет', в котором прибавление суффикса этого наклонения -ini привело к отпадению гласного -u.¹⁴ Наличные формы глагола manu-, при его основном значении 'быть, существовать, находиться', отвечают правилам построения урартского переходного глагола, что препятствует отнесению его к числу вспомогательных (копула); все же некоторые грамматические формы, в частности лишенные личного окончания, обращают на себя особое внимание. Встречающееся в Сардуровой летописи слово manidu (С, стк. 28) объяснению не поддается и оставляется потому без рассмотрения.

Из всех указанных форм, образованных от основы manu-, можно остановиться на трех: manu, manuli, manuri. Из них последняя уже затрагивалась выше при рассмотрении глагольных форм на -ri. В ней можно видеть медио-пассивный глагол: ui gieī, ištini manuri 'ничего там не было'. Значение первых двух форм — manu и manuli — остается не вполне ясным, так как они с их столь различным грамматическим оформлением выступают в предложениях аналогичного содержания: XXII Ê.GAL^{meš} agununi manu gunuša haubi (Сард. лет. F, стк. 17—18); ÂLU Darbani Ê.GAL

¹⁴ См. выше, стр. 42.

agununi manu gunuša ĥaubi (там же, В, стк. 20—22); III Ê.GAL^{meš} agununili manuli gunuša ĥaubi (там же, А, стк. 7).

Конец во всех трех примерах остается без изменения: gunuša ĥaubi 'в бою захватил-я'. Предмет завоевания, равным образом, один и тот же: Ê.GAL 'крепость, цитадель'. В двух приведенных примерах он стоит во множественном числе, в одном поставлен в единственном. С ними связаны слова, осложненные аффиксами и без них: agununi(li) manu(li), причем manuli в этой его форме, согласованной с agununili, ставится только, если имеется ввиду несколько крепостей, тогда как manu может стоять и при нескольких и при одной крепости и согласуется везде с agununi в единственном числе. Такое выдержанное согласование agununili во множественном с manuli в том же числе, а agununi в единственном с manu без какой-либо суффиксации наводит на мысль о наличии отглагольной формы manu(li) в обоих случаях. Эта форма противопоставляется финитной, наличной в том же контексте. Если выделить последнюю на отдельное место в самостоятельном предложении: gunuša ĥaubi 'в бою захватил-я', то сказуемым в приведенных выше предложениях окажутся manuli и manu с безличной формой последнего. Этому не соответствует текст другого предложения, в котором тот же глагол ĥaubi непосредственно связан с таким же объектом (крепости), что ясно следует из фразы, где добавочные слова (agununili manuli) пропущены, ср.: XI Ê.GAL^{meš} ĥaubi 'одиннадцать крепостей захватил-я' (Сард. лет. А, стк. 22).

В таком построении предложения число крепостей не отражается на оформлении глагола, остающегося с объектным показателем в единственном числе ĥau-bi 'захватил-я-его', ср. XXII Ê.GAL^{meš} agununi manu gunuša ĥaubi Ê.GAL^{meš} ĥarĥaršubi, где и другой глагол (ĥarĥaršu-bi) стоит с тем же показателем объекта в единственном числе (-bi), несмотря на множественное число предмета, на который направляется совершаемое действие: '[крепости] разрушил-я-его' (там же, F, стк. 17—18). Равным образом и выступающее здесь словосочетание agununi manu не передает числа захваченных крепостей, сохраняя, как и глагол ĥaubi, свое самостоятельное оформление. Таким образом лишь такое сочетание слов, как agununili manuli, отражает действительное число объекта. Первому из этих слов можно, следуя за другими интерпретаторами текстов, присвоить значение 'укрепленный'. Во всех приведенных примерах остаются менее ясными только слова manu, manuli с их разными грамматическими формами.

Глаголу manu-придается различное значение. И. Фридрих видит в нем глагол 'быть, существовать, находиться налицо', но не считает возможным причислять manu-к простой копуле.¹⁵

¹⁵ J. Friedrich, *Caucasica*, VII, стр. 83—86.

А. Гётце и Г. А. Меликишвили склоняются к переводу 'пребывать, оставаться, существовать, быть'.¹⁶ М. Церетели выделяет переходный глагол 'брать, иметь, захватывать'.¹⁷ Последнее значение представляется мне менее приемлемым, так как в тапу-трудно усмотреть обычный переходный глагол, который в урартском языке не выступает без дополнительной суффиксации. Но если в тапу- не следует усматривать основы простого вспомогательного глагола (копула), то, судя по его огласовке (-и), его нельзя относить также и к непереходным глаголам, тем более, что тапу-*li* в этой его грамматической форме (тапу-*li*) может полностью соответствовать построению переходного глагола, поставленного в 1-м действующем лице при множественном числе объекта, ср.: *šidištu-li* 'построил-я-их'. Следовательно, в тапу-*li* можно усмотреть финитную глагольную форму, если признать в суффиксе -*li* личное глагольное окончание, а не видеть в нем показатель множественного числа, используемый в именах и отглагольных формах причастия. Само грамматическое построение тапу-*li* вызывает сомнение в возможности отнесения его к числу глагольных. Суффикс -*li*, в отличие от -*ali*, передает действие 1-го лица на 3-е, что не соответствует такому предложению как: III ВЕЛ.РАНАТИ^{mes} *šukuri manu-li* (Сар. лет. D, стк. 19—20). Ряд суффиксов, в том числе -*li*, используется как в глаголах, так и в именах. Выступая в последних, он может присоединяться также к отглагольным формам, что дает приведенному предложению вполне приемлемый перевод: три правителя областей, бывшие вероломными. В позиции причастия тапу может стоять как в единственном, так и во множественном числах. Получая суффикс последнего, тапу-*li* образует ту же грамматическую форму, которую имеет переходный глагол, обозначающий действие 1-го лица единственного числа на 3-е лицо множественного (я-их). Глагол тапу- с тем его содержанием, какое за ним закрепляется, не может передавать субъектно-объектных отношений. Этот глагол, при его переходной основе на -и, передает односторонние отношения и причисляется тем самым к неправильным глаголам.¹⁸ Выражая односторонние отношения, он получает приведенную выше финитную форму тапу-*ni*. Такую же финитную форму можно видеть и в тапу-*li*, если глагол выступает в роли сказуемого.¹⁹ Но такую его роль трудно усмотреть в *agununi li manuli*.

Для уточнения синтаксической структуры затронутого выше словосочетания можно обратиться к более сложному построению

¹⁶ А. Goetze, ZANF, V, стр. 120—126. — Г. А. Меликишвили выделяет последние два значения, см.: Урартские клинообразные надписи, стр. 76.

¹⁷ М. Tseretheli, Die neuen haldischen Inschriften. . . , стр. 32.

¹⁸ Г. А. Меликишвили, ук.^v соч., стр. 76.

¹⁹ Примеры см. выше.

аналогичного предложения в первом столбце летописей Сардура: ^mSarduriše alie ĥaubi III Ê.GAL^{mes} agununili manuli gunuša ĥaubi (стк. 6—7). После вступительных слов царя (Сардур говорит) излагаются результаты его победоносных действий. Повествование разбивается глаголом ĥaubi на две части. Первая из них начинается этим глаголом, вторая оканчивается им. Сказуемым в обеих частях выступает глагол ĥaubi, стоящий в финитной форме, передающей действие 1-го лица на объект в единственном числе (я-его) независимо от числа предметов, на которые направлено действие, выражаемое глаголом. Такое его оформление не противоречит структуре урартского предложения, в котором сказуемое, связанное с прямым дополнением, может согласоваться с ним в числе, ср.: ini susi šidištu-ni ^dĤaldini-li BĀBU-li šidištu-ali 'это святилище воздвиг-он-его, Халдовы ворота воздвиг-он-их' (Над. № 73, стк. 3—4, 8—9), но может выступать и без такого согласования, ср.: Ê.GAL^{mes} ĥarĥaršu-bi 'крепости разрушил-я-его', где показатель объекта -bi поставлен в единственном числе (Аргишти, I, стк. 7). Этим построениям предложений соответствует конструкция анализируемого текста Сардуровой летописи.

В заключительную часть приведенного выше текста этих летописей входит косвенное дополнение, присоединяемое к сказуемому, поставленному в 1-м действующем лице при единственном числе объекта: gunuša ĥau-bi 'в бою захватил-я-его'. Тот же глагол в такой же грамматической форме включается в первую часть того же текста: ĥaubi III Ê.GAL^{mes} agununili manuli. Глагол ĥaubi начинает все предложение и стоит в том же единственном числе объекта, объединяя им последующее сочетание слов. Центром всего грамматического построения остается сказуемое ĥaubi. К нему присоединяются остальные члены предложения. Среди них на первое место выделяется прямое дополнение (крепости). Определением при них выступают прилагательное и причастие agununili manuli 'укрепленными бывшие'. При таком объяснении данной конструкции предложения можно видеть в manu и manuli безличные формы отглагольной части речи: 'Сардур говорит: захватил-я три крепости, бывшие укрепленными, в бою захватил-я'. В других текстах такое же словосочетание ставится в единственном числе agununi manu, причем manu, согласованное в числе с agununi, утрачивает всякую аффиксацию лица и числа, обнажая отглагольную форму, сближаемую с деепричастием.

К числу аналогичных грамматических категорий относятся причастия, рассматриваемые в урартском языке как близкие к прилагательным по своему образованию. В Келишинской билингве содержатся две формы, сближаемые с причастиями: terainili, ĥaini. Суффикс -li в первом из этих слов выступает в его обычном значении показателя множественного числа и потому к обра-

зованию причастия, в данном случае, непосредственного отношения не имеет. Причастными основами остаются *teraini* и *ḥaini*. Оба названные слова сводятся к глагольным основам *teru-* 'устанавливать' и *ḥau-* 'захватывать', наличным в той же билингве (стк. 6, 24). При сопоставлении исследуемых построений слов *teraini* и *ḥaini* с их параллельными образованиями *teru-ni*, *ḥau-ni* обнаруживается утрата глагольной основой показателя переходности действия *-u*, обнажающая корни *ter-* и *ḥa-*. К этим глагольным корням при образовании причастия присоединяются в одном случае суффикс *-aini* с начальным дифтонгом (*ter-aini*), в другом — тот же суффикс в его усеченном написании *-ini* (*ḥa-ini*).

Этот суффикс *-aini*, *-ini*, *-ni* можно в свою очередь сопоставить с показателями принадлежности 3-му лицу (*-ini*, *-ni*), используемыми для образования прилагательных от имен существительных, в частности, от имен собственных, ср.: ^d*Ḥaldinili BĀBU-li* 'Халдовы ворота'. К имени бога *Ḥaldi* здесь добавляется суффикс *-ini*, *-ni* и затем показатель множественного числа *-li* (*Ḥaldi-ni-li*, *Ḥaldi-ini-li*, см. *Corpus*, 66, 67), ср. также ^m*Menua-ini* с окончанием родительного падежа: ^m*Menua-ini-ei SAL-silaie* 'Менуевой жены' (*Corpus*, 57, стк. 1, 4); *ĀLU* ^d*Teišeba-ini ĀLU* 'город Тейшебов-град' (*Кар.-Бл.* II, стр. 63) и др.; то же в именах, образованных, например, от основы *alsui-*: имя существительное *alsui-še* 'величие', имя прилагательное *alsui-ni* 'великий'. Тем же способом образованы *terainili* от глагольной основы *tar(u)-* и *ḥaini* от такой же основы *ḥa(u)-*.

Возможность видеть такого же рода причастные образования от указанных глагольных основ подтверждается контекстом Келишинской билингвы: ... ^d*Aldina BĀBU terainili... ḥaini ḥauni* 'предметы (имеются в виду статуи), у Халдовых ворот установленные, ... захваченное (украденное) взял-он' (стк. 22—24). Глагол *ḥau-ni* стоит в 3-м лице аориста, *ḥa-ini* поставлено в причастной форме. Оба они образованы от одной и той же глагольной основы *ḥa(u)-* 'захваченное захватил'. Речь идет об ограблении врагом (ассирийцами) мусасирского святилища. Отмеченные причастные формы нуждаются в исследовании.²⁰

Можно считать, что структура урартского глагола, в ее основных чертах, исследователями уже устанавливается, выявляя крайнюю близость к иберийским языкам Кавказа, в частности к карт-

²⁰ Г. А. Меликишвили находит возможным выделить в урартском языке причастие страдательного залога, образуемого суффиксом *-ai*, *-ae*, который прибавляется к основе, лишенной показателей переходных и непереходных глаголов, например, *teraie* от основы *teru-* 'ставить', *durbaie* от основы непереходного глагола *durba-* 'восставать', ср.: *durbae manu* 'был-он восставшим'. К причастиям Г. А. Меликишвили относит также формы на *-ue*, см.: Урартские клинообразные надписи, стр. 75.

вельским в их более отдаленных эпохах развития. Глаголом передается завершенность действия (аорист) и действие в процессе его совершения (пермансив). Видовые различия, в связи с этим, еще не прослеживаются. Построение глагола полностью соответствует нормам, установленным в эргативном строе предложения. Своими грамматическими формами в парадигмах спряжения переходные глаголы резко противопоставляются непереходным. Они же согласуются с различными падежами подлежащего. Но переходные глаголы, имея прямое дополнение в именительном падеже, не противопоставляются непереходным с их подлежащим в том же падеже, как страдательный залог действительному. В урартском языке, как и в картвельских, „залоговых различий не было: имелись переходные и непереходные глаголы, но переходный глагол тем самым не являлся глаголом действительного залога. Основа переходного глагола в залоговом отношении индифферентна (нейтральна)“.²¹

Различаясь показателями переходного и непереходного действия, урартские глаголы могут в отдельных случаях образовываться в этих двух своих разновидностях от одной и той же основы, ср. *ušt-a* 'направляться' и *ušt-u* 'направлять': *ušt-a-di MĀTU Etiuniedi* 'направился-я в страну Этиуни' (Сард. лет. А, стк. 13); *ini aše^m Argištiše^m Menuaḥiniše^m ĀLU Irpuniedi ušt-u-ni* 'этот щит Аргишти сын Менуи в город Ирпуни направил' (Кар.-Бл. II, стр. 50—51). Переходный глагол *uštu-* 'направлять (посвящать, дарить)' противопоставляется непереходному *ušta-* 'направляться (выступать)', образованному от той же основы и отличающемуся от первого своей огласовкой -а, вместо -у, характеризующего переходность действия; ср. также *ši-a-bi* 'перешел-он', *ši-u-bi* 'перенес-он': *ši-a-bi kauki* 'перешел (пришел)-он ко мне', *aše^{mes} SAL-lutu^{mes} ištini ni ši-u-bi MĀTU Biainaidi* 'мужчин и женщин перенес (перевел)-я оттуда в страну Биайну' (Сард. лет. Е, стк. 53; F, стк. 9—10); *naḥ-a-di* 'пошел-я' и *naḥ-u-bi* 'увел-я': *iu^d Haldiš-me ŠARRU-tuḥi aruni naḥ-a-di...* 'когда бог Халд мне царство даровал, пошел -я...'; *VIMIV C XXXVI arše ištini ni naḥ-u-bi* '6436 юношей оттуда увел -я'. (Сард. лет. Е, стк. 27; G, стк. 2); *ul-a-di* 'пошел -я', *ul-u-le* 'поведет': *ul-a-di MĀTU Etiuniedi* 'пошел-я в страну Этиуни' (Сард. лет. F, стк. 4); *auie ul-u-li (e)* 'куда-нибудь поведут (низвергнут)' (Corpus, 34, 35 и др.).

Сюда же, по-видимому, можно отнести и такие более редко встречающиеся глаголы, как *ašt-a-di* и *ašt-u-bi*, стоящие оба в 1-м лице, один в непереходной форме на -а-di, другой в переходной на -у-bi. Глагол *aštubi* встречается в сложном сочетании слов ¹⁰*bura-aštubi*, что дало И. Фридриху основание считать

²¹ См.: Вопросы языкознания, 1952, № 2, стр. 148.

глагольной основой сочетание обоих слов: *buraštubi*,²² придавая ему значение: 'в раба обратил, поработил -я', но в Нор-Баязетской надписи (№ 265, стк. 3) слово *bura* заменено идеограммой раба IR, фонетическим чтением которой, очевидно, и является само слово *bura*; ср.: *ŠARRU-ni ÂLU Puinialḫi^{lu} bura aštubi* 'царя города Пуиниалхи в раба обратил -я' (Сард. лет. А, стк. 17); *ŠARRU MÂTU Uelikuḫi karubi IR aštubi* 'царя страны Уеликухи покорил, в раба обратил -я' (Над. № 265, стк. 2—3). Замена слова *bura* идеограммой IR выделяет его в данном словосочетании и потому является достаточным поводом для разделения названных двух слов: *bura* (IR) 'раб' и *aštubi* 'обратил -я'. При этом глаголом остается одно только *aštubi*, которое становится также на самостоятельную позицию. Ему противопоставляется непереходная форма *ašt-a-di* с не вполне ясным значением, ср.: *aštadi MÂTU Etiunia*, где имя страны стоит не в направительном падеже на *-di*, а в местном на *-a* (Сард. лет. F, стк. 5).

Нуждаются в дальнейшем подтверждении нижеследующие грамматические формы, выделяемые А. Гётце, И. Фридрихом и Г. А. Меликишвили.²³

-ani, *-ali* — форманты переходного глагола, с заменой показателя переходного действия *-u* на гласный *-a*. Глагольная основа, оканчивающаяся на этот гласный, получает оформление непереходного действия и в то же время сохраняет личные окончания переходного, ср. глагол *ašu-* 'покидать (?)', от которого образуются переходные формы 1-го и 3-го лиц аориста *aš-u-bi*, *aš-u-ni* и от которого, с добавлением к его основе слога *-ul*, получают упомянутые выше формы с непереходной огласовкой основы *aš-ul-a* и с личными окончаниями переходного действия *-bi* (я-его) и *-ni* (он-его): *ašul-a-bi*, *ašul-a-ni*. Г. А. Меликишвили допускает возможность видеть в таком грамматическом оформлении глагола выражение несовершенного вида прошедшего времени: *iu ebanī ašul-a-bi* 'когда страну покидал-я' (Сард. лет. А, стк. 12). С такой же огласовкой выступает в надписи Сурб-Сахак глагол *erid-a-bi*, стоящий в том же 1-м лице, как и два других: *uelid-u-bi*, *ul-a-di*, *erid-a-bi*. Из них *ul-a-di* имеет как огласовку основы (*-a*), так и личное окончание (*-di*), соответствующие непереходному глаголу, тогда как *erid-a-bi* получает при той же огласовке основы (*-a*) личное окончание переходного глагола (*-bi*); ср. *uelid-u-bi* 'собрал -я-его' (Над. № 128, А I, стк. 16—18). Аналогичное изменение выступает в переходном глаголе *ḫarḫarš-u-bi* 'разрушил-я': *ieše*

²² См.: *Caucasica*, VIII, стр. 148—150.

²³ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 70—76; А. Goetze, *RHA*, VI, 1936, fasc. 22—23, стр. 185—198; fasc. 24, стр. 269—282. J. Friedrich. *Einführung ins Urartäische*, стр. 5—8.

ŠADU Bami ḥarḥarš-a-bi ieše ĀLU Biḥurani ḥa-u-bi 'я гору Бамни опустошал (?), я город Бихурани захватил' (Аргишти, VI, стк. 19—20). В обоих предложениях подлежащее ieše сочетается с двумя переходными глаголами, из которых ḥarḥarš-a-bi, при наличии подлежащего в эргативном падеже, сохраняет личное окончание переходного спряжения и основу с показателем непереходного действия. Такое необычное оформление основ переходного глагола выступает в редких случаях.

-ulini — объясняется как формант 3-го л. ед. ч. повелительного наклонения пассивной формы. Приурочение данному суффиксу указанного значения не противоречит контекстам, ср. надпись Ашрут-Дарга, где излагаются правила приношения жертв богу Халду: teruni ardiše... Ḥaldie nipsidulini ALPU Ḥaldie urpulini... 'установил-он правило... богу Халду пусть будет убитым бык, богу Халду пусть будет принесен жертвой...' (Corpus, 16, стк. 3—5). Начальный гласный в суффиксе -ulini может быть отнесен к основе глагола как показатель переходности действия (-u). Исходный слог -ni (uli-ni) может быть понят как объектный суффикс. Предполагаемое окончание -ualī в значении множественного числа того же суффикса не вполне ясно, ср. ugr-uālī 'пусть будут принесены в жертву' (?). Больше оснований видеть показатель множественного числа того же повелительного наклонения в суффиксе -i'ālī.

-i'ālī, -iālī — формант множ. ч. 3-го л. повелительного наклонения пассивной формы. В этом значении можно усмотреть данный суффикс в сакральной надписи Мхер-Капуси (Corpus, 18), если ее текст сопоставить с приведенным выше текстом надписи Ашрут-Дарга (Corpus, 16), ср.: teruni ardiše... Ḥaldie nipsidulini ALPU 'установил-он правило... богу Халду пусть будет убитым бык' (Corpus, 16, стк. 3—4); teruni ardiše... VI URĪṢU ṢIḤRU Ḥaldie nipsidi'ālī 'установил-он правило... шесть козлят богу Халду пусть будут убитыми' (Corpus, 18, стк. 2—3). Основа глагола nipsidu с добавлением суффикса -i'ālī утратила исходный показатель переходности действия -u. Отмечаемый Г. А. Меликишвили формант -ualī, в том же значении показателя множественного числа,²⁴ может оказаться разночтением -i'ālī, сохранившим огласовку переходного действия.

-iani, -diani — возможный запретительный формант повелительного наклонения. Примером может служить слово laku-iani, встречающееся в тексте одной из Армавирских надписей (Над. № 169): mei gieī inani arniušinani lakuiani 'не должен он ничему из этих предметов повредить' (стк. 5—7, см. условный перевод И. Фрид-

²⁴ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 73.

риха).²⁵ Глагол в его полной основе *lakudu-* выступает в той же надписи в форме пермансива: *aluše gieī inani arniušīnani lakudulie* 'кто что-нибудь из этих сооружений (?) испортит' (стк. 17—18). Последняя фраза взята из формулы проклятия той же самой надписи. В ней повторяется предыдущий повествовательный текст, в котором говорилось о запрещаемых действиях (*mei laku-iani* 'не должен он испортить'). В заклинательном тексте призывается гнев богов на того, кто совершит те же деяния (*aluše lakudu-lie* 'кто испортит'). Тем самым подтверждается глагольное значение слова *laku-iani*. Прибавление суффикса *-iani* к основе *lakudu-* привело к стяжению этой глагольной основы, утратившей не только показатель переходности действия (*-u*), но также и предшествующий ему согласный *-d* (из *lakudu-iani*).

Та же надпись № 169 дает все основания видеть вариант того же суффикса в форманте *-diani*, добавляемом к глаголу, утрачивающему показатель переходности действия *-u*, ср. в той же надписи слова *kul-diani*, *šeruiar-diani*: *mei ini Ē. GAL kuldiani mei šeruiardiani mei gieī inani arniušīnani lakuiani* 'не должен он этот дворец ни покинуть, ни разрушить-(его), ни что-нибудь из этого сооружения (?) испортить' (стк. 4—7). Глагольное значение этих форм подтверждается повторением тех же фраз в заклинательных строках надписи, где эти же глаголы стоят в пермансиве: *aluše ini Ē. GAL kulie* 'кто этот дворец покинет' (стк. 15), ср. *kul-diani*, *kulie* (из *kul-lie*). Глагол *šeruiardiani* заменяется синонимом *ḥarḥaršulie* 'разрушит': *aluše ini Ē. GAL kulie aluše ḥarḥaršulie aluše gieī inani arniušīnani lakudulie* 'кто этот дворец покинет, кто разрушит-(его), кто что-нибудь из этого сооружения (?) испортит' (стк. 15—18). Глагол *šeruiardiani* в той же надписи повторяется в пермансиве: *šeruiar-lie* из *šeruiar-lie* (стк. 20). Отсюда можно заключить, что все три сопоставляемые глагола: *kul-diani*, *šeruiardiani*, *laku-iani* выступают в данном тексте с одним и тем же грамматическим значением.

-(i)lani — отмечается как суффикс опатива (сослагательно-желательное будущее). В переходных глаголах присоединение этого суффикса влечет за собою отпадение показателя переходности действия *-u*, ср.: *ard-ilani* из *ardu-ilani* 'чтобы давал -он', *ḥa-ilani* из *ḥau-ilani* 'чтобы захватил -он'. Глагольные построения слов с указанным суффиксом продолжают оставаться неясными.

Спорным оказывается также причисление к опативу слов на *-ilatini*, в которых усматривается тот же суффикс во множественном числе, ср. приводимые Г. А. Меликишвили формы во множ. ч.

(abs)-ilatini, в ед. ч. (abs)-ilanini.²⁶ Встречающиеся глаголы с этими суффиксами точному переводу не поддаются.

-(i)alani, ср. *rag-alani*, получившееся из *ragu-alani* с отпадением показателя переходности действия -u. А. Гётце считает этот суффикс показателем множественного числа при единственном -ilani, ср. *ḥa-ialani*, в ед. ч. *ḥa-ilani*. Г. А. Меликишвили допускает возможность видеть в нем же окончание 3-го л. множ. ч. сослагательного прошедшего времени.²⁷ Глагольное значение данного суффикса устанавливается соответствующими текстами, ср.: *ŠARRU^{mes}-še ḥaialani* (Сард. лет. С, стк. 29). Основой глагола выступает *ḥau* — 'захватывать', но грамматическая роль данного суффикса пока не улавливается.

-lalani — отмечается Г. А. Меликишвили как возможный формант 3-го л. ед. ч., соответствующий показателю грузинского так называемого результативного действительного залога (?).²⁸

Неясными продолжают оставаться глаголы, осложненные в своей основе суффиксом -ul, ср. *ter-ul-u-bi* (*ter-u-bi*) 'установил -я', *suid-ul-u-bi* (*suid-u-bi*) 'победил, отбросил -я' и др. Помещение суффикса -ul перед показателем переходного действия -u указывает, что данный суффикс относится к основе слова. Значительных расхождений в значениях таких простых и осложненных основ проследить по текстам не удастся.²⁹

²⁶ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 74.

²⁷ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 75; A. Goetze, RHA, VI, 1936, fasc. 24, стр. 282.

²⁸ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 76.

²⁹ Там же, стр. 70; *Einführung ins Urartäische*, стр. 5.

УРАРТО-КАРТВЕЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Выступающая в языке урартской клинописи эргативная конструкция предложения уже давно обратила на себя внимание исследователей Древнего Востока присущим ей особым приемом построения падежных форм подлежащего, связанных с переходными и непереходными глаголами. Эргативный падеж, иногда понимаемый как своеобразное использование одного из косвенных падежей,¹ вызвал к себе особый интерес. Этот падеж ясно выделяется своим противоположением именительному индоевропейских языков и нуждался в выяснении как особенностей его синтаксического употребления, так и причин, обусловивших имеющиеся расхождения в сопоставляемых грамматических построениях. Констатированием наличных расхождений по существу и ограничивалось первоначальное изучение эргативного строя урартского предложения, характерные черты которого, как и всякой вообще эргативной конструкции, вовсе не ограничивались одной только особой грамматической формой подлежащего при глаголе переходного действия.

В исследованиях последних лет структура языка Биайны получила значительные уточнения (см. упомянутые выше работы Г. А. Меликишвили). Выяснилось, что подлежащее при переходном действии стоит в урартском языке, так же как и в картвельских Закавказья, вовсе не в косвенном падеже, а в специальном активном, в других значениях не употребляемом. Глагол при переходном действии получает объектные показатели, не образуя ими форм страдательного залога, и т. д. Изучение языка с этими уточнениями его грамматического строя значительно продвинулось вперед. Все же структура урартского языка выясняется не только анализом его клинописных текстов, но и сравнительными сопоставлениями с языками других систем. Сравнение с иносистемными языками устанавливает имеющиеся расхождения в грамматических построениях предложения. Сравнения же с структурно близкими

¹ См.: C. F. Lehmann (-Haupt). Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und Dr. C. F. Lehmann 1898/99 ausgeführten Forschungsreisen nach Armenien. Sitzungsberichten der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften, Bd. XXXII, Berlin, 1900, стр. 633; см. также мои работы: 1) Халдоведение, Баку, 1927, стр. 127—129; 2) Язык Ванской клинописи. Л., 1935, стр. 139—140.

языками выявляют наличные в них схождения и расхождения в деталях оформления отдельных синтаксических оборотов. Сопоставления с соседящим ассирийским языком, с его иной системой построения предложения, уточняет значения лексического состава в двуязычных надписях, но не грамматическую форму слов в урартском языке. Последнее получает показательный материал в структурно близких языках, в первую очередь в наиболее близких с ним картвельских и дагестанских.

Эргативная конструкция нуждается во всестороннем анализе, результат которого установит как место урартского языка Биайны среди остальных языков, сближаемых по своему синтаксическому строю, так и особенности его собственного грамматического строя. Типологические сопоставления, проведенные рядом исследователей, неоднократно отмечали близость языка Биайны к иберийским языкам Кавказа. Следуя этим указаниям, я предваряю свой заключительный подход к урартскому кратким изложением истории развития иберийских-кавказских языков, устанавливаемой их специалистами. Многие выдвигаемые ими положения, касающиеся древних периодов развития картвельских языков, дают полное основание учитывать их при характеристике синтаксического строя предложения в дошедших до нас письменных памятниках Урарту.

В итоге проводимых сопоставлений со структурой иберийских-кавказских языков можно легко убедиться, что глагол в урартском языке выступает носителем всех основных признаков глагола эргативного строя предложения. Последнему свойственна „безаккузативность переходного глагола“, сводящаяся к отсутствию винительного падежа и к специфическому использованию вербальных показателей субъекта и объекта, согласуемых с эргативным падежом подлежащего и именительным падежом прямого дополнения. Ясно выделяются особенности построения переходного глагола в его отличии от непереходного. Выделяются их различные системы спряжения по лицам и общая для обеих категория времен. Она и обращает на себя особое внимание. Парадигмы спряжения урартского глагола намечены, переходные и непереходные глагольные формы установлены, но грамматическая категория времени, прослеживаемая лишь в двух разновидностях, вызвала в своем определении ряд сомнений, а видовые отличия хотя и ясно выступают, всё же уточнению не поддавались. Здесь параллели с картвельскими языками оказываются необходимыми тем более, что весьма близкое положение этих же грамматических категорий в развитии той же самой эргативной конструкции вскрывается историей древнегрузинского языка.

На вопросе об образовании в картвельских языках времен и видов специалисты по этим языкам останавливались неоднократно. В итоге анализа материала письменных памятников древнегрузин-

ского языка выделились в последние годы два направления. Одно из них устанавливает период, предшествовавший формированию временных и видовых показателей глагола (учение об аспектах А. С. Чикобава). Другое рассматривает развитие временной категории глагола в тесной связи с их видовым содержанием, в чем нетрудно усмотреть последующую перестройку тех же самых аспектов в глагольные группы с видо-временным значением (учение А. Г. Шанидзе о скривах).

В 1941 г. А. Г. Шанидзе, в плане общего языкознания, специально остановился на разборе приводимых в грамматиках различных глагольных группировок. Он указал, что „имея отдельные группы глагольных форм, объединяющихся по общим грамматическим признакам, создающим понятия о группах как о целых категориях, мы не имеем специального термина, обозначающего эти группы с присущими им основными семантико-морфологическими понятиями. Всякий раз, когда нам приходится говорить о них как о грамматической величине, употребляем слова «время», «наклонение» или ничего не говорящее слово «форма»“.² Считая отождествление глагольных групп с временами или наклонениями в корне неправильным, А. Г. Шанидзе выдвигает термин „ряд“ („скрива“) для обозначения однородных групп глагольного спряжения, объединенных общими грамматическими признаками, но различающихся по лицам и числам, иногда также по родам или классам.

А. Г. Шанидзе утверждает, что в древнегрузинском языке такие ряды-скривы объединялись общим для них элементом спрягаемых глагольных форм, каковым являлся вид. Ряды (скривы) разбивались на две серии соответственно системам выражения совершенных и несовершенных форм. В древнегрузинском категория вида входила в систему спряжения, в новогрузинском же она вышла из системы спряжения и заняла место в словопроизводстве.³

Признание за видом ведущего значения при выделении древних скрив имеет непосредственное отношение к анализу временных форм урартского языка, остающихся не вполне ясными при обычном делении глагола по временам. Обособленно взятые материалы урартского языка ограничиваются выделением в нем двух времен — настоящего и прошедшего. Уточнение их содержания нуждается в дополнительных сопоставлениях с языками различных систем.

² А. Г. Шанидзе. Категория ряда в глаголе. Известия Института языка, истории и материальной культуры АН Груз. ССР, X, 1941, стр. 209.

³ А. Г. Шанидзе. Изменение системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его последствия. Сообщения АН Груз. ССР, III, 1942, № 9, стр. 953—958.

Благодаря наличию двуязычных надписей представляется возможность сопоставления выступающих в них синтаксических приемов построения предложения. Их анализ выявляет резкие расхождения в самих системах синтаксических конструкций. Урартский язык и современный ему ассирийский принадлежат двум разным языковым системам. Их сопоставлением выясняется структура эргативного строя предложения, содержание же выступающих в нем глагольных форм здесь уточнению не поддается. Обращая особое внимание на них, приходится останавливаться на языках более близких по своей структуре, к числу которых относятся картвельские и дагестанские. Первые из них, при наличии многовековой письменности, поддаются более детальному рассмотрению. В истории развития их временных форм выделяются уже упомянутые ряды (скривы). В тесной связи с рядами (скривами) в том понимании, какое дается им А. Г. Шанидзе, стоит учение А. С. Чикобава о глагольных аспектах, равным образом опирающееся на видовые различия и уходящее в глубь истории развития картвельских языков.

На выделении довременных аспектов А. С. Чикобава останавливался еще в своих ранних работах, на которые он ссылается и в последнем своем обзоре, помещенном в предисловии к сборнику „Эргативная конструкция предложения“ (М., 1950). Так, в работе 1943 г. „Пермансив и место, занимаемое им в истории спряжения грузинского глагола (К истории эргативной конструкции в грузинском языке)“⁴ А. С. Чикобава останавливается на характерном для картвельских языков одновременном использовании различных синтаксических структур предложения и дает обоснование их исторического развития постепенными переходами от индефинитной конструкции, когда именные и глагольные основы в этих языках еще не были дифференцированы и когда в процессе дифференциации глагол получил грамматическое оформление раньше имени.

Исследователи исходят из наличия как в древнем, так и в новом грузинском языке трех синтаксических конструкций: номинативной — в образовании группы настоящего времени, эргативной — в образовании группы аориста и дативной — в образовании группы результативных времен. Анализируя эти различные синтаксические построения с разными падежами подлежащих и своими особенностями глагольной аффиксации, А. С. Чикобава „приходит к выводу, что древнейшей конструкцией при переходных глаголах грузинского языка является эргативная конструкция. Она характерна для того периода, когда в спряжении различались не вре-

⁴ Сообщения АН Груз. ССР, IV, 1943, № 1, стр. 96—97. — Цитаты приводятся по резюме на русском языке.

мена, а аспекты". Выделяя последние, автор цитируемой работы имеет в виду такие глагольные формы, которыми передается не время совершения данного действия, а содержание выражаемого им процесса, передаваемого или в длительном его протекании, или же без последующего движения, как действия уже законченного и воспринимаемого говорящим лицом в его завершённой результативности.

Выделяются два начальных аспекта, легших в основу последующего образования времен и видов в их тесной взаимосвязанности. Таким образом эти две грамматические категории имеют в картвельских языках общий первоисточник, из которого они вышли и которым до известной степени обусловлены в своем дальнейшем развитии. По материалам древнегрузинской письменности выделяются два аспекта: дюративный (пермансив) и моментный (аорист): *man aketis igi* 'он, бывало, делал (делает) то' — пермансив; *man aketa igi* 'он делал то' — аорист. Морфологическое выражение времен в обоих этих построениях отсутствует. Подлежащее в обоих предложениях (*man*) стоит в активном (эргативном) падеже, винительный падеж (аккузатив) отсутствует, прямое дополнение (*igi*) стоит в именительном падеже, глагол получает различную морфологическую структуру, передающую не время, а упомянутые выше аспекты (*aket-i-s*, *aket-a*). Устанавливаемое наличие в картвельских языках аспектов должно быть учтено при анализе выделяемых в урартском языке двух времен.

А. С. Чикобава устанавливает, что оба аспекта, выраженные пермансивом и аористом, давали в картвельских языках эргативную конструкцию, когда настоящее время еще вовсе в глаголе не выражалось. Следовательно, на этой стадии развития грузинского языка вместо деления глагола по временам, давшим три основные группировки (каждая со своими синтаксическими особенностями построения предложения с разными падежами подлежащего и различными грамматическими формами глагола), существовало деление на два аспекта.

Они различались по характеристике протекания самого действия, а не по содержанию выступающего в них глагола. Переходные и непереходные глаголы получали грамматическое оформление по своему лексическому значению, чему соответствует построение предложения с исторически прослеживаемыми в нем изменениями. Номинативная конструкция, наличная при переходном глаголе в первой группе времен современного грузинского языка, признается тем же исследователем за более новое образование. Переходный глагол в период аспектов сочетался с эргативным строем предложения во всех трех временных группах. Что же касается непереходных глаголов, то при них подлежащее и в тот период развития грузинского языка ставилось в именительном

падеже. Выступающая здесь номинативная конструкция существовала параллельно с эргативной также и в периоды аспектов.⁵

Детальный анализ данных древнегрузинского языка приводит специалистов по этому языку к следующему заключению: при переходных глаголах вначале вместо наличных в современном грузинском языке двух конструкций (номинативной и эргативной) имела одна эргативная. Переходный глагол тогда (в период аспектов) обходился без номинативной конструкции. Эргативная конструкция употреблялась при аористе, пермансиве и сослагательном II: *man (mo)kla* 'он убил' (аорист); *man (mo)klis* 'он убивал' (пермансив); *man (mo)klas* 'чтобы он убил' (сослагательное II). Во всех трех примерах подлежащее стоит в эргативном (активном) падеже: *man* 'он', ср. именительный падеж *igi* 'он'. Позднее, в процессе образования времен, пермансив выступал в роли, в дальнейшем возлагавшейся на настоящее время, от которого образуется прошедшее несовершенное, а от последнего — сослагательное I, используемое и для передачи будущего несовершенного. Прошедшее несовершенное и сослагательное I восходят, таким образом, к основе настоящего времени и требуют номинативной конструкции. Раньше же они образовывались от основы пермансива и требовали эргативной конструкции. Следовательно, эргативная конструкция переходных глаголов является в грузинском языке синтаксической конструкцией периода аспектов. Что касается видов, то они, образуемые с помощью специальной префиксации, выделились позднее аспектов: „С переходом на новую систему категория вида вышла из системы спряжения и заняла место в словопроизводстве“.⁶

Отсюда делается вывод, что образование в грузинском языке первой группы времен (с номинативной конструкцией) относится уже к периоду выделения времен, в частности настоящего времени, которое „образовалось впоследствии путем перестройки пермансивно-аористной основы с наращением основообразующих суффиксов“. Эта перестройка, в ее постепенном развитии, обусловила создание номинативной конструкции (по сути, активной — в отличие от эргативной конструкции, являющейся вначале нейтральной, и никогда не бывшей пассивной). Что касается третьей группы времен (с дативной конструкцией), то она представляет собой „инверсивные формы, восходящие к настоящему времени

⁵ См.: А. С. Чикобава, Г. В. Церетели, В. М. Беридзе. Языковедческая работа в Советской Грузии. Вопросы языкознания, 1952, № 2, стр. 144, 148.

⁶ См.: А. С. Чикобава. 1) Пермансив и место, занимаемое им в истории спряжения грузинского глагола, стр. 96—97; 2) Проблемы эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, I, Тбилиси, 1948, стр. 134; А. Г. Шапидзе. Имененные системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его наследиях, стр. 953—956.

(результативное I), к аористу (результативное II), к сослагательному II (сослагательное III)".⁷ Следовательно, эта конструкция по своему образованию самая поздняя.

Таким образом по материалам древнегрузинской письменности дается история развития синтаксических конструкций грузинского языка и прослеживаются происходящие в них качественные изменения. Вначале в основу ложатся аспекты с эргативным строем переходного предложения, затем времена, в число которых включается и аорист, сохраняющий эргативную конструкцию при номинативном строе предложения в группе настоящего времени, и далее — их инверсивные формы с дательным падежом подлежащего. В итоге получают три одновременно действующие синтаксические конструкции современного грузинского языка: номинативная, эргативная и дативная. Устанавливается историческая последовательность в образовании отдельных грамматических форм: „Из падежей наиболее древними оказываются родительный и дательный. Эргативный (повествовательный) и именительный оформились позднее в результате наращивания местоименных частиц на основу... Эргативная конструкция предшествовала номинативной при переходных глаголах; при непереходных глаголах номинативная конструкция — явление древнее. Обе конструкции ведут начало от индефинитной“.⁸

Для языка биайнской клинописи показательные материалы картвельских языков могут оказаться достаточными, но для общего вопроса об аспектах и временах представляют интерес и иные материалы, оставшиеся незамеченными. Так, в языках ⁴ненецком (самодийской группы), кетском и юкагирском выступают весьма близкие параллели, но они не были обнаружены, так как типологические параллели брались только по линии синтаксиса, названные же языки не имеют эргативного предложения, почему и оставались в тени. Между тем в кетском (енисейско-остятском) языке глагол имеет только два времени: прошедшее и настоящее-будущее, причем переходные глаголы в обоих временах изменяют свою форму в зависимости от дополнения, передающего одушевленные либо неодушевленные предметы; ср. 1) настоящее-будущее время (пермансив?): *ат дьеськавей богдом* 'я роняю ружье'; *ат дьесьнагхавей вьисьеп* 'я роняю брата'; 2) прошедшее время (аорист) *ат*

⁷ А. С. Чикобава. Пермансив и место, занимаемое им в истории спряжения грузинского глагола, стр. 96—97 (резюме на русск. яз.); А. Г. Шанидзе. Изменение системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его последствия, стр. 957—958.

⁸ Эти положения, высказанные еще в 1943 г., сохраняют силу, см.: А. С. Чикобава. 1) Пермансив и место, занимаемое им в истории спряжения грузинского глагола, стр. 96; 2) Проблемы эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, стр. 129—130; ср.: Языковедные работы в Советской Грузии, стр. 144, 148.

дъеськовындак' богдом 'я уронил ружье'; ат дъесьновындак' вьисъеп 'я уронил брата'." Обоиими построениями глагола передаются в кетском языке как вид совершаемого действия, его длительность и мгновенность, так и время его исполнения в настоящем и прошедшем, выражая их в их взаимной связи, а не каждое в отдельности. Кетский глагол ограничивается этими двумя основными его построениями. Иных обозначений вида и времени он не дает. Тем самым выделяются в современном строе кетского языка видовременные аспекты, пермансив и аорист, в их ныне действующих грамматических формах.

Что же касается юкагирского языка, то В. И. Иохельсон устанавливает в нем тоже „только два времени: совершенное (настоящее-прошедшее) и несовершенное (будущее). Действие может быть или совершившимся или имеющим совершиться“. Автор дает содержанию этих времен следующее объяснение: „Совершение действия состоит из непрерывного ряда моментов, каждый из которых по отношению к действующему лицу является прошлым или будущим: *мэт кудэдэ 'я убил и убиваю', мэт кудэдэт 'я убью'*“.¹⁰ В основу такого деления глагола на времена ложится не само время, а степень передаваемой им завершенности и незавершенности действия. Повествующее лицо может говорить о действии, законченном также и в настоящем времени. Тем самым и здесь выступают не времена, а аспекты длительного и моментного действия; ср. у Е. А. Крейновича: „В изъявительном наклонении действие выражено как реально происходившее, происходящее либо как такое, которое произойдет в будущем. В юкагирском языке есть два времени: аорист и будущее время“.¹¹

Такое же видо-временное деление глагола (пермансив и аорист) выступает в ненецком (самодийском) языке, материалы которого оттеняют условность содержания термина „время“ в его обычном употреблении школьными грамматиками. В этом языке специалистами противопоставляются время в его движении и время без движения. „При рассмотрении форм спряжения в ненецком языке, — говорит исследователь этого языка Н. М. Терещенко, — принято выделять два времени: неопределенное и прошедшее. Формы,

⁹ См.: Н. К. Каргер. Кетский язык. Сб. „Языки и письменность народов Севера“, III, Л. 1934, стр. 235—236. — Следует выяснить, не выступает ли здесь, вместо одушевленности и неодушевленности предмета, деление имен существительных по классам: человек (с различием мужчин и женщин) и не-человек, по схеме лингвистических классов в иберийских-кавказских языках. По затронутому вопросу см.: А. П. Дульзои. О категории рода в кетском языке. Доклады VII научной конференции, вып. 1, Томск, 1957, стр. 126—128; Е. А. Крейнович. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке. Вопросы языкознания, 1961, № 2, стр. 106, 116.

¹⁰ См. Языки и письменность народов Севера, III, стр. 169.

¹¹ Е. А. Крейнович. Юкагирский язык. М.-Л., 1958, стр. 124.

обозначаемые термином неопределенное время, характеризуют совершаемость действия, его процесс. Они как бы нейтральны по отношению к моменту речи. Формы, обозначаемые термином прошедшее время, напротив, содержат в себе указание, что обозначаемое ими действие не относится к данному моменту, а совершилось (или совершалось) в более или менее отдаленном прошлом. Они являются застывшими, находящимися без движения".¹² Давая такое определение содержанию приводимых глагольных форм, Н. М. Терещенко приходит к следующему выводу: „Указанные особенности значения рассматриваемых форм свидетельствуют о том, что термин время может быть принят для ненецкого языка в значительной степени условно“.¹³ Оба выступающие здесь аспекта выделяются в грамматическом строе современного нам языка при его номинативной конструкции предложения.

Привлеченный материал, устанавливающий ныне действующую грамматическую структуру глагола в кетском, юкагирском и ненецком языках, может быть использован при их сопоставлениях с видо-временными аспектами иберийских-кавказских языков и урартского, передающего действие в его движении и действие законченное. Дюративный и моментный аспекты ясно выделяются во всем грамматическом строе предложения юкагирского и ненецкого языков. Такие же аспекты устанавливаются в картвельских углубленным анализом письменных источников древнегрузинского языка. Благодаря наличию многовековой письменности сравнительный метод сочетается в этом языке с историческим, не ограничиваясь одними только типологическими сопоставлениями, допустимыми по своей целевой установке при изучении структуры упомянутых выше младописьменных языков. В ином положении по сравнению с ними находятся иберийские-кавказские языки, в которых грамматическая структура предложения поддается сравнительно-историческому анализу в пределах одной родственной группы картвельских языков. У них, с одной стороны, имеется охват письменных памятников длительностью в пятнадцать веков, с другой — они сами, весьма близкие друг к другу, выявляют ряд расхождений, пополняя материалы одного языка материалами другого.

Для установления места, занимаемого урартским среди других соседящих языков, и для характеристики наличного в нем грам-

¹² Н. М. Терещенко. Краткий грамматический очерк ненецкого языка. Приложение к „Русско-ненецкому словарю“, М., 1948, стр. 370.

¹³ Там же. — Тот же автор в очерке к „Ненецко-русскому словарю“ (Л., 1955) прибавляет к этим двум временам еще третье — будущее. Неопределенное время тут же характеризуется как передающее совершающееся или недавно совершившееся действие, с выражением оттенка длительности и несовершенности (стр. 283).

матического строя особое значение получает возможность проследить развитие синтаксических и морфологических категорий, не выходя за пределы близких ему языков Кавказа. Поэтому внимание исследователей урартского языка древней Биайны обращается сейчас на картвельские языки, в которых три выделяемые группы времен строятся на аспектах пережитых периодов. Их сравнительно-исторические сопоставления могут иметь решающее значение, разъясняя затронутый вопрос о выступающих в изучаемом языке „временах“ — аспектах (?) и пополняя материалами одного картвельского языка обнаруженные данные в другом. При наличии аспектов, пережитых всеми картвельскими языками, их следы выступают в каждом из них. Последовавшее за ними развитие временных категорий получило в каждом из названных языков свое направление, что в значительной степени содействует пониманию содержания самих аспектов.

В современном грузинском языке выделяются три группы времен с разными падежами подлежащего. В первой группе времен передается незаконченное действие в настоящем, прошедшем несовершенном и сослагательном I со значением будущего. Подлежащее при них ставится в именительном падеже, прямое дополнение — в дательном-винительном, по схеме номинативного предложения. Во второй группе времен передается законченное действие, выражаемое аористом и сослагательным (оптативом), используемым для обозначения завершеного действия в будущем. Ср.: *da-v-tser-e* 'написал-я' (аорист); *da-v-tser-o* 'что-бы написал-я', 'напишу' (оптатив). Предложение в этой группе времен имеет эргативную конструкцию. В третьей группе времен (прошедшее результативное) выступает инверсивная форма предложения с дательным падежом подлежащего.¹⁴ Все три группы времен сочетаются в этом языке со своими особыми синтаксическими конструкциями. Структура предложения в современном грузинском языке различается по содержанию передаваемого им действия. Действие в его движении объединяется первой группой времен с единым падежом подлежащего (именительным).¹⁵ Действие, завершенное в его движении, образует вторую и третью группы времен с разными падежами подлежащего. В аористе выделяется завершенное переходное действие, направленное на определенный предмет, с подлежащим в активном падеже, и завершенное непереходное действие с подлежащим в именительном падеже, в котором ставится прямое дополнение при переходном действии. Этой временной группе, передающей аористом эргативный строй пред-

¹⁴ Б. Т. Руденко. Грамматика грузинского языка. М.—Л., 1940, стр. 116—137.

¹⁵ За исключением глаголов чувственного восприятия, имеющих и в группе настоящего времени инверсивные формы с дательным падежом подлежащего.

ложения завершенного действия, противопоставляется группа времени, выражающая незаконченность действия номинативным строем предложения.

В мегрельском языке той же картвельской группировки (мегрельский диалект занского языка) имеются свои, выделяющие его особенности, заключающиеся в том, что падеж подлежащего различается в аористе не по переходности и непереходности действия, как в ряде картвельских и дагестанских языков, а по видо-временным группам глагола во всех его временах. В мегрельском, так же как и в грузинском, выступают три группы времен: настоящего, аориста и прошедшего результативного. Каждая из этих групп выделяется ей специально приуроченным грамматическим построением предложения с соответствующим падежом подлежащего. Первая и третья имеют, как и в грузинском, номинативную и дативную конструкции с подлежащим в именительном и дательном падежах. Именительный падеж в первой группе времен (настоящее, прошедшее несовершенное, сослагательное I, оно же будущее), как это и соответствует номинативному строю предложения, выступает падежом подлежащего как при переходных, так и при непереходных глаголах. Прямое дополнение ставится в винительном-дательном падеже. Первая группа времен имеет единый падеж подлежащего — именительный.¹⁶ Во второй (аористой) группе налицо другой падеж подлежащего (активный). Этим аорист отличается от настоящего времени с его именительным падежом подлежащего, используемым при аористе для оформления прямого дополнения. Переходный глагол оказывается при аористе и здесь „безаккузативный“, но активный падеж подлежащего вовсе не приурочивается в мегрельском языке одному только переходному глаголу. Он выступает падежом действующего лица и при непереходных глаголах. Во второй группе времен (аорист) единым падежом подлежащего остается активный.

Оказывается, таким образом, что в мегрельском языке при всех временах различие переходных и непереходных глаголов ограничивается их собственной грамматической формой, а не падежами подлежащего. В мегрельском языке отсутствует противопоставление номинативного строя предложения при непереходных глаголах эргативному при переходных (ср. обратное в грузинском и чанском). Оба эти предложения (переходного и непереходного действия) синтаксически отличаются в мегрельском только присутствием или отсутствием прямого дополнения, морфологически же они, в пределах каждой временной группы, расходятся построением глагола. Грамматическая форма подлежащего остается общей

¹⁶ См. предыдущее примечание.

для обеих разновидностей предложения. Падеж подлежащего изменяется в мегрельском языке не по переходности и непереходности передаваемого действия, а по самим временным группам. В первой группе времен (настоящее и производные от него) таким общим падежом подлежащего является именительный-неоформленный, во второй группе (аористой) — активный, в третьей группе (прошедшее результативное) — дательный. Падеж подлежащего, закрепленный за каждой из этих временных групп, соответствует содержанию ими передаваемого действия. Именительный падеж связан в этом языке с длительно совершающимся действием (падеж пермансива). Активный падеж сочетается с действием законченным в своем движении независимо от его отношений к субъекту и объекту (падеж аориста). Отвечая в основном содержанию аспектов, эти два падежа по ним же и выделяются в названном языке.

В аористой группе времен мегрельского языка активный и именительный падежи полностью не соответствуют этим же падежам в грузинском языке, так как активный падеж в грузинском не может стоять при непереходном глаголе, тогда как в мегрельском он занимает во второй группе времен также и это положение. Именительный падеж должен при эргативном аористе грузинского языка оформлять не только прямое дополнение при переходных глаголах, но и подлежащее при непереходных, чего нет в мегрельском. При аористе мегрельского языка именительный (неоформленный) падеж остается только падежом прямого дополнения с его пассивным содержанием члена предложения. Следовательно, в такой синтаксической конструкции это не именительный падеж в полном его значении, хотя он по своей грамматической форме, несомненно, является тем же падежом, каким он выступает в настоящем времени того же языка, где он — полнозначный именительный. Равным образом, резко отличается и активный падеж в мегрельском аористе. Этот падеж, оформляя также и подлежащее при непереходном глаголе, не соответствует в полной мере активному падежу грузинского языка, который, как и в большинстве других языков с эргативным строем предложения, выражает активность действия лишь при переходных глаголах. В мегрельском языке активный падеж получает в эргативной конструкции общее для занских языков картвельской группы (мегрельского и чанского) падежное окончание -q, которое в мегрельском оформляет полнозначный активный падеж при всяком глаголе, поставленном в аористе, ср. структуру предложения второй группы времен (завершенное действие) в мегрельском: kot'š-qə dotšarə tsiŋgi 'человек написал книгу' (переходный глагол); kot'š-qə qəmorɔə 'человек пришел сюда' (непереходный глагол). Подлежащее в обоих примерах стоит в одном и том же эргативном

падеже на -q (kot's̄-qə 'человек'), имея при переходном глаголе прямое дополнение в именительном падеже (tsingi 'книга, письмо').¹⁷

В чанском (лазском) языке нет номинативной конструкции при переходном глаголе ни в настоящем времени, ни в аористе. Единственный падеж подлежащего не выступает ни в одной из указанных групп времен. Винительный падеж прямого дополнения отсутствует. При всех выделяемых временах имеется два разных падежа подлежащего: неоформленный (именительный) при непереходных глаголах и активный (эргативный) при переходах. Инверсивные формы третьей группы времен не выступают. Таким образом в чанском языке эргативная конструкция охватывает всю парадигму глагольного спряжения с соответствующим изменением падежей подлежащего по всем основным временам. Этим чанский язык отличается от грузинского и мегрельского, в которых эргативный строй предложения имеется только в аористной группе и тем самым противопоставляется чанскому построению предложения с его эргативной конструкцией также и в первой группе времен, передающей длительность незаконченного переходного действия.

В чанском языке грамматическая категория времен более развита, чем в грузинском, но устанавливаемое их наличие (четырнадцать времен) все же сводится только к двум основным — к настоящему времени, от которого образуются пять времен, и к аористу, от которого образуются девять времен.¹⁸ В чанском языке выделяются, таким образом, времена, распределяемые по двум группам, сближающимся с аспектами и объединяемым двумя сериями скрив, устанавливаемым по древнегрузинской письменности. Аспекты длительного и моментного действия, как и скривы переходного и непереходного глагола, прослеживаются в современной структуре чанского языка. В нем образуются: группа настоящего времени (ср. дюративный аспект — пермансив) и группа аориста (ср. законченное, „моментное“ действие) с их противопоставлениями также по переходности—непереходности действия на объект. Ими передаются различные отношения действия к предмету, что и отражается на падежах подлежащего. Отсутствие единого падежа подлежащего придает особое положение неоформленному падежу чанского языка, который, в данной синтаксической конструкции с ее двумя падежами подлежащего, не выполняет функции именительного падежа номинативного строя предложения. Подлежащее при переходном действии имеет в чанском языке специально ему предназначенную грамма-

¹⁷ См.: И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914, стр. 051—069, 0132—0134.

¹⁸ См.: А. С. Чикобава. 1) Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта, стр. 217—225 (резюме на русск. яз.); 2) Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, стр. 132 (резюме на русск. яз.).

тическую форму. Подлежащее на -q получает одно значение активного падежа, тогда как неформленный падеж выступает в двух указанных его различных значениях. Такая постановка подлежащего в разных его падежах в одном и том же языке свойственна самой эргативной конструкции предложения, объединяющей все разновидности выступающих в ней синтаксических построений. В этой конструкции подлежащее при переходном глаголе всегда ставится в эргативном (активном, или повествовательном) падеже, а прямое дополнение — в неформленном (именительном),¹⁹ так же как и подлежащее при непереходных глаголах. Выступающие в временах чанского языка следы дуративного и моментного аспекта, как и скрив объектного и безобъектного действия, поддаются сопоставлениям с такими же грамматическими формами урартского языка.

Дошедшие до нас письменные памятники древней Биайны хотя и дают материал, однообразный по своему стилю и ограниченный по содержанию, всё же представляют значительный интерес не только для историка эпохи, но и для лингвиста. Урартский язык, засвидетельствованный письменами, относимыми к первым столетиям 1-го тысячелетия до н. э., содержит достаточный материал для установления основ синтаксического строя этого языка. Он поддается сопоставлению с грамматическими системами других языков, как ему современных, так и более молодых, но родственных по своей структуре. Урартский язык имеет выдержанную эргативную систему, наличную в языках Кавказа. Система построения предложения в урартском языке соответствует приведенной выше синтаксической конструкции предложения чанского языка, более развитого в своем делении глагола по временам, но построенного на тех же исторически сложившихся начальных периодах. Грамматический строй чанского языка, сводимый к периодам аспектов, пережил на их основе значительную перестройку. Она выступает во всех картвельских языках — грузинском, занских (чанском и мегрельском) и сванском. Во всех названных языках пережитой ими период аспектов отразился на отделении группы настоящего времени от аористной. Последняя выражением завершенности действия наиболее сближается с соответствующим ей аспектом, носящим то же наименование; но и первая, передавая незаконченное действие, непосредственно сводится в своем прошлом тоже к соответствующему аспекту.

В чанском языке все выступающие в нем четырнадцать времен восходят к двум основным (настоящее-будущее и аорист). В урартском выделяются лишь два времени с тремя парадигмами спря-

¹⁹ При наличии двух дополнений второе из них ставится в дательном падеже, соответствующим косвенному дополнению.

жения глагола.²⁰ Две из них выступают в аористных формах глагола, одна для переходного и другая для непереходного. Третья парадигма используется для обозначения настоящего-будущего времени. Производных от них времен установить по наличным памятникам не удастся. Переходное и непереходное действие различаются в урартском не только оформлением глагола, но и падежами подлежащего, как в аористе, так и в первой группе времен. По содержанию передаваемого действия в обоих сопоставляемых языках выделяются две конструкции предложения с двумя разными падежами подлежащего. При переходном действии грамматический субъект ставится в эргативном (активном) падеже, при непереходном — в именительном. Эти две синтаксические конструкции сохраняются независимо от деления по временным группам, которые различаются лишь оформлением глагола. Ср. аористную форму в урартском языке: *uštabi* ^m*Menuani* 'выступил Менуа'; непереходный глагол, стоящий в 3-м лице (-*bi*) с показателем непереходности действия -*a* (*ušt-a-bi*), сочетается с именительным падежом подлежащего, получившего суффикс -*ni* (*Menua-ni*). ^m*Menuaše... ini pile aguni* 'Менуа... этот канал провел'; переходный глагол с показателем переходности действия -*u* и соответствующим объектным окончанием 3-го л. ед. ч. -*ni* (*ag-u-ni* 'провел он его') согласуется с подлежащим в эргативном активном падеже (*Menua-še*). Прямое дополнение (*pile* 'канал') получило именительный падеж, в котором ставится также и действующее лицо при непереходном глаголе. В аористе всех предложений с их различными падежами подлежащего при переходных и непереходных глаголах передается действие, совершение которого закончено в прошлом и для повествующего лица представляется уже вне процесса движения.

Иную суффиксацию получают те же глаголы, выражающие длительное действие в его процессе, ср.: ^m*Menua-še a-le* 'Менуа говорит'; *alu-še uli-še tiu-le ie-še ini pile ag-u-bi* 'кто другой скажет: я этот канал провел'. Длительность действия, как в настоящем, так и в будущем временах, не различается глагольной формой (*a-le, tiu-le*), подлежащее стоит в эргативном падеже, как и при аористе (*Menua-še, alu-še, uli-še, ie-še*).²¹ Особенно убедительно выступает различие глагольного оформления в последнем из приведенных примеров, в котором имеются и глагол длительного действия (*tiu-le*) и глагол завершено-моментного действия (*ag-u-bi*) с суффиксом 1-го лица переходной формы, в отличие от

²⁰ См.: J. Friedrich. Einführung ins Urartäische, стр. 5—8.

²¹ Последняя форма (*ie-še*) возбуждает сомнение. Возможно, что местоимение первого лица включает последний слог в свою основу (*ieše*). В последнем случае придется признать, что эргативный падеж в местоимениях выступает только в 3-м лице, ср.: *alu-še, uli-še*.

3-го лица -*ni*: *ag-u-ni* 'провел-(он)-его', *ag-u-bi* 'провел-(я)-его'. Текст данной фразы: 'кто другой скажет (будет утверждать): я этот канал провел' — имеет в виду действие, предстоящее в будущем, когда кто-то присвоит себе деяние, завершённое в прошлом. Выделить другие временные формы в урартском языке не представляется возможным.

Одному из этих двух времен присваивается вполне ему соответствующее наименование аориста, констатирующего действие, рассматриваемое без его движения. Действие уже совершено и в этом виде излагается повествователем, ср. в 3-м лице: *ag-u-ni* 'провел-(он)-его', *ter-u-ni* 'воздвиг, установил-(он)-его'. Во всех этих глагольных формах имеется в виду достигнутый результат. Предшествующая ему длительность акта не имеет значения, что и придает аористу, с таким его содержанием, значение завершённого-моментного действия, то есть не времени, а аспекта. Другое время (настоящее-будущее) отмечает длительность незавершённого процесса, что соответствует пермансиву. Определение структуры времен урартского глагола ограничивается этими представленными по нему данными. Основываясь на них, можно прийти к заключению, что выступающие в письменных памятниках Биайны только два времени соответствуют по своему назначению упомянутым выше аспектам, передающим действие в процессе его движения и констатирующим его в своем окончательном завершении. Эргативная конструкция предложения сохраняется в урартском языке в обоих временах.

Эргативная конструкция занимает в истории спряжения грузинских глаголов особое место, уточняя по ним пройденные пути развития синтаксических построений предложения в картвельских языках. В их истории эргативный строй сочетается с номинативным, причем за каждым из них сохраняется своя система передачи объектных и безобъектных отношений. Это дало основание А. С. Чикобава утверждать в одной из позднейших его работ, что „эргативная конструкция предшествовала номинативной при переходных глаголах; при непереходных глаголах номинативная конструкция — явление древнее. Обе конструкции ведут начало от индефинитной“.²² К ней сводятся также намечаемые периоды аспектов. Таким образом от индефинитной конструкции выводятся в картвельских языках и эргативная и номинативная с пережитыми в них аспектами, характеризующими один из ранних этапов развития глагола.

Эргативная конструкция урартского предложения выделяется не только наличием двух времен, совпадающих по своему содержанию с аспектами. Последние прослеживаются и в других язы-

²² См.: Языковедная работа в Советской Грузии, стр. 148.

ках, например, в упомянутых выше ненецком и юкагирском.²³ Особенностью, выделяющей урартское предложение, является синтаксическая позиция подлежащего. Оно в этом языке ставится не в одном из косвенных падежей, как в дагестанских и ряде других языков, а в специальном активном на -še. При этом падеже подлежащего прямое дополнение получает именительный падеж, которым в эргативной конструкции отмечается состояние лица как связанного с безобъектным действием, так и испытывающего на себе результаты действия, совершаемого другим лицом. Такое эргативное построение предложения, отличающее его от номинативного с единым падежом подлежащего, выделяется особенностями своей структуры, недоучет которых может приводить к ошибочным выводам. Одним из них и оказывается признание активного падежа в урартском языке за косвенный падеж, с соответствующим его переводом. В основу легло сопоставление предложения: ^mMenuaše ini pile agipi 'Менуа этот канал провел' с его передачей на индоевропейские языки. В именительном падеже урартского предложения стоит не подлежащее, а прямое дополнение (pile 'канал'), что и привело выдающегося исследователя этого и родственных ему языков И. Фридриха к признанию строя урартского предложения пассивным по аналогии с индоевропейскими ('Менуей этот канал проведен').²⁴ Такой перевод не соответствует содержанию активного падежа, который в урартском (-še), так же как и в картвельских (-та, -q), выступает только в позиции подлежащего.

Проводимые параллели с разносистемными языками выявляют отличие эргативного построения от номинативного, но не могут давать исчерпывающего определения самой эргативной конструкции. Она уточняется материалами языков, близких ей по своему синтаксическому строю. По ним представляется возможность выяснить те задания, которые возлагаются на соответствующее синтаксическое построение и используемые в нем грамматические формы. Так, упомянутый И. Фридрихом эргативный падеж устанавливает активное участие субъекта в совершаемом действии, но оно не имеет однообразного выражения в построении предложения, что и получает свое отражение в его различной структуре. В мегрельском языке этим падежом оформляется действующее лицо не только при переходных глаголах, но и при непереходных во второй группе времен. Активный падеж подлежащего передает здесь всякое уже законченное действие. Незаконченное (пер-

²³ Ср. также: Б. К. Г и г н е й ш в и л и. О категории аспекта в удинском языке. Иберийско-кавказское языкознание, XI, Тбилиси, 1959, стр. 361—383.

²⁴ J. F r i e d r i c h. Einführung ins Urartäische, стр. 19.

вая группа времен) требует в том же языке номинативного строя предложения с именительным падежом подлежащего. Таким образом в мегрельском языке падежами подлежащего противопоставляются дюративное действие и моментное. В урартском языке, как и в чанском, используется иная синтаксическая конструкция с другим назначением наличных в ней падежей грамматического субъекта. В этих языках активный падеж оформляет подлежащее лишь при действии, переходящем на объект независимо от времени его завершения. Этот падеж связан в данном построении предложения с обозначением не аспектов, а содержания самого передаваемого действия. При непереходном глаголе, во всех его временах, подлежащее в тех же языках ставится в неоформленном падеже, который, выступая в разных синтаксических позициях, может получать дополнительную суффиксацию, если обозначаемое им слово выделяется по своему значению контекстом фразы.²⁵

В том же урартском языке может отмечаться особым грамматическим приемом положение того слова, преимущественно имени собственного и его эпитетов, которые выделяются в общем тексте предложения. С этим назначением используется суффикс *-ni*, когда он присоединяется к прямому (неоформленному) падежу. Аналогичный суффикс, оформляя косвенный падеж, выступает с самостоятельным значением творительного. При прямом падеже суффикс *-ni* выделяет обозначаемое им слово, занимающее ту или иную синтаксическую позицию, в соответствии с нормами построения эргативного предложения. Суффикс *-ni* в таком его использовании возводится к указательному местоимению *ini* 'этот'.²⁶ Присоединение его к прямому падежу указывает на то лицо, которое выделяется по своему значению, ср. текст надписи № 39, где суффикс *-ni* выступает в отмеченных двух его функциях — как показатель падежа косвенного дополнения и как суффикс подлежащего и прямого дополнения, поставленных в прямом падеже: ^dHaldini-ni ušmaši-ni uštabe ^mMenua-ni... ḥauni ÂLU Šebeteria-ni (ebanie) 'могуществом бога Халда выступил Менуа... захватил город Шебетерия (страны-его)' (стк. 6—8), ср. также в билингве Келишина: ^mnunali ^mIšruini-ni ^mSardureḥe ŠARRUDAN.NU... ^mMenua ^mIšruiniḥe 'пришли Ишпуин сын Сардура, царь могучий... [и] Менуа сын Ишпуина' (стк. 2—5, 26—27). Суффиксом *-ni* выделяется только имя Ишпуина, имеющего царский титул, тогда как имя

²⁵ Используемый для этого суффикс *-ni* обычно включается в число падежных окончаний, ср.: Т. В. Гамкрелидзе. К вопросу о склонении имен в урартском языке. Труды Института языкознания АН Груз. ССР. Серия языков Передней Азии, I, Тбилиси, 1954, стр. 116.

²⁶ См. Г. А. Мелкишивили, ук. соч., стр. 54.

сопровождающего его Менуи, который лишен царского титула, не имеет названного суффикса.²⁷

Строй урартского предложения сохраняет в своей основе эргативную конструкцию, которая выступает также и в картвельских языках. Наличие в них разновидности этой конструкции представляют богатый сравнительный материал, содействующий уяснению деталей построения урартского предложения. Типологические сопоставления родственных по своей структуре языков уточняют значение выступающих в языке грамматических форм.

²⁷ См. приведенный ниже разбор аналогичных построений имен собственных в тексте Келишинской биллингвы.

КЕЛИШИНСКАЯ БИЛИНГВА

При дешифровке текстов древней Биайны (Урарту) приобретают особое значение две билингвы: Келишина и Топсау. О принадлежности последней царю Русе I не возникает никаких сомнений, что же касается двуязычной надписи Келишина, то наличие некоторых колебаний при отнесении ее тому или иному царю имеет место. К. Ф. Леманн-Гаупт включил ее в число надписей Ишпуина (*Corpus Inscriptionum Chaldicarum*, I, 1928, стр. 24—34), но, переиздавая ее же в томе II того же *Corpus'a* (1935, стр. 160), он допускает возможность отнесения ее к периоду совместного правления Ишпуина и его сына Менуи. Такого же мнения придерживается Г. А. Меликишвили в его полном издании „Урартских клинообразных надписей“ (М., 1960, стр. 125—131).

Основанием к этому последнему послужил сам текст билингвы Келишина, в которой приводятся оба имени (Ишпуин и Менуа), с которых и начинается повествование: *iu* ^d*Aldi-kai* *ÂLU Ardinidi nuna(li)* ^m*Išpuinini* ^m*Sardurieḫe ŠARRU DAN.NU ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušpa-ÂLU* ^m*Menua* ^m*Išpuiniḫe* (стк. 1—5), 'когда пред богом Халдом в город Ардини пришли Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь вселенной, царь стран Биайн, властитель города Тушпы [и] Менуа сын Ишпуина'.

Имена царей Древнего Вана, благодаря урартским и ассирийским источникам, устанавливаются с полной точностью, причем один из них, Менуа, занимает особое положение. Он был царевичем, стал правителем государства вместе со своим отцом Ишпуином и затем остался один, облеченный царской властью. Поэтому помещение в надписи имени Менуи вовсе не всегда свидетельствует о том, что он выступает властителем Биайны. В надписях этого государства упоминаются не одни только цари. Их имена нередко сопровождаются именами членов царской семьи, в числе которых мог оказаться и сам Менуа, еще не достигший положения полновластного правителя, такого же, как и отец его Ишпуин.

Так, например, в надписи Тебриз-Капуси говорится о том, что Ишпуин, его сын Менуа и сын последнего Инушпуа соорудили святилище бога Халда. Все три имени поставлены в одном и том же эргативном падеже, как активно действующие лица,

но речь ведет один Ишпуин: ^dHaldinini ušmašini ^mIšpuiniše alie: ^mSardurieḫiniše ieše ^mMenuaše ^mIšpuinieḫiniše ^mInušpuaše ^mMenuaḫiniše ^dHaldiei susie šidištuše 'мощью бога Халда Ишпуин говорит: сын Сардура, я, Менуа сын Ишпуина, Инушпуа сын Менуи бога Халда святилище воздвигли' (стк. 1—6, 17—22, 33—38). О совместном деянии повествует Ишпуин. Он лишь упоминает о том, что действие совершено им вместе с сыном и внуком. Поэтому интерпретаторы приведенного текста с полным основанием относят надпись к периоду царствования Ишпуина. Менуа здесь еще не разделяет с отцом царской власти. Он выступает наряду со своим сыном Инушпуа. Царствует один Ишпуин, который и ведет все повествование от своего лица.

Такому содержанию приведенного текста, излагаемого Ишпуином, вполне соответствует постановка глагола в 1-м лице множественного числа (šidištu-še 'построили-мы', стк. 38). Царь говорит от своего имени о сооружении культового памятника и о принесении жертв им, сыном и внуком, на которых и призывается благоволение бога Халда. Здесь властителем Биайны выступает один Ишпуин.

В надписях, повествующих о совместном правлении двух царей (Ишпуина и Менуи), сказуемое, согласуемое с их именами, ставится во множественном числе, получая при переходных глаголах суффикс -itu. Этот суффикс может отсутствовать при наличии тех же двух имен, заменяемый объектным суффиксом единственного числа -ni. Такая замена личного окончания глагола обращает на себя внимание в особенности, когда царская титулатура сохраняется только за одним из лиц, указанных в надписи. Упоминание двух царских имен собственных вовсе еще не свидетельствует о том, что оба они были правителями государства. Таковым мог оказаться лишь один из них, ср. Над. №№ 93—95, где Менуа, поставив камень с надписью, призывает милость Халда на себя и на своего сына Инушпуа, который не занимал царского трона. В таком же положении царевича мог находиться и Менуа сын Ишпуина, упоминаемый вместе с отцом, но еще не облеченный властью соправителя. Эти замечания касаются как цитируемой ниже надписи Ашрут-Дарга, так и Келишинской билингвы.

О сооружении такого же святилища богу Халду говорится в надписи Ашрут-Дарга. Святилище воздвигают Ишпуин и Менуа. Их имена стоят в эргативном падеже (-še). Они совместно построили храм, но отсюда вовсе не следует, что Менуа был таким же царем, как и его отец Ишпуин. В последующем тексте излагаются правила жертвоприношения. Их дает один Ишпуин и ему одному присваивается царский титул: ^dHaldie eurie ^mIšpuiniše ^mSardurieḫiniše ^mMenuaše ^mIšpuiniḫiniše ^dHaldiei susi šidištuḫi ^dHaldinini ušmašini ^mIšpuinini ^mSardurieḫe ŠARRU DAN.NU ŠARRU

alsuini ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušpa-ÂLU teruni ardiše 'богу Халду владыке Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина бога Халда святилище воздвиг(ли). Бога Халда мощью Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь великий, царь стран Биайн, властитель города Тушпы. Он установил правила' (стк. 1—3, 6—8). Менуа и тут, как и в предыдущей надписи Тебриз-Капуси, упоминается в роли соучастника в построении храмового сооружения. Царская титулатура сохраняется за одним Ишпуином.

Возникает сомнение, следует ли относить данную надпись к совместному правлению Ишпуина и Менуи, как это делается во всех изданиях урартских текстов. Такое же сомнение возникает и при детальном чтении Келишинской билингвы. Решающим для выяснения занимаемого Менуей положения являются контекст, царская титулатура и, как увидим, в отдельных случаях также сама грамматическая форма в передаче этого имени собственного.

В урартском тексте Келишинской билингвы, разбиваемом на три части, обращает на себя внимание написание: 1) имени бога Халда, 2) имен собственных Ишпуина и Менуи, 3) глаголов, поставленных в 3-м лице аориста.

Написание имени бога Халда встречается в двух вариантах: в обычном для урартской и ассирийской письменности (Haldi) и в необычном для них, с одним гласным в начале (Aldi). Такое отступление от общепринятой формы (Haldi) встречается только в урартском тексте двуязычной надписи Келишина. Можно согласиться с теми исследователями данного текста (Г. А. Меликишвили), которые усматривают в таком своеобразном написании имени Халда отражение его мусасирского произношения. Если писцом был жрец святилища Мусасира (он же город Ардини, о котором идет речь в надписи) и, тем более, если тому же писцу принадлежит ассирийский перевод той же билингвы, за что говорит общее с ассирийским текстом начертание клинописных знаков, то не устраняется возможность того, что пишущий путал мусасирское произношение имени бога с биайнским (=ассирийским). Местоположение надписи и ее содержание стоят в тесной связи с сакральным культом Мусасира (Ардини), что обуславливает участие служителя этого культа в составлении исследуемого памятника. Этому памятнику придается особое значение, чему свидетельством служит его же перевод на ассирийский язык. Составление такого ответственного текста царского повествования могло быть поручено только высокограмотному лицу, которому и биайнское (урартское) произношение имени бога должно было быть хорошо знакомым.

Имя бога Халда встречается в билингве Келишина 14 раз. Из них 6 раз выступает это имя в 3-й части данной надписи.

Все 6 раз использовано обычное написание Ḫaldi. Во 2-й части надписи стоит Aldi два раза и Ḫaldi один раз. Кроме того здесь же упоминается один раз имя того же бога с дефектным начальным знаком. В 1-й части надписи имя бога встречается 4 раза, из них 2 раза Aldi и 2 раза с испорченным клинописным знаком в трудно восстанавливаемом первом слове. Таким образом ясно, что писец пользовался и тем и другим начертанием имени Халда, причем однообразное написание Ḫaldi имеется только в 3-й части надписи.

Трудно согласиться с предположением Г. А. Меликишвили о том, что „замена aldi обыкновенной урартской формой ḫaldi произошла, возможно, в результате соответствующего указания, так как надпись составлялась от имени царей Тушпа и, вероятно, существовало определенное наблюдение над ее составлением“.¹ Хотя ясное написание Ḫaldi начинается с 23-й строки и идет в этом виде до конца надписи, все же трудно предположить, чтобы царь Биайны или им уполномоченные лица только с этой строки заинтересовались ходом начертания сакрального текста. Весьма возможно, что биайнский царь и его приближенные наблюдали за сооружением стелы и начертанием на ней надписи, но остается совершенно непонятным, почему такое внимание обнаружилось лишь в конце проводимой работы. Более вероятно другое, а именно, что выдержанное написание Ḫaldi обязано содержанию третьей части всего обширного текста, где приведена формула проклятия, стереотип которой в некоторой степени соблюден и здесь. Формула же проклятия хорошо известна по другим урартским надписям с написанием Ḫaldi.

Отсюда можно заключить, что весь текст билингвы во всех трех ее частях составлен одним и тем же лицом. Это приводит к мысли, что билингва в ее написании не разбивается на хронологические периоды в ее составлении (против этого не возражают другие исследователи). Остается под вопросом, не разбивается ли содержание самого текста на различные периоды излагаемых событий. В надписи может содержаться описание двух и даже трех одновременных посещений Мусасира биайнскими царями, сначала двумя (Ишпуином и Менуей, упоминаемыми в 1-й части), затем одним (Ишпуином — 2-я часть с одним только его именем) и, наконец, опять двумя (Ишпуином и Менуей, именами которых начинается 3-я часть).

Если в 1-й части выступают два царя, правящих одновременно, то 2-я часть, повествующая о деяниях одного Ишпуина, может относиться к его единичному правлению и текст тем самым окажется нарушившим хронологическую последовательность, так как

¹ Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи, стр. 84.

царствование одного Ишпуина предшествовало совместному правлению его с сыном. Но во 2-й части надписи с именем одного Ишпуина может оказаться вставка, излагающая предшествующее посещение Мусасира (город Ардини) тем же Ишпуином в более отдаленные времена, когда он еще царствовал один. В таком случае вся надпись могла бы быть отнесена целиком к совместному правлению двух названных царей, как их надпись со включенной в середину исторической справкой о том, что было сделано до совместного посещения Мусасира обоими царями (2-я часть надписи). Но возможно и другое толкование текста всех трех частей. Менуа мог выступать соучастником в совершении описываемых деяний, но не равноправным с Ишпуином правителем государства. От решения этого вопроса зависит отнесение билингвы к числу надписей Ишпуина и Менуи, или одного Ишпуина, если Менуа здесь не наделен еще царской властью. Некоторые для того данные можно найти в написании имен самих упоминаемых тут царей и в построении соответствующих текстов.

Кроме Келишинской билингвы имеется еще 9 надписей, приурочиваемых совместному правлению Ишпуина и его сына Менуи (№№ 19—27 по нумерации Г. А. Меликишвили).² Текст одной из них (Ашрут-Дарга) приводился выше. С построением этого текста можно сопоставить структуру 1-й части билингвы.

Надпись Ашрут-Дарга может быть разбита на две части. В 1-й упоминаются Ишпуин и Менуа. Они соорудили святилище бога Халда: ^mIšpuiniše ^mSardurieḫiniše ^mMenuaše ^mIšpuiniḫiniše ^dḪaldiei susi šidištuni 'Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина бога Халда святилище воздвигнули' (стк. 1—2, 6—7, текст повторяется два раза). Во 2-й части говорится об одном Ишпуине и ему присваивается титулатура царя: ^dḪaldinini ušmašini ^mIšpuinini ^mSardurieḫe ŠARRU DAN.NU ŠARRU alsuini ŠAR MĀTU Biainaue alusi ÂLU Tušpa-ÂLU teruni ardiše 'бога Халда (Халдовой) мощью Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь великий, царь стран Биайн, властитель города Тушпы. Он установил правила' (стк. 2—3, 7—8). Часть 1-я служит вступлением ко 2-й. Отсюда можно прийти к выводу, что надпись относится к царствованию одного Ишпуина. Только ему присваивается царский титул. Менуа сопутствует Ишпуину, но не царствует вместе с ним.

Такой же разбивке поддается и 1-я часть билингвы. В начале говорится о приходе в город Ардини (Мусасир) Ишпуина и Менуи, о сооружении святилища, посвященного богу Халду, и о постановке стелы с надписью. Царский титул сохраняется за одним Ишпуином: iu ^dAldi-kai ÂLU Ardinidi nunali ^mIšpuinini

² Г. А. Меликишвили, *ук. соч.*, стр. 125—149.

^mSardurieḫe ŠARRU DAN.NU ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušpa-ÂLU ^mMenua ^mIšpuiniḫe iarani šidištuni ^dAldie... teruni DUB.TE iarani-kai 'когда пред богом Халдом в город Ардини пришли Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь вселенной, царь стран Биайн, властитель города Тушпы [и] Менуа сын Ишпуина, святилище воздвиг(ли) богу Халду... установил(и) стелу с надписью пред святилищем' (стк. 1—7). В последующем изложении выступает один Ишпуин: ^mIšpuiniše ^mSardurḫiniše naḫuni urišḫi gazuli niribi gasuli... 'Ишпуин сын Сардура поднес оружие прекрасное, жертвенный скот прекрасный...' (стк. 7—9).

Описание совместного действия (приход в Мусасир, сооружение святилища и постанова стелы) предшествует основному тексту, повествующему о том, что совершил царь для прославления культового места. Таким царем остается один Ишпуин. О нем же говорится во второй части билингвы, где имя его также сопровождается царским титулом: iu ^dAldi-kai ALU Ardinidi punabe ^mIšpuinini ^mSardurieḫe ŠARRU DAN.NU ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušpa-ÂLU 'когда пред богом Халдом в город Ардини пришел Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь вселенной, царь стран Биайн, властитель города Тушпы' (стк. 16—19). Менуа во всем обширном тексте билингвы нигде не получает титула царя. Он упоминается лишь как сын Ишпуина.

Кроме этого контекстового сходства следует отметить еще одну общую для сопоставляемых текстов особенность, а именно постановку имени Ишпуина с дополнительным суффиксом -ni (Išpuini-ni). При анализе текста Келишинской билингвы эта грамматическая форма заслуживает особого к ней внимания.

Этим суффиксом снабжаются стоящие в именительном падеже специально выделяемые имена собственные. Его получают поставленные в этом падеже имена биайнских царей Ишпуина и всех следующих за ним, ср.: ÂLU Ardinidi punabe ^mIšpuini-ni ^mSardurieḫe 'в город Ардини пришел Ишпуин сын Сардура' (Келишин, стк. 17—18); ^dḪaldinini ušmašini ^mIšpuini-ni ^mSardurieḫe 'Халдовым могуществом Ишпуин сын Сардура' (Ашрут-Дарга, Над. № 25, стк. 2, 7); ^dḪaldinini alsuišini ^mMenua-ni ^mIšpuinieḫe 'Халдовым величием Менуа сын Ишпуина' (Мурад-Су, Над. № 39, стк. 17—18). Во всех этих примерах за именем собственным следует царский титул; ср. также надписи других биайнских царей: ^dḪaldinini alsušini ^mSarduri-ni ŠARRU DAN.NU... (Армавир, Над. № 165, стк. 8—9); ^mRusa-ni ^mSarduriḫi ŠARRU DAN.NU... (Нор-Баязет, Над. № 265, стк. 7—8)³.

³ Несоблюдение этого правила усматривается в двух надписях (№№ 287 и 292). Чтение обеих вызывает сомнение. Надпись № 287 (на щите) дефектна.

Суффикс *-ni* прибавляется к особо выделяемым именам собственным вне зависимости от наличия царской титулатуры. Этим суффиксом снабжается также имя бога в именительном падеже, ср. часто встречающееся ^dHaldi-ni uštabi 'бог Халд выступил' (Сард. лет. А, стк. 1; Язлиташ, Над. № 36, стк. 1 и др.). Такое же оформление в аналогичных текстах получает и царское имя, ср. в тех же надписях: uštabi ^mSarduri-ni ^mArgištihi 'выступил Сардур сын Аргиштиа' (Сард. лет. А, стк. 3—4); uštabi ^mMenua-ni ^mIšruiniehi uluštaibi ^dHaldi-ni 'выступил Менуа сын Ишпуина, предводил бог Халд' (Язлиташ, стк. 5—6). Имя царя и имя бога, стоящие в именительном падеже, получают тот же суффикс *-ni*.

Только в стереотипной формуле славословия имя царя лишается этого суффикса, но без него может ставиться и имя бога: ^mIšruini kuruni ^mMenua kuruni 'Ишпуин всемогущ, Менуа всемогущ' (Над. № 21, стк. 12—13; № 22, стк. 13—14; № 24, лиц., стк. 13). Оба лица отмечаются как облеченные властью. Отсюда можно заключить, что оба они царствовали, хотя имена их лишены дополнительной суффиксации. В формуле славословия также пишется и имя бога, ср.: ^dHaldi kuruni 'бог Халд всемогущ' (Язлиташ, Над. № 36, стк. 3). Можно полагать, что прославление бога и всемогущего царя уже является достаточным их выделением, не требующим такого же обозначения указанным суффиксом.

Без суффикса *-ni* ставится имя бога в славословии, начиная с надписей Менуи. До них (в повествованиях о совместном правлении Ишпуина и Менуи) употребляется форма с наращением данного суффикса: ^dHaldi-ni kuruni (Над. № 20, лиц., стк. 22, обор., стк. 7; № 21, стк. 7; № 22, стк. 7; № 23, стк. 2; № 24 лиц., стк. 7, обор., стк. 8). Такая особенность в написании имени собственного (бога) в надписях совместного правления Ишпуина и Менуи отразилась на тексте одной надписи того же времени, в которой имя прославляемого царя не везде получило тот же суффикс. Имя Ишпуина стоит в ней без суффикса *-ni*, тогда как имя его соправителя Менуи оканчивается этим суффиксом: ^mIšruini kuruni ^mMeinua-ni kuruni (Над. № 24, обор., стк. 14—15). Среди остальных надписей такое начертание царского имени в этой формуле славословия является исключением. Даже в повторном изложении того же текста в той же самой Над. № 24 оба имени поставлены в славословии без дополнительной суффиксации (лиц.

Сохранилось начало царского титула и не вполне ясный знак перед ним. Что касается второй из упомянутых надписей (№ 292), то в ней перед титулом царя восстанавливают (^mRu)-sa-a без суффикса *ni*. Надпись начертана на щите, доставленном в Британский музей. В других надписях того же Русы сына Эрмеси перед царской титулатурой стоит ^mRu-sa-a-ni (ср. Над. № 295). Возникает сомнение в правильности чтения ^mRu-sa-a на щите Британского музея.

стк. 13): ср. обор.: uštali ÂLU Meištaedi ^mIšpuini-ni ^mSardurieḫe ^mMeinua-ni ^mIšpuinieḫe manu ^mIšpuini kuruni ^mMeinua-ni kuruni (стк. 11—15); ср. лиц.: uštali ÂLU Meištaedi ^mIšpuini-ni ^mSardurieḫe ^mMeinua-ni ^mIšpuinieḫe manu ^mIšpuini kuruni ^mMenua kuruni (стк. 10—13) 'выступили в город Меишта Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина. Ишпуин всемогущ, Менуа всемогущ'.

В других надписях имя царя, поставленное в именительном падеже, помещается в славословии без суффикса -ni и получает его во всех остальных случаях. Такой дополнительной суффиксацией выделяются имена царствующих лиц, ср. например: uštali ^mLušainiedi ^mIšpuini-ni ^mSardurieḫi ^mMenua-ni ^mIšpuiniḫi 'выступили против Луша Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина' (Гюсненц, Над. № 21, стк. 9—11). Надпись относится к совместному правлению обоих царей, и оба их имени снабжены суффиксом -ni.

Отмеченные особенности написания имен собственных, в данном случае царских, выступают также в тексте Келишинской билингвы. В приведенном выше самом ее начале⁴ говорится о посещении города Ардини (Мусасира) Ишпуином и Менуей. Текст дефектен. В каком числе поставлен глагол, неясно (nupa-li? от основы nupa- 'приходить', в форме 3-го лица аориста). За ним следуют имя Ишпуина, стоящее в именительном падеже с суффиксом -ni (Išpuini-ni), и царская его титулатура. Он царь могущественный, царь вселенной, царь стран Биайн, властитель города Тушпы (ŠARRU DAN.NU ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušpa-ÂLU). Стоящее далее имя Менуи не сопровождается царским титулом, сохраняемым только за Ишпуином, само имя Менуи не оканчивается суффиксом -ni (Menua), которым снабжено имя его отца Ишпуина (Išpuini-ni). Отсюда можно заключить, что Менуа еще не был царем, соправителем Ишпуина. Он сопутствует своему отцу, но не разделяет с ним царской власти.⁵

Подтверждением этому могут служить также и использованные грамматические формы глаголов. Целый ряд их, стоящих в первой части, дефектен в написаниях личных окончаний, которые восстанавливаются интерпретаторами текста. К числу таких глаголов, кроме упомянутого выше целиком восстанавливаемого nupalī, принадлежат образованные от основ šidištu- 'воздвигать' и teru- 'устанавливать': šī-di-iš-tú-(ni), te-ru-(ú-ni). Далее в том же

⁴ См. стр. 73.

⁵ Ср. ряд надписей, относящихся к периоду царствования Менуи, где его имя остается без суффикса -ni (Menua); но здесь это имя стоит не в именительном падеже, а в косвенном (дательном), к которому данный суффикс не прибавляется, ср.: ^dHutuini bidini ^mMenua ^mIšpuinieḫinie ^mInušra ^mMenua-ḫinie ulguše pišuše alsuiše 'со стороны бога Хутуини Менуе сыну Ишпуина, Инушрае сыну Менуи жизнь, радость, величие' (Над. № 94, стк. 4—7; ср. №№ 93, 94, 95). В Келишинской билингве на стк. 4 название Менуа восстанавливается в дефектном тексте.

тексте первой части надписи поставлено имя царя Ишпуина, которому и приписываются все перечисляемые дальше деяния, причем здесь глаголы стоят в обычной для урартского языка форме аориста с объектным показателем единственного числа (-ni) без показателя субъекта, что свойственно переходному глаголу, передающему действующее лицо в единственном числе: *naḥu-ni urišḫi gazulī niriḫi gazulī naḥu-ni*. . . 'преподнес-он вооружение прекрасное, (жертвенный) скот прекрасный, преподнес. . .' (стк. 8—9). Перечисленные жертвоприношения совершает один царь (Ишпуин). Сын его Менуа тут не упоминается. Он прибыл в Мусасир вместе с отцом, но все, что делается для прославления святилища, приписывается одному Ишпуину. Этому вполне соответствует даваемое мною толкование первых строк надписи (1—7), где речь идет о прибытии в Мусасир (Ардини) царя Ишпуина, сопровождаемого сыном Менуей.

Вполне возможно, что даже в первых строках билингвы (5—6) испорченные в своем написании глагольные формы *šidištu(-)*, *teru(-)* стояли также без субъектного показателя, передавая действие 3-го лица единственного числа, с одним только объектным показателем: *šidištu(ni)*, *teru(ni)*, то есть в той же форме, что и поставленные дальше *naḥuni* (стк. 8—11, 14) и последующие *teruni*, *aguni* (стк. 12). Хотя в Мусасир пришли Ишпуин и Менуа, но действующим лицом с самого начала текста остается один Ишпуин. Это подтверждается тем, что в соответствующих строках ассирийского текста стоит глагол в 3-м лице единственного числа. Едва ли прав Г. А. Меликишвили, приписывающий переводчику непонимание „урартской глагольной формы“. ⁶ Наоборот, мне кажется, что писец вполне правильно передал урартский глагол, построенный по всем нормам основного языка Биайны, а вовсе не его мусасирского говора.

Такому тексту 1-й части вполне соответствует изложение 2-й, которая является по своему содержанию как бы продолжением предыдущей. В 1-й части, начиная со строки 7, перечисляются принесенные Ишпуином пожертвования. Во 2-й части от лица Ишпуина говорится о том, что должно быть сделано с преподнесенными дарами. Менуа в этих строках не только 2-й, но и 1-й части вовсе не упоминается. Перерыв между частями заполняют строки, аналогичные первым строкам надписи, но без имени Менуи и с повторением царского титула, сохраняемого за Ишпуином: *iu ^dAldi-kai ALU Ardinidi nunabe ^mIšpuini-ni ^mSardurieḫe ŠARRU DAN. NU ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušra-ÂLU* 'когда перед богом Халдом в город Ардини пришел Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь вселенной, царь стран Биайн, властитель города Тушпы' (стк. 16—19).

⁶ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 131, примеч. 72.

Если окажется убедительным отнесение 1-й части билингвы к царствованию одного Ишпуина, то повествующая о нем же 2-я часть может содержать описание не предшествовавших событий, а их продолжения. За это говорит единичное упоминание Менуи только в начале 1-й части, отсутствие там за его именем царского титула и грамматическая форма падежа, а также то, что в той же 1-й части, после вступительных строк, извещающих о прибытии в Мусасир двух лиц (стк. 1—7), говорится только об одном Ишпуине (стк. 7—16), так же как и во 2-й части (стк. 16—25). Сомнение в последовательности хода излагаемых событий возбуждает лишь отмеченное выше повторение начальных строк надписи: *iu* ^d*Aldi-kai* *ĀLU* *Ardinidi* *nunabe* *Išpuinini*... 'когда пред богом Халдом в город Ардини пришел Ишпуин...' (стк. 16...). Но эта вставка могла явиться результатом особого стиля царского повествования, подчеркивавшего выдающееся значение деяний царя, прославляющего центр биайнского культа.

В 3-й части билингвы приведена формула проклятия. Она начинается с наречия *iu* 'когда', повторенного два раза (*iu iu*). Первое из них едва ли можно отнести к концу 2-й части надписи. Это наречие обычно предваряет соответствующую фразу и не помещается в ее конце. Поэтому вернее отнести дважды поставленное наречие к началу 3-й части. Такое же наречие, но в единичном написании, стоит впереди обеих предшествующих частей надписи. Им разбивается последовательный ход изложения на ряд глав, идущих одна за другой. Помещение дважды повторенного наречия 'когда' несколько видоизменяет начало 3-й части, усиливая ее значение по сравнению с первыми двумя, как заключительной главы всего повествования. Повторное написание одного и того же наречия может по своему содержанию соответствовать русскому 'когда же наконец'.

Этому отвечает содержание всех трех частей билингвы. В ее начале (1-я часть) говорится о том, что Ишпуин и ему сопутствующий Менуа пришли в Мусасир, где Ишпуин соорудил святилище богу Халду и водрузил стелу с надписью. В середине билингвы, начиная с тех строк 2-й ее части, где перечисляются принесенные Ишпуином жертвоприношения, имя Менуи опущено. Здесь упоминаются подношения Ишпуина и указывается, что должно быть с ними сделано. В конце билингвы (3-я часть) вновь появляются оба имени. Ишпуин и Менуа, принеся жертву богу Халду, произносят заклинание, заканчивающееся угрозой тому, кто осмелится удалить с места или разбить ту самую стелу с надписью, о которой говорилось в начале царского повествования (1-я часть билингвы). Таким образом во всем тексте билингвы трудно усмотреть описание трех различных посещений Мусасира биайнским царем, одним или совместно с сыном. Весь текст объеди-

няется заключительной частью с изложенною в ней формулой проклятия, которая и начинается словами: *iu iu* 'когда же наконец'.

Заклинание начинается с этих слов: 'когда же наконец пред богом Халдом в город Ардини пришли Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина, они заклали богу Халду жертвенных животных [и] сказали' (*iu iu* ^dHaldi-kai (ĀLU Ar)dinidi nunalī ^mIšpui(nini) ^mSardurehe ^mMenua ^mIšpuinihe (atqana)ditu ^dHaldie niribe tiaitu, стк. 25—28). Глаголы здесь стоят с субъектным показателем 3-го лица множественного числа: *nuna-li* 'пришли-они', *atqana-ditu* 'принесли (заклали)-они жертву', *tia-itu* 'сказали-они'. Глаголы согласованы с двумя действующими лицами, с Ишпуином и Менуей. Они оба вновь упоминаются, связывая конец надписи с ее началом. Но точно читаемое имя Менуи (Me-nu-a) и в этой последней (3-й) части надписи, так же как и в 1-й, лишено суффикса. Следовательно, и тут Менуа не выступает царем.

В 3-й главе приводится формула проклятия, прсвозглашением которой предваряется жертвоприношение: *atqanaditu* ^dHaldie niribe tiaitu 'заклали богу Халду жертвенных животных [и] сказали' (стк. 28). Далее следует само заклинание, которое разбивается на две части. В 1-й обращается проклятие на того, кто захватит у Халдовых ворот жертвенный скот: *aluše niribe* ^dHaldinani BĀVU haulie (стк. 28—29). Здесь имеется в виду тот перечисленный в 1-й части билинвы обильный скот (*niribe taqae*, стк. 11), который Ишпуин преподнес (*naḥuni*) богу Халду и установил у его врат (*teruni* ^dAldina BĀVU, стк. 12). Стадо в несколько тысяч голов скота было посвящено богу Халду, поэтому его гнев призывается в произносимом проклятии на лицо, виновное в предполагаемом хищении: ^dHaldiše zilbe qīuraedi kuludi(. . .) 'бог Халд потомство [его] на земле пусть изничтожит' (стк. 35—36). О стадах, установленных у божественных ворот, и упоминается в заключительном тексте. Это не те жертвенные животные, которые Ишпуин и Менуа принесли в жертву (*atqanaditu*) перед произнесением заклания.

Часть 2-я формулы проклятия повторяет установившийся стереотип заклательного текста. В нем призывается гнев богов на лицо, покушающееся на цельность стелы и нанесенной на ней надписи: *aluše DUB.TE ini suidulie. . .* 'кто эту стелу выбросит. . .' (стк. 37). Имеется в виду та стела с начертанной на ней двуязычной надписью, о которой повествуется в начале билинвы: *teruni DUB.TE iaganī-kai* 'воздвиг-он стелу [с надписью] перед святилищем' (стк. 6—7). Таким образом весь текст заклания, приведенного в 3-й части билинвы, остается в тесной связи с ее первыми двумя частями.

Формула проклятия может завершить собою описания событий ряда годов. Например, в надписях с историческим содержанием,

представляющих собою летописи, передаются эпизоды различных лет жизни повествующего царя. Помещаемое здесь заклинание связывается со всем предшествующим текстом, так как проклятие обращается на покушающегося уничтожить сам памятник с начертанной на нем надписью, излагающей последовательную серию походов (ср. летописи Аргиштия). Но Келишинская билингва не относится к числу летописных сказаний. Сама формула проклятия в этой надписи получает по своему построению несколько необычный вид. Она дважды обращается к карающему божееству. Один раз бог Халд должен наказать похитителя посвященного ему стада жертвенных животных. В другой раз сонм богов должен обрушиться на лицо, уничтожающее сам письменный памятник.

Разбитый на эти две части весь текст заклинания все же объединен в единое по своему изложению целое, занимающее всю 3-ю часть билингвы. Если бы в ней приводилось описание разновременных посещений Мусасира, то пришлось бы предположить, что Ишпуин, сопровождаемый своим сыном Менуей, специально в третий раз прибыл в этот город только для того, чтобы произнести заклинательный текст, проклиная тех, кто покусится на цельность ранее воздвигнутой стелы и на сохранность стад скота, приведенных в иные годы. Остается прийти к выводу, что билингва не содержит описания разновременных походов и что она по своему содержанию относится к периоду единоличного правления царя Ишпуина.

В урартском языке, согласно действующим в нем нормам спряжения переходного глагола, последний при субъекте в единственном числе получает одни показатели объекта. Субъектные показатели ставятся только при действующем лице во множественном числе. Этим нормам спряжения в точности соответствуют грамматические формы глагола Келишинской билингвы. Выступающие в ее первой части *paḥi-ni* 'преподнес-(он)-его' (стк. 8 след.), *teru-ni* 'установил, поставил-(он)-его', *agu-ni* 'дал-(он)-его' (стк. 12) построены по объектному спряжению, так как действие совершается одним Ишпуином (стк. 7—8). Если представляется обоснованным предположение о том, что тот же царь выступает одним действующим лицом и в предыдущих двух строках, то восстановление дефектных окончаний глаголов *ši-di-iš-tú-(ni)* 'воздвиг, построил-(он)-его' (стк. 5) и *te-ru-(ú-ni)* 'установил-(он)-его' (стк. 6) должно быть признано правильным. В заключительной части надписи (стк. 28) глаголы поставлены в 3-м лице множественного числа субъекта, так как они согласованы с Ишпуином и Менуей: *atqanad-itu* 'совершили-они жертвоприношение', *tia-itu* 'сказали-они'. Все приведенные глагольные формы построены по одной, общей для урартского языка, системе спряжения. Здесь не удастся установить те разновидности глагольных построений,

которые выступают в сопоставляемых двух текстах надписи Мхер-Капуси.⁷

В основах имен и в их склонении незаметно никаких отклонений от выдержанных грамматических правил языка других урартских надписей. Только в необычном написании имени бога Халда (Aldi) можно усмотреть влияние мусасирского говора (стк. 12, 16, 22). Эти замечания, так же как и анализ содержания самого текста, дают основание считать всю билингву не только написанной одновременно, но и излагающей события одного и того же посещения Мусасира царем Ишпуином и его сыном Менуей.

К сожалению, стела Келишина сохранилась со многими дефектными местами, которые издателям текста приходится реставрировать. Написание имени царевича Менуи без суффикса -ni правильно восстанавливается на стершемся месте строки 4, так же как правильно восстанавливается имя царя Ишпуина с наличием этого суффикса на строках 17 и 26. В таком его написании это ясно читаемое имя выступает на строке 2 той же билингвы: (Iš-)ru-u-i-ni-ni. Начертание имени Менуи без суффикса -ni ясно читается на строке 27: Me-nu-a.

В тщательно восстанавливаемом тексте Келишинской билингвы особое внимание обращается на местоположение царского титула. Он помещается в билингве непосредственно за именем Ишпуина, сохраняющим суффикс -ni в его отчетливом чтении (стк. 2—4). С таким суффиксом пишутся имена царей, сопровождаемые царским титулом и без него, ср., например, Над. № 39 Палу: uštabe ^mMeṇua-ni ^mIšpuinieḫe... ^mMeṇua-ni ^mIšpuinieḫe ŠARRU DAN.NU ŠARRU alsuine... (стк. 6—7, 18—20). Этим правилам написания царского имени вполне соответствует реставрированный текст билингвы, в котором титулатура царя поставлена за именем Ишпуина и перед именем Менуи. Тем самым подтверждается приурочение царского титула одному Ишпуину. Им совершаются описанные деяния, что подтверждается также ассирийским текстом билингвы, где глагол стоит в 3-м лице единственного числа. Только в 3-й части билингвы, в которой к проклятиям Ишпуина присоединяется также Менуа, глагол поставлен в 3-м лице субъекта множественного числа: at-qanad-itu 'пожертвовали-они', tia-itu 'сказали-они' (стк. 28). Анализ текста с отмечаемыми в нем особенностями помещения царской титулатуры и грамматического оформления имен собственных Ишпуина и Менуи позволяют отнести Келишинскую билингву к периоду царствования Ишпуина.

⁷ В одном тексте надписи Мхер-Капуси глаголы при множественном числе действующих лиц сохраняют объективный строй спряжения. В другом тексте того же содержания те же самые глаголы получают субъектные и субъектнообъектные показатели.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Сокращения	5
Спряжение урартского глагола	6
Спряжение непереходного глагола в аористе	8
Спряжение переходного глагола в аористе	14
Общая характеристика урартского глагола в аористе	31
Глагол в настоящем-будущем времени (пермансив)	33
Наклонения и особые образования от глагольных основ	36
Урарто-картвельские параллели	54
Келишинская билингва	73

ИВАН ИВАНОВИЧ МЕЩАНИНОВ
Грамматический строй урартского языка

Часть вторая

*

*Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР*

*

Редактор Издательства *А. А. Зырин.*
Художник *Д. С. Данилов.*
Технический редактор *В. Т. Бочевер.*
Корректоры *Н. И. Кизим и Э. В. Коваленко*

*

Сдано в набор 8/VI 1962 г. Подписано к печати 13/IX 1962 г. РИСО АН СССР № 29-108В. Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бум. л. 2^{3/4}. Печ. л. 5^{1/2} = 5^{1/2} усл. печ. л. Уч.-изд. л. 5.58. Изд. № 1838. Тип. вак. № 707. Тираж 1300. Цена 53 коп.

Лен. отд. Изд. Акад. наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Изд. Акад. наук СССР. Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12